

УДК 63.3(2)612.8

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 г., ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
И ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ (1917–1922 гг.):
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ**

Н.В. Агеев

Аннотация. С современных позиций рассмотрены события, связанные с Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революциями и вооруженной борьбой в защиту завоеваний Октября от внешней и внутренней контрреволюции.

Ключевые слова: мировая война, военно-политический союз, военная кампания, стратегия, военное искусство, военное управление, информационная борьба, воинские традиции

Abstract: The article discusses current events associated with the February bourgeois and the October socialist revolutions and the armed struggle to defend the gains of October against internal and external counterrevolution.

Keywords: World War II, military-political Union, military campaign, strategy, military art, military management, information struggle, military traditions

На протяжении почти столетнего отрезка история Гражданской войны преподносилась чуть ли не с кардинально противоположных точек зрения — от события, овеянного героикой и романтикой борьбы угнетенных масс за свое светлое будущее, до преступного действия группы русофобов во главе с Лениным и Троцким, преследующим цель развернуть кровавый террор против простых российских граждан (как вариант — против граждан бывшей Российской империи той или иной национальности — украинцев, эстонцев, латышей, грузин и т. д.).

Истоками Гражданской войны в России, ее «спусковым механизмом» являлись события, связанные с отстранением 2 (15) марта 1917 г. от власти Императора Николая II. Событие вошло в исторические труды как *февральская буржуазная революция*, в результате которой власть перешла в руки Временного правительства. Однако свержение монархии не улучшило ситуацию в стране, а лишь усилило раскол в обществе. Созданное Временное правительство заботилось лишь о сохранении своей власти и не стремилось к наведению порядка в стране и улучшению положения на фронте продолжавшейся Первой мировой войны. Русская императорская армия (РИА), главным образом офицеры среднего и младшего звена, сторонники монархии, оставались реальной силой, угрожавшей властным амбициям созданного правительства. Поэтому с целью ослабления боеспособности армейских частей 14 (27) марта 1917 г. был издан приказ № 1 Петроградскому гарнизону о так называемой «*демократизации армии*».

Согласно приказу, предписывалось во всех воинских частях, подразделениях и службах, а также на кораблях немедленно создать выборные комитеты из представителей нижних чинов. Наибольшее разлагающее для армейской дисциплины значение имел третий пункт Приказа № 1, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. В приказе предусматривалось также, что все оружие «передается в распоряжение и под контроль солдатских комитетов». Приказом вводилось равенство прав «нижних чинов» с остальными гражданами в политической, общегражданской и частной жизни, отменялось титулование офицеров. Таким образом, за красивыми словами скрывался преступный по своей сути путь развала всей системы единоначалия. В результате лишения власти командиров и ликвидации основ воинской дисциплины в армейских рядах возник хаос, что привело к обрушению весной — летом 1917 года русского фронта Первой мировой войны. Повальное дезертирство и появление в тылу вооруженных солдат явилось той точкой невозврата, которая привела к последующим социальным потрясениям в России.

Наращение непримиримости межпартийных столкновений (с марта 1917 г.), недовольство высшего руководящего состава армии (Корниловский мятеж, август 1917 г.) доказывают полную неспособность Временного правительства управлять страной. Наступивший к осени 1917 г. в стране кризис власти грозил обернуться полным развалом уже бывшей Российской империи. Остановить уже ставшие необратимыми процессы не решилась ни одна партия, кроме партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным. В октябре 1917 г. произошла очередная смена власти в стране, причем в столице (Петрограде) это произошло достаточно буднично и бескровно. При этом в стране произошла замена одного правительства другим: *вместо одного не законно избранного, а лишь временного правительства к власти пришло другое, такое же временное. При этом важно понимать следующее.*

Революционные преобразования в России, начавшиеся в феврале 1917 г., являлись деструктивными, они привели к развалу армии, дестабилизации русского фронта Первой мировой войны, обусловили кризис власти и вызвали социальные потрясения. С октября 1917 г. в стране начались революционные преобразования, направленные на укрепление государства. Однако строительству сильной России всячески препятствовали ее зарубежные «партнеры», а планы большевиков по построению социалистического общества шли вразрез с частнособственническими интересами различных категорий граждан внутри самой страны. Именно поэтому, по мере перехода под власть Советов все большего числа крупных городов в России, противодействие со стороны оставшихся не у дел претендентов на управление страной нарастало. После событий октября 1917 г. число дестабилизирующих внутренних и внешних факторов резко увеличилось. В результате *борьба за перераспределение власти и собственности* внутри России начала ожесточаться и в конце концов охватила все регионы бывшей Российской империи. Началась Гражданская война.

Участники Гражданской войны в России

Основными участниками Гражданской войны в России являлись:

- пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики (красные — беднейшие слои населения, простые солдаты);
- сторонники возрождения монархии (белые — средний класс, офицеры);
- противники социалистических отношений и сторонники возвращения частной собственности и власти капитала (белые — средний класс, офицеры);
- разного рода анархисты, любители легкой наживы и откровенно уголовные элементы (зеленые);
- националисты и сторонники отделения по региональному признаку (сепаратисты);
- иностранные регулярные вооруженные силы, участники военной интервенции.

Ожесточенность борьбы на полях Гражданской войны в России усиливалась в результате внешнего вмешательства различных зарубежных стран (Англия, США, Турция, Румыния, Германия, Австро-Венгрия, Канада, Франция, Япония, Италия) во внутренние дела Советской республики. *Это вмешательство с точки зрения международного права классифицируется как иностранная интервенция (см. таблицу).* В зоне интересов США и Японии находились Дальний Восток и Сибирь, Великобритании — Средняя Азия, Закавказье и северная часть европейской территории России (англичане участвовали в интервенции с Силами поддержки Северной России). Силы Антанты и, главным образом, Франция использовали в своих интересах находившиеся на территории Российской империи части Чехословацкого корпуса (сформирован в 1917 г. в основном из пленных чехов и словаков, выразивших согласие сражаться против Германии и Австро-Венгрии).

Иностранная военная интервенция в России (1918–1921)

№ п/п	Страна-интервент	Начало интервенции	Оккупированная область
1	Румыния	Декабрь 1917 г.	Бессарабия
2	Австро-Венгрия	Декабрь 1917 г.	Западная Украина
3	Германия	Декабрь 1917 г.	Литва, Латвия, Эстония, Украина и часть Белоруссии, Крым
4	Германия, Турция	Апрель 1917 г.	Закавказье
5	Великобритания, США, Франция, Италия	Март 1918 г.	Север Европейской части России
6	Великобритания	Июль 1918 г.	Дальний Восток, Закавказье, Прикаспийские нефтяные районы

Окончание таблицы

№ п/п	Страна-интервент	Начало интервенции	Оккупированная область
7	Франция	Июль 1918 г.	Сибирь, Дальний Восток
8	Канада	Август 1918 г.	Сибирь, Дальний Восток
9	Великобритания, Франция, Греция	Ноябрь 1918 г.	Северное Причерноморье, Крым
10	США	Апрель 1918 г.	Сибирь, Приморский, Хабаровский края, Сахалин, Курильские острова
11	Япония	Январь 1918 г.	
12	Чехословацкий корпус (белочехи)	Мятеж начался в мае 1918 г.	Области, прилегающие к железной дороге от Урала (Пенза, Сызрань, Самара, Челябинск, Миасс) до Владивостока, Сибирь
13	Итальянский батальон «Савойя»	Сентябрь 1918 г.	
14	Итальянский корпус «Легионе Редента»	С 1919 г.	

В период иностранной военной интервенции (1918–1921), пик которой приходился на 1918–1919 годы, национальные богатства Российской империи безжалостно грабились иностранными державами, которые были заинтересованы в продолжении внутреннего противостояния в России и поэтому активно поддерживали силы оппозиции. Так, в разные годы иностранную военную помощь получали «законные правители Российской империи» А.В. Колчак, А.И. Деникин, П.Н. Врангель.

Не следует забывать и о военных действиях, причиной которых была националистическая агрессивная политика лидеров государств, получивших независимость в результате распада Российской империи. Некоторые из образованных государств впервые обрели независимость и ранее никогда не существовали как самостоятельные субъекты на международных политических картах (Азербайджан, Литва, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Финляндия, Эстония), история других включала периоды собственной государственной независимости, но под другими именами и в различных территориальных границах (Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Молдавия, Польша). Наибольшее ожесточение вызывали территориальные разногласия, а стремление решить их вооруженным путем нередко поддерживалось из-за рубежа, совпадая с задачами иностранной военной интервенции (германо-турецкая интервенция в Закавказье (1918), английская интервенция в Закавказье (1918–1920) и др.). Нередко национальные правительства поддерживали выгодные для себя устремления участников Гражданской войны — белую или красную армию (советско-эстонская или Освободительная война (1918–1920), советско-грузинская война или советизация Грузии (1921), Гражданская война в Финляндии (1918) и Первая советско-финляндская война (1918–1920) и т. д.). В ходе советско-польской войны против агрессии со

стороны Польши выступили объединенные силы Советской России, Советской Белоруссии, Латвии и Советской Украины (1919–1921, наиболее активные военные действия велись в период с апреля по октябрь 1920 г.). В настоящее время роль участников Гражданской войны в России оценивается в разных государствах по-разному.

Важным при этом является неоспоримый факт того, что большевики удержали власть в своих руках. В тех непростых условиях сделать это было бы невозможно без поддержки подавляющей частью граждан страны действий Красной Армии и советского правительства. Политические лозунги и призывы большевиков не расходились с их делами, они опирались в вооруженной борьбе лишь на собственные силы и не рассчитывали на поддержку и помощь (далеко не бескорыстную) из-за рубежа.

Гражданская война в России резко отрицательно сказалась и на благосостоянии граждан бывшей Российской империи, и на их судьбах. Только *демографические потери нашего Отечества* в годы Гражданской войны составили по разным оценкам от 16 до 27 млн человек. При этом, по подсчетам, общие потери Красной Армии в годы Гражданской войны составили около 7,3 млн человек, в том числе безвозвратные — до 940 тыс. человек (безвозвратные потери армий белого движения (по неполным данным) составили не менее 225 тыс. человек). Потери мирного населения в Гражданской войне (в основном от эпидемий, голода и террора) учету поддаются трудно, по некоторым оценкам они составляли 7–8 млн человек, по мнению некоторых историков достигали 13–18 млн человек.

К вопросу о понятиях

До сих пор ведется полемика о том, как следует называть политические события, произошедшие в России в 1917 году.

И если по поводу отречения от власти Николая II у историков сложилось достаточно однозначное восприятие этого как *«февральской буржуазной революции 1917 года»*, то по поводу событий, произошедших в октябре, такого единодушия нет. Попробуем разобраться.

Если непредвзято, строго с научной точки зрения, оценивать события октября 1917 года, то нельзя не согласиться с тем, что они послужили точкой отсчета таких преобразований в нашей стране, которые повлияли на последующий ход истории всей человеческой цивилизации. Другими словами, приход к власти большевиков, безусловно, относится к важнейшим событиям XX столетия, и это событие по праву можно называть *великим*. Термин *«социалистический»* свидетельствуют о курсе, взятом большевиками, об их цели — построении в России социалистического общества. Простая логика подсказывает, что, согласившись с термином *«февральская буржуазная революция 1917 года»*, обозначавшим переход власти к временному правительству в стране, следует признать правомерность термина *«Великая октябрьская социалистическая революция 1917 года»*, когда власть в стране перешла к правительству большевиков, такому же временному, требующему в последую-

шем подтвердить свои полномочия законодательно. Вводя же для обозначения событий октября 1917 года в оборот термины «переворот», «мятеж», «хунта», которые, кстати, содержат ярко выраженную идеологическую окраску и отражают субъективный взгляд на события, следует точно также называть и события, произошедшие в феврале. Таким образом, название «*Великая октябрьская социалистическая революция*» является вполне корректным, не несет никакой идеологической составляющей и является с научной точки зрения объективным.

Периодизация Гражданской войны

В отечественной историографии нет единой точки зрения на периодизацию Гражданской войны в России. Некоторые историки ее хронологические рамки ограничивают периодом, когда военный вопрос являлся главным в жизни страны (с началом мятежа Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. до ликвидации войск Врангеля в Крыму в ноябре 1920 г.), и именно в эти годы оформились основные фронты Гражданской войны.

Однако если вспомнить, что *гражданской войной называется вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны*, тогда более правильным представляется признать началом войны октябрь 1917 г., когда начались боевые действия против сил внутренней контрреволюции, а ее окончанием — осень 1922 г., когда были ликвидированы наиболее крупные очаги сопротивления на границах государства. Можно выделить следующие пять периодов Гражданской войны в России.

I период (октябрь 1917 г. — май 1918 г.) — подавление первых очагов внутренней контрреволюции, отражение наступления германо-австрийских войск и выход Советской России из Первой мировой войны.

II период (май 1918 г. — март 1919 г.) — военная интервенция стран Антанты, борьба с военной диктатурой А.В. Колчака (с ноября 1918 г., решающие победы были достигнуты с апреля 1919 г. по февраль 1920 г.), отражение начала наступления Добровольческой армии генерала А.И. Деникина на юге страны (июль 1919 г. — апрель 1920 г.).

III период (март 1919 г. — март 1920 г.) — решающие победы Красной Армии над силами внутренней и внешней контрреволюции (в том числе отражение наступления армии генерала Н.Н. Юденича на Петроград с июля 1919 г. по январь 1920 г., завершение разгрома армий А.В. Колчака и А.И. Деникина).

IV период (апрель — ноябрь 1920 г.) — советско-польская война, разгром войск Врангеля в Крыму.

V период (ноябрь 1920 г. — октябрь 1922 г.) — борьба с силами контрреволюции и интервенцией на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Непредвзятый научный подход характеризует любую гражданскую войну как трагическое событие в истории любого государства. Не является исключением и *Гражданская война в России (1917–1922)*. Действительно, этот период нашей истории, кратко и без политической окраски, именуется наци-

ональной трагедией. От голода, болезней, террора и в боях по данным различных источников погибло от 6 до 13 млн человек, в эти годы из России эмигрировало до 2 млн человек.

Ущерб, нанесенный народному хозяйству, составил около 50 млрд золотых рублей, промышленное производство сократилось в 5–15 раз и упало до 7...18 % относительно уровня 1913 г., сельскохозяйственное производство, составлявшее основу российской экономики, сократилось почти вдвое.

К началу 1921 г. из состава бывшей Российской империи вышли территории с населением более 32 млн человек, на политической карте Восточной Европы появились новые независимые государства: Польша, Финляндия, Латвия, Эстония, Украина, Белоруссия и Бессарабия. Несмотря на политические изменения на этих территориях продолжала функционировать единая транспортная система, предприятия вновь образованных стран были заинтересованы в сырьевых ресурсах и более широкой производственной кооперации друг с другом. Учитывая внешнюю военную угрозу, исходящую от руководства государств, осуществляющих военную интервенцию на территории бывшей Российской империи, лидеры молодого Советского государства проводили активную политику, направленную на сближение вновь образованных государств, оказывали им существенную экономическую поддержку.

В результате сбалансированных дипломатических усилий руководства Российской Советской Республики (октябрь 1917 г. — январь 1918 г., с февраля 1918 г. — РСФСР) уже в годы Гражданской войны оформился военно-политический блок стран, в которых в то время была завоевана Советская власть — в Украине, Белоруссии, республиках Закавказской Федерации (Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Грузинская ССР объединились в марте 1922 г.). Решение о необходимости создания нового военно-политического союза советских республик было принято в декабре 1922 года: 13 декабря 1922 г. на 1-м Закавказском съезде Советов, 16 декабря — на 4-м Всебелорусском съезде Советов, на 7-м Всеукраинском съезде Советов, 26 декабря — на 10-м Всероссийском съезде Советов. *30 декабря 1922 г. открылся I съезд Советов СССР, на котором были приняты Декларация и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.*

В гражданской войне нет победителей и нет побежденных, а гибель миллионов людей будет напрасной жертвой, если будущие поколения не извлекут уроки из прошлого и не сделают правильных выводов. При этом факт захвата власти в октябре 1917 г. маленькой, но сплоченной партией большевиков и ее победы на полях Гражданской войны (1917–1922) в борьбе за власть свидетельствуют как об организаторских способностях ее государственных и военных лидеров, так и о поддержке ее политики гражданами бывшей Российской империи.

Литература

- [1] Военная история Отечества с древних времен до наших дней: в 3 т. / под ред. академика АЕН РФ генерал-майора В.А. Золотарева. М.: Мосгосархив, 1995. Т. 2. С. 193–228.

- [2] Военный энциклопедический словарь / пред. гл ред. комиссии А.Э. Сердюков. М.: Воениздат, 2007. С. 493, 527–531, 758–769.
- [3] *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2003. 896 с.
- [4] История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А. А. Строков; под ред. И.И. Ростунова. М.: Наука, 1975. Т. 1. 446 с.; Т. 2. 608 с.
- [5] *Канто А.С.* Энциклопедия Мира. М.: Изд. дом «Академия», 2013. Т. 1. С. 129–130.
- [6] *Канто А.С.* Энциклопедия Мира. М.: Изд. дом «Академия», 2013. Т. 2. С. 231–234.
- [7] *Корсун Н.Г.* Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1938. 170 с.
- [8] *Куликов А.С., Рунов В.А.* Кавказский лабиринт. М.: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати», 2011. 424 с.
- [9] *Мультатули П.В.* Николай II. Отречение, которого не было. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2010. 640 с.
- [10] *Оськин М.В.* Первая мировая война. М.: Вече, 2010. 368 с.
- [11] *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. 616 с.
- [12] *Разин А.Е., Строков А.А.* История военного искусства: в 5 т. Т. 5. М.: Омега-Полигон, 1994. 712 с.

УДК 355.94

О СОДЕРЖАНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РУССКОМ ПЛЕНУ (1914– 1918 гг.)

С.Г. Бандурин

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты содержания, обеспечения, использования и репатриации военнопленных, захваченных в ходе Первой мировой войны Русской армией.

Ключевые слова: Гагская конвенция, Положение о военнопленных, военнопленные, Главное управление Генерального штаба, Отдельный корпус жандармов, стражники, ополченцы

Annotation: The article deals with certain aspects of the maintenance, support, use and repatriation of prisoners of war captured during the first world war by the Russian army.

Keywords: Hague Convention, Provision on prisoners of war, prisoners of war, General Directorate of General staff, separate corps of gendarmes, guards, militia

На мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 гг. были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включенные в комплекс норм международного гуманитарного права. Среди прочих вопросов на повестке дня был рассмотрен вопрос о военнопленных. В частности, на Гагской мирной конференции, состоявшейся 18 октября 1907 г., в Положение о законах и обычаях сухопутной войны была включена Глава II «О военнопленных» [1]. Именно это Положение применялось противоборствующими сторонами в годы Первой мировой войны, начавшейся 1 августа 1914 г.

7 октября 1914 г. указом Николая II было утверждено Положение о военнопленных, которое определило правовой статус военнопленных и порядок их содержания. В основу Положения легли позиции Гаагской конвенции 1907 г.

Все расходы на содержание военнопленных предусматривались из военного бюджета. При повторном пленении военнослужащие подлежали военнополовому суду. Сборные пункты военнопленных организовывались в тылу армии при воинских частях, затем военнопленные переправлялись в тыл в распоряжение местных войск [2, л. 3, 5–6].

Команды военнопленных при войсках содержались на тех же основаниях что и местные части — в свободных казармах или в частных домах казарменным порядком. Офицеры могли проживать в частных домах под честное слово, что не будут удаляться за пределы определенного района [2, л. 12].

При этом офицеры и генералы получали денежное содержание: генералы — 1500 руб., штаб-офицеры — 900 руб., обер-офицеры — 600 руб. в год. Военнопленные-солдаты деньгами обеспечивались как нижние чины Русской армии [2, л. 15].

Любопытно, что захваченные шпионы и экипажи торговых судов воюющих стран не пользовались правами военнопленных. Также не признавались военнопленными русские подданные, находящиеся в неприятельских армии и флоте. Как таковой стражи не было, за некоторым исключением [2, л. 1, 6].

Решение всех вопросов по делам военнопленных внутри Российской империи было возложено на Главное управление Генерального штаба. Гражданские власти оказывали содействие военным по исполнению настоящего Положения [2, л. 11].

Решением Военного совета от 3 ноября 1916 г. в составе Главного управления Генерального штаба был создан отдел эвакуационный и по заведованию военнопленных и в составе Московского, Казанского, Туркестанского, Омского, Иркутского и Приамурского округов — отделений по заведованию военнопленных в составе: старший адъютант (штаб-офицер) — 1, помощники старшего адъютанта (обер-офицеры) — 3, писари — 8 [3, л. 31].

Отдел эвакуационный и по заведованию военнопленных Главного управления Генерального штаба (76 чел.): эвакуационная часть — начальник отдела (генерал-лейтенант Генерального штаба) — 1, помощники начальника отдела (генерал-майоры Генерального штаба) — 2, делопроизводители (полковники) — 4, помощники делопроизводителя (штаб-офицеры) — 8, писари — 13; часть по заведованию военнопленных — делопроизводители (полковники) — 5, помощники делопроизводителя (штаб-офицеры) — 5, помощники делопроизводителя (обер-офицеры) — 7, журналист — 1, писари — 28 [3, л. 33].

По мере ожесточения вооруженного противоборства на фронте усиливались и меры по содержанию военнопленных. В частности, рядовой состав вражеских армий стал привлекаться к работам не на добровольных началах, а в принудительном порядке.

Например, в 1916 г. появились Правила о применении труда военнопленных и Временная инструкция стражникам, назначенным для охраны военнопленных [4, л. 1–12].

Решение о привлечении военнопленных к работам принимал Особый комитет при Управлении Московской, Курской, Нижегородской и Муромской железных дорогах, а окончательно утверждал Главный комитет при Управлении железных дорог.

Офицеров на работы не привлекали. Военнопленные состояли в распоряжении местных железнодорожных начальников под присмотром жандармских отделений. Охрана возлагалась на стражников железной дороги (или ополченцев) из расчета один стражник (ополченец) на 10 военнопленных. При этом для непосредственной охраны выделялось минимум три стражника (ополченца). Предусматривалось котловое питание по нормам довольствия Русской армии. Медицинская помощь оказывалась как железнодорожным рабочим. Количество рабочих часов определялось как русским рабочим. При нарушениях и нежелании работать военнопленные возвращались Военному ведомству или подвергались дисциплинарным взысканиям. Применение оружия стражникам и ополченцам разрешалось при беспорядках и побеге нескольких военнопленных.

В обязанность начальника жандармского отделения при охране военнопленных, во исполнение Циркуляра Штаба Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) от 13 февраля 1916 г. № 227, возлагалось установить, путем надлежащего инструктирования в отношении стражников такой порядок [4, л. 6–6об]:

1) а) чтобы военнопленные отнюдь не имели возможность бродить свободно и без присмотра;

б) чтобы военнопленные не могли иметь при себе запрещенных предметов (ножей и проч.);

в) чтобы военнопленные не могли путем получения сведений о движении грузов, войск и проч., оказывать услуги вражескому шпионажу;

г) чтобы военнопленные не могли иметь каких-либо сношений с военнопленными других партий;

д) чтобы военнопленные в целях обеспечения покушения со стороны последних на целостность сооружений и непрерывность движения по железной дороге, отнюдь не допускались к сооружениям и тем путям, на которых они работать не призваны.

2) чтобы стражники:

а) всегда имели оружие и патроны;

б) принимали меры к самому тщательному хранению этого оружия;

в) имели в помещениях расписание наряда и постов, подписанные начальником жандармского отделения, с подробным обозначением в расписании постов и обязанностей постовых стражников;

г) чтобы в каждой команде стражников был старший и на случай его убытия — заместитель.

В декабре 1917 г. был подготовлен проект Положения о правах гражданских пленнх и военнопленнх, в котором особо акцентировался момент, что «правительство рабочих и крестьян всех пленнх объявляет свободными, предоставляя им все права граждан нейтральных стран — перемещение, выезд, освобождение от работ, административных наказаний». Военнопленнм же вменялось в обязанность не выезжать из региона содержания до заключения соглашения между воюющими сторонами. Вместо эвакуационного отдела Главного управления Генерального штаба при отделе военнопленнх ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создавался комиссариат по делам пленнх [5, л. 62]. Но этот документ так и не был реализован в полном объеме, так как началась Гражданская война и появились новые военнопленнх из числа иностранных интервентов.

Таким образом, во время Первой мировой войны в Российской империи на основе Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. был юридически оформлен и применялся на практике свод правил, регламентирующих работу с военнопленными. Применение больших масс войск (сил), пространственный размах военных действий, решительность и бескомпромиссность в сочетании с внезапностью и непредсказуемостью действий противоборствующих сторон в ходе Первой мировой войны обусловили наличие значительного числа военнопленнх с обеих сторон и, как следствие, необходимость их содержания, обеспечения, использования и репатриации после окончания войны.

Литература

- [1] Сайт Международного Комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/rus> (дата обращения 12.02.2018).
- [2] Положение о военнопленнх от 7 октября 1914 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 1в. Д. 2.
- [3] Решение Военного совета от 3 ноября 1916 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 1в. Д. 2.
- [4] Правила о применении труда военнопленнх и Временная инструкция стражникам, назначенным для охраны военнопленнх. М.: Казенная железнодорожная типография Московского узла, 1916. 12 с. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 1в. Д. 4.
- [5] Копия проекта Положения о правах гражданских пленнх и военнопленнх // РГВА. Ф. 1п. Оп. 1в. Д. 2.

УДК 355.94 «1939/1945»

ПОДГОТОВКА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА К ВОЙНЕ В ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО ПЛАНА

М.А. Валувеч

Аннотация. Рассмотрено развитие экономики Германии 1936–1939 гг. На основе анализа Четырехлетнего плана, провозглашенного 9 сентября 1936 г., показаны его проблемные стороны.

Ключевые слова: военная промышленность Германии, Четырехлетний план

Abstract: The article discusses the development of the economy of Germany 1936-1939 based on the analysis of the Four-year plan, proclaimed September 9, 1936, reveals its problematic side.

Keywords: military industry in Germany, Four-year plan

Германский народ был унижен результатами Версальского мирного договора 1919 г. Это соглашение, подписанное после Первой мировой войны, запретило Германии обладать боевой авиацией, бронетехникой и обязало ограничить строительство боевых кораблей. Выплата репараций странам Антанты создавала тяжелые экономические условия. Сложилась благоприятная обстановка для националистической политики с опорой на военную силу.

После прихода к власти НСДАП (нем. NSDAP — Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) и установления абсолютной власти А. Гитлера Германия приступила к перевооружению. Данный процесс проводился в ходе выполнения Четырехлетнего плана. Автор на основе раскрытия деятельности руководства Третьего рейха в его реализации покажет зависимость его от различных факторов.

Развитие и функционирование военно-промышленного комплекса Германии времен Третьего рейха, было заложено на съезде НСДАП 9 сентября 1936 г. На нем А. Гитлер утвердил так называемый Четырехлетний план, который он обосновал целями немецкой экономической политики по повышению уровня жизни широких народных масс и одновременно — усилиями по повышению военной мощи для обороны от внешней большевистской опасности. В действительности же эта программа представляла собой военную экономику в чистом виде, т. е. подготовку в мирное время акта военной агрессии.

А. Гитлер предъявлял к Четырехлетнему плану два требования. Во-первых, ускоренное принятие мер к построению автаркии «как будущего окончательного решения», которое «состояло в расширении жизненного пространства, а соответственно — сырьевой и продовольственной основы». Во-вторых, до расширения военным путем жизненного пространства, существенно увеличить эксплуатацию немецких ресурсов и производительных сил с целью наращивания вооружений, несмотря на возникающие издержки [1].

По прошествии указанного периода немецкая экономика должна быть готова к войне, а армия — к боевым действиям. Для этого было решено увеличить производительность критически важного сырья: повысить добычу Германией нефти до уровня, который мог обеспечить ей вермахт на 18 месяцев; наладить массовое производство синтетического каучука и целлюлозного волокна из древесины; покрыть потребность Германии в жидком топливе из угля; приумножить добычу железных руд [2].

Рейхсминистр экономики Я. Шахт выражал сомнения в целесообразности курса на чрезмерную автаркию. По его мнению, не следовало «оценивать состояние снабжения сырьем, полагаясь только на внутригерманское производство» [3]. Он, в отличие от А. Гитлера, поддерживал стимулирование га-

рантированных поставок и постепенное наращивание вооружений. Усиленное развитие немецкой отрасли сырья и материалов-заменителей означало бы при растущих темпах наращивания военной мощи дефицит рабочей силы и уменьшение производственных мощностей экспортной промышленности и, как следствие, опасность для ввоза продовольствия.

Фюрер не терпел возражений против его программы и назначил верховного главнокомандующего люфтваффе Г. Геринга уполномоченным по Четырехлетнему плану. Это показало, что теперь вся экономическая жизнь Третьего Рейха будет подчинена интересам военных. В новой должности он был наделен правом издавать приказы и предписания, а также давать всем государственным органам, министрам и партийным организациям указания политико-экономического характера [4].

Вследствие чрезмерной бюрократизации организации Четырехлетнего плана она постепенно начала терять реализуемость. Геринг был вынужден признаться, что бюрократическая неповоротливость аппарата ставит «своевременное выполнение Четырехлетнего плана» под угрозу срыва [5].

Я. Шахт, продолжая выражать несогласие с позицией фюрера, покинул пост рейхсминистра экономики. На смену ему был назначен В. Функ, находящийся под влиянием Геринга, что практически не позволило ему выполнять свои функцим. Геринг при поддержке Гитлера был выдвинут в рейхс-фюреры экономики, причем вермахт и далее оставался ответственным за производство вооружений и сохранял влияние на оборонные предприятия.

Реализация Четырехлетнего плана показала острый недостаток рабочей силы, особенно квалифицированной, который стал решающим тормозящим фактором темпов вооружения. Вместе с тем была увеличена продолжительность рабочего дня и интенсивность использования рабочей силы.

В производстве товаров народного потребления, наоборот, стремились к сокращению рабочего времени и снижению зарплат. Таким способом работников этого сектора косвенно подталкивали к переходу в большом количестве в производственный сектор средств производства. Сотрудников сектора услуг зачастую заставляли заниматься подземным строительными работами, несмотря на отсутствие квалификации. Практически перестала существовать безработица.

Третий рейх намеревался «компенсировать недостаток пространства и товаров, которых он был лишен, за счет повышенного трудового вклада». Например, «выплавлять металл не из иностранных богатых руд», увеличить количество трудозатрат. «Если далее необходимо получать нефть и нефтепродукты не легким путем естественной добычи из недр земли, а сложными химическими технологиями искусственно, то это опять означает повышенные трудозатраты, равно как и усилия по получению более высоких урожаев на ограниченных посевных площадях» [6]. Регулировать вопросы предоставления рабочих кадров для выполнения важных государственно-политических задач приходилось в приказном порядке, с подписанием рабочими трудовых обязательств, о чем 22 июня 1938 г. был вынужден распорядиться Геринг [7].

Оплата труда являлась существенной затратной частью производства, поэтому заработная плата сохранялась на стабильном уровне. Чтобы в таких условиях не допустить инфляции, была введена политика государственного ценообразования.

Особенных усилий при выполнении Четырехлетнего плана требовала аграрная политика Германии. Критическая ситуация с продовольствием прослеживалась на протяжении всего 1936 г. Значительная зависимость от импорта по определенным видам продовольствия и кормов заставляло считать риски во время войны особенно высокими.

Приложенные усилия дали положительный результат в некоторых областях, например, по хлебным злакам, бобовым, яйцам и жирам даже отмечался рост производства, который, однако, был непропорционально мал сделанным материальным и финансовым вложениям. Уже в 1938 г. эксперты считали дальнейший рост производительности сельского хозяйства сомнительным. С повышением выработки росло потребление вследствие повышающихся заработных плат. И если продовольственная политика приносила успехи, повышая самообеспеченность основными продуктами питания до 1939 г., то за счет уменьшения ассортимента продуктов питания. Объем импорта продовольствия за период с введения Четырехлетнего плана до начала войны увеличился почти на 50 %, составив, таким образом, 40 % всего импорта.

Наиболее ощущался дефицит жиров, нехватка которых в самообеспечении составляла 40...50 %. Это была, безусловно, самая большая проблема в обеспечении Рейха продовольствием, что заставило национал-социалистический режим на составление отдельного плана, регламентировавшего выработку, переработку, импорт и потребление жиров. План был направлен на агитацию среди населения в пользу использования жиров отечественной выработки, например, рапсового и сливочного масла с целью экономии валюты.

Тяжелая обстановка была и с кормами — до 30 % фуражного зерна приходилось импортировать. В рационе лошадей увеличили долю проса, вместо овса [8]. Серьезного прироста производства в аграрном комплексе ожидать больше было нельзя, поскольку плодородие почвы ввиду массивного применения искусственных удобрений не повышается, а со временем наоборот, уменьшается ввиду усталости почвы.

Наращивание промышленного производства существенно зависело от расширения производства основных материалов, и в первую очередь — от добычи угля, который стал не только энергоносителем, но и основным сырьем для синтеза новых материалов.

Росло значение добычи и переработки минеральной нефти. Затем сферой особых интересов было обеспечение продовольственного снабжения и развитие сети водных путей и судостроения как предпосылке для создания внутренней транспортной сети, соединенной с остальной средне- и юго-восточноевропейской транспортными сетями. Следующими ключевыми инвестиционными объектами стали химическая промышленность и энергетика (см. таблицу).

Экономика Четырехлетнего плана. Распределение инвестиций (в %) [9]

Сектор	План II	План III	План IV
Минеральная нефть	16,7	22,6	28,3
Синтетический каучук	6,0	7,8	6,9
Прочая химия	27,3	12,5	8,2
Водные пути, строительство портов и судов	21,2	17,8	16,0
Недрагоценные металлы	4,1	3,6	3,7
Черная металлургия	2,7	5,1	3,8
Текстиль	4,0	5,1	5,1
Продовольствие	3,1	7,3	16,0
Уголь	0,5	2,2	2,1
Энергетика	11,0	13,3	7,6
Древесина	1,0	0,3	0,7
Машины и изделия технического назначения	2,3	2,2	0,8
Кожа и кишки	0,1	0,2	0,1
Жилищное строительство	—	—	0,7

В период Четырехлетнего плана усилены попытки самообеспечения минеральными нефтепродуктами за счет увеличения внутренней добычи нефти, а также развития технологии фильтрации. Поскольку доля синтетического топлива германской выработки составляла в 1936 г. уже почти 30 %, администрация Третьего рейха поверила в выполнимость задания Гитлера сделать Германию в течение следующих 18 месяцев независимой от зарубежных поставок нефти. Однако ввиду напряженной обстановки по сырью и рабочей силе имели место серьезные задержки в строительстве необходимых промышленных установок, так что запланированный на 1938 г. уровень производства и близко не был достигнут.

Впрочем, до 1939 г. удалось добиться существенного прироста производства минеральных нефтепродуктов из собственного сырья, именно благодаря Четырехлетнему плану. Прирост добычи нефти составил почти 63 %. Следует также учитывать, что с 1936 по 1939 г. расход потребления минеральных нефтепродуктов вырос почти на 24 %, а зависимость от привозного сырья в сегменте минеральной нефти составила в 1939 г. около 50 % [10].

Производство синтетического каучука также осталось ниже запланированного уровня. Причиной тому были как технологические, так и экономические проблемы. Стоимость синтетического каучука была выше по сравнению с натуральным. К тому же возникли проблемы со снабжением материалами фабрик предприятий шинной промышленности, что задержало их сдачу в эксплуатацию. Из запланированных 29 000 т в 1938 г. было произведено всего 5000 т, что составляло всего 5 % внутреннего потребления Германии [11]. В итоге Германия начала войну практически без каких-либо запасов натуральной или синтетической резины [12].

Особое внимание уделялось внутренней добыче руд, направленной на снижение существующей зависимости от импорта стали в основном из Швейцарии, которая могла прекратить поставки в случае войны. То, что промышленность по техническим причинам не в состоянии вырабатывать из немецкой руды с содержанием железа 26 % столь же дешевый чугун, сколько из шведской руды с содержанием железа 45 %, Гитлера не беспокоило. Как и то, что в этом случае должно быть перестроено все германское доменное производство [13]. Промышленность выступила против нерентабельной деятельности. В ответ Гитлер в феврале 1937 г., заявил о возможности национализации производства железа [14]. Предприниматели металлургической отрасли, обеспокоенные такой перспективой, выступили за разработку бедных руд, но при этом не предприняли ничего для расширения их добычи. Дефицит железа создал проблемы во всех отраслях, что привело к борьбе за ее получение между различными министерствами. На необходимый объем производства этого металла Германия смогла выйти лишь благодаря вкладу аннексированной Австрии.

Таким образом, цель Четырехлетнего плана — обеспечение автономности в случае войны — не была достигнута. Гитлер видел решение проблемы в «завоевании большего жизненного пространства» [6] путем оккупации других стран для поддержки своей экономики. К тому же положение мобилизации, в которой находилась Германия, можно назвать началом войны до производства выстрела.

Из сказанного можно извлечь урок, что без поддержки мировой системы невозможно наладить подготовку национальной экономики к крупномасштабной войне. Даже при наличии в стране производственных мощностей и технологий, отвечающих современности, в условиях глобального противостояния требуется экспансия экономического потенциала других государств.

Литература

- [1] Gereke, 16, 1. 1933, in einer Ministerbesprechung, zit. n. Vogelsang, Reichswehr. S. 488.
- [2] Ebd. S. 106.
- [3] Vgl. Dazu Predöhl, Epochenbedeutung.
- [4] Zur Literatur vgl. Volkmann, Außenwirtschaftliches Programm, S. 262, Anm. 76f.
- [5] Ders., Zwangsautarkie. S. 438.
- [6] Hitler, Mein Kampf. S. 150.
- [7] Ebd. S. 152.
- [8] Durach, Begriff Lebensraum. S. 288.
- [9] Oestreich, Walther Funk. S. 84.
- [10] Vgl. Volkmann, Außenwirtschaftliches Programm. S. 268 f.
- [11] Schürmann, Weg zur Autarkie. S. 3.
- [12] Schulz, Aufstieg. S. 625.
- [13] Information von Scholz, Leitereines von den beiden Industriellen Wolff und Flick finanzierten Pressebüros, an Franz Bracht, den späteren Innenminister Schleichers, 16.11.1932, zit. n. Kühnl, Faschismus. S. 163.
- [14] Kadritzke, Faschismus. S. 163–164.

УДК 355.45

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ — В ПРАКТИКУ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Ф. Ворсин

Аннотация. Рассмотрены уроки Великой Отечественной войны и их применение в строительстве и реформировании системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил.

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение, мобилизация, военная безопасность, военное управление, автоматизированная система управления, кадры

Abstract. The article is devoted to the lessons of the Great Patriotic War and their using in the construction and reform of the Armed Forces system of material and technical support.

Keywords: material and technical support, mobilization, military security, military administration, automated management system, personnel

Народная мудрость учит: хочешь правильно решить проблемы нынешнего дня и не иметь их на перспективу — хорошо знай прошлое, черпай из него все лучшее уже сегодня. Опыт крупнейшей войны XX столетия является непреходящим, особенно для строительства системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил РФ на современном этапе развития. В частности, заслуживающими особого внимания являются опыт развертывания в начале Великой Отечественной войны тыла Центра и приграничных военных округов, а также создание единой для функционирования в военное время устойчивой системы тылового обеспечения войск (сил).

Современная военно-политическая обстановка (ВПО) в мире претерпевает значительные изменения, приобретая все более сложный и неустойчивый характер [1, с. 3]. И хотя в Концепции внешней политики России сказано, что несмотря на то, что опасность развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной, между ведущими государствами остается невысокой, возрастают риски их втягивания в региональные конфликты и эскалации кризисов [2, с. 4], которые по масштабам, скорее всего, будут ограничены рамками театра военных действий или отдельного региона. Характер и способы ее ведения в начальном периоде, с учетом опыта тылового обеспечения войск (сил) в годы Великой Отечественной войны, видимо, еще долго будут служить ориентирами на будущее.

Присутствовавшая долгое время на официальном уровне субъективность в оценке характера военно-политической и экономической ситуации в мире в конце 30-х — начале 40-х годов не позволяла проанализировать в полной мере причинно-следственные связи и закономерность в неудачном исходе приграничных боев, срывах мобилизационного развертывания войск и организации их тылового обеспечения в этот период. Так, к 5 июля 1941 г. было сорвано отмотивирование 68 головных складов, 20 батальонов обслуживания станций снабжения, 3 управлений госпитальных баз, 7 управлений полевых

эвакопунктов, 34 полевых подвижных госпиталей, других частей и учреждений тыла [3, с. 28].

Имеющиеся научные разработки и исторические публикации не в полной мере раскрывают также взаимосвязь теоретических положений и практических решений в подготовке войск приграничных военных округов и тыла Центра с социально-экономическими условиями, сложившимися в стране. В частности, в имеющихся исследованиях поверхностно приведены обоснования принципов отмотилизования и развертывания тыла, анализ подготовки и проведения мобилизационных мероприятий с началом войны.

Не до конца еще выявлены степень реализации и причины срыва ряда подготовительных мероприятий экономического плана. В тот момент явно недооценивался фактор региональной готовности тыла Центра и приграничных военных округов, его влияние на развертывание и работу тыла фронтов.

Именно по этой причине и нарушается преемственная связь исторически закономерных тенденций с современной теорией развертывания системы материально-технического обеспечения (МТО), принижается значимость боевой практики тылового обеспечения минувшей войны.

Какое же положение дел в этом вопросе имело место на самом деле?

Во-первых, подготовка тыла Центра и приграничных военных округов к развертыванию с началом войны базировалась на двух составляющих ее основы — теоретической и практической.

Теоретическую сторону основы подготовки тыла составляли положения советской военной науки о ведении крупномасштабной моторизованной войны в течение длительного периода времени. В соответствии с этим в предвоенные годы активно совершенствовалась организационная структура тыла во всех его звеньях, велись новые теоретические проработки способов действий служб и органов управления тыловым обеспечением в боевых условиях. Важнейшие принципиальные положения по организации тылового обеспечения в бою и операции были отражены в соответствующих боевых уставах и наставлениях. Предусматривалось, в частности, что только полностью развернутый тыл фронтов и Центра в условиях военного времени мог эффективно использовать материально-технические ресурсы и своевременно, в полном объеме, обеспечивать действующие войска.

Вместе с тем ряд положений в теории строительства и подготовки тыла не получил логического развития. Прежде всего, отсутствовали уставные документы по организации тылового обеспечения Красной армии в целом. Существовала одновариантность в порядке и способах развертывания тыла Центра и приграничных военных округов с расчетом на то, что оно будет осуществлено именно в «особый мобилизационный период», без учета вероятности внезапного начала войны, проведения системы оборонительных операций, возможного вклинения противника вглубь территории страны и ведения военных действий на своей территории.

Кроме того, выбор критериев в исчислении предполагаемого объема работы тыла в будущей войне велся только по ориентировочным показателям,

взятым из анализа прошлых войн, без учета значительного увеличения материальных потребностей Красной Армии в целом, а также отдельных фронтов и направлений. Например, показателен рост объемов материальных средств для обеспечения военнослужащих на протяжении последних 100 лет. Так, доля ежедневно доставляемых материальных средств в соотношении к воюющим военнослужащим неимоверно выросла с 6 кг в Первой мировой войне до 20 кг во Второй мировой войне [4].

Что касается практической стороны основы подготовки тыла Центра и приграничных военных округов, то в предвоенный период были достигнуты определенные качественные результаты. За счет интенсификации военного производства была осуществлена частичная моторизация тыла, повышен уровень технического оснащения его служб, резко возросли объемные показатели по накоплению запасов материальных средств, улучшилась профессиональная подготовка кадров.

Однако и здесь имелись недостатки как в общем (организационном) плане, так и в самой системе материально-технического обеспечения. Наиболее серьезные из них заключались в том, что отсутствовали централизованные взаимосвязи служб тыла. Иными словами, службы тыла были разрознены, ощущалась незавершенность их организационно-штатного оформления. В войсковом звене практически отсутствовал личный состав тыла, отвечающий своему предназначению, особенно на полковых и дивизионных складах. Отмечалась низкая маневренность фронтового и армейского тыла, его громоздкость. К тому же накопление значительных запасов материальных средств и, собственно, дислокация частей и учреждений тыла в непосредственной близости от государственной границы, сроки их отмотилизования не отвечали всем требованиям внезапного начала войны.

Поэтому, оценивая итоги начального периода войны, можно выделить три основных момента.

1. Внезапное нападение Германии на Советский Союз, отсутствие угрожаемого периода застало все звенья тыла на положении мирного времени.

2. План прикрытия государственной границы не был выполнен. Глубокое вторжение войск противника на советскую территорию и господство его авиации в воздухе лишило тыл большей части своих ранее запланированных районов отмотилизования и развертывания, привело к потере многих складов с запасами материальных средств, транспортных коммуникаций, что фактически парализовало его деятельность. Только в первый месяц войны потери составили около 12,5 тыс. вагонов боеприпасов, 73 склада ГСМ (171 тыс. м³, около 30 % запаса), 30 складов с продовольствием, до 60 % вещевого имущества неприкосновенного запаса [5, с. 146].

3. В первый месяц войны армии вынуждены были вести напряженные боевые действия без требуемого комплекта тыловых частей и учреждений, испытывая огромные недостатки в материальных средствах и их подвозе.

При таком положении дел тылу фронтов и армий пришлось развертываться уже непосредственно в ходе боевых действий. Передача армиям и

фронтам складов, баз, госпиталей, ремонтных предприятий, предусмотренных мобилизационными планами, затянулась по срокам. Осуществить хотя бы частичное развертывание армейского и фронтового тыла и создать его группировки в приграничных военных округах в ходе начального периода войны не удалось. Отмобилизование и формирование частей, подразделений и учреждений тыла продолжалось во внутренних военных округах в течение всей второй половины 1941 г., и даже в 1942 г. Все это самым непосредственным образом повлияло на неудачный исход многих сражений в начальный период войны.

Суммируя вышеизложенное и преломляя опыт Великой Отечественной войны к современным условиям, можно судить об актуальности и важности готовности системы материально-технического обеспечения к действиям в экстремальных условиях военного времени.

В условиях коренного изменения геополитической и стратегической обстановки, реформирования Вооруженных Сил развертывание тыла Центра и военных округов (в новой их нарезке) остается одной из самых сложных задач. И хотя общие задачи по отмобилизованию, развертыванию, сосредоточению и созданию группировок МТО в соответствующих регионах, на стратегических направлениях сохранились, содержание их в значительной мере изменилось.

Анализ современных взглядов и результатов командно-штабных и исследовательских учений («Запад-2013», «Восток-2014», «Центр-2015», «Кавказ-2016» и «Запад-2017») показывает, что определяющее влияние на ход мобилизационного развертывания системы материально-технического обеспечения военных округов наряду с другими оказывает территориально-экономический фактор. Поэтому отработка вопросов взаимодействия с органами власти на местах по обеспечению поддержания режима военного положения, бесперебойной мобилизации граждан, предприятий и заводов, а также территориальной обороны были одной среди основных задач учений. Совершенствовалась вся система боевой и мобилизационной готовности, мобилизационной подготовки в других составляющих военной организации Российской Федерации [6, с. 11].

С учетом этих и других факторов можно определить некоторые тенденции развития и совершенствования системы материально-технического обеспечения, а именно:

– комплексное развитие территориального принципа материально-технического обеспечения на базе имеющихся и вновь создающихся стационарных и мобильных сил и средств системы МТО, максимальное их использование в начальном периоде войны, вплоть до завершения полного отмобилизования и развертывания их полевых (подвижных) комплектов;

– рациональное приближение сил и средств системы материально-технического обеспечения мирного времени к предполагаемым районам боевых действий, исключающее потери крупных складов с запасами материальных средств с началом войны;

– увеличение резервов сил и средств системы МТО и их распределение по направлениям и эшелонирование по глубине построения с учетом возможных вариантов ведения боевых действий и состава группировок войск (сил) на основных стратегических и операционных направлениях;

– усиление прямой и обратной зависимости подвоза материальных средств группировкам войск (сил) от комплектности использования всех видов транспорта, надежного функционирования коммуникационных направлений и эффективного технического прикрытия барьерных рубежей;

– возрастание соответствия системы управления МТО масштабу выполняемых им задач при переходе с мирного на военное положение, в ходе военных действий, с максимальным использованием технических средств связи и автоматизации.

В этой связи, опираясь на опыт Великой Отечественной войны и преломляя его к реальным условиям функционирования системы материально-технического обеспечения, а также на положения Военной доктрины Российской Федерации [7, ст. 7756], можно существенно повысить эффективность процесса организации мобилизационного развертывания органов управления, войск и учреждений МТО и успешно выполнить стоящие перед ними задачи, максимально сохранив его силы и средства в начальный период войны.

Все это позволит надежно обеспечить военную безопасность Российской Федерации и отстаивать национальные интересы в стратегически важных для России районах мира.

Литература

- [1] *Афанасьев А.* Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной безопасности // *Зарубежное военное обозрение.* 2017. № 1.
- [2] Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // *Консультант Плюс.* www.consultant.ru. (дата обращения 06.02.2018).
- [3] *История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII–XX вв.): в 4 кн. Кн. 3: Тыл Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* СПб.: ВАТТ, 2000.
- [4] *Козак Ю.* Приказано обеспечить // *Красная звезда.* 31 июля 2017.
- [5] 1941 г. — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992.
- [6] *Мухин А.* Оборона России. Итоги развития и перспективы. М.: Центр политической информации, 2016.
- [7] *Военная доктрина Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014. № 52 (Часть 1).*

УДК 355.94

БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ ПРОТИВ КИТАЯ И СССР

В.П. Галицкий

Аннотация. Раскрыто содержание агрессивной политики милитаристской Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) в 20–40-е годы XX века, а также эволюция агрессивной политики Японии в АТР. Показаны разработка и использование японскими милитаристами бактериологического оружия в Китае и подготовка к его применению в войне с СССР. Уделено внимание особенностям проведения Хабаровского судебного процесса над японскими военнопленными, работавшими с бактериологическим и химическим оружием, и применявшими его против китайских и советских граждан в 30–40-е годы XX века.

Ключевые слова: агрессия Японии на Дальнем Востоке, Меморандум Танака, планы «Оцу», «Кан-Току-Эн», Россия, Китай, судебный процесс в Хабаровске, химическое оружие, бактериологическое оружие, военные преступления, японские военнопленные

Abstract. the article reveals the content of the aggressive policy of militaristic Japan in the Asia-Pacific region (APR) in the 20–40s of the twentieth century, as well as the evolution of Japan's aggressive policy in the APR. The author shows the development and use of bacteriological weapons by Japanese militarists in China and the preparation for their use in the war with the USSR. Attention is paid to the peculiarities of the Khabarovsk trial of Japanese prisoners of war who worked with bacteriological and chemical weapons, and used it against Chinese and Soviet citizens in the 30–40s of the twentieth century.

Keywords: aggression of Japan in the far East, Tanaka Memorandum, plans of «Otsu», «Kan-Toku-EN», Russia, China, the trial in Khabarovsk, chemical weapons, bacteriological weapons, war crimes, Japanese prisoners of war

Вскоре после окончания Второй мировой войны в Токио состоялся суд над японскими военными преступниками — Международный военный трибунал (МВТ) для Дальнего Востока, на котором были представлены 11 государств, в том числе СССР. Он проходил в соответствии с приказом Главнокомандующего союзными оккупационными войсками, генерала армии США Д. Макартюра, с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Главным обвинителем выступал американский представитель Дж. Киннан [1]. Казалось бы, судебные процессы над японскими военными преступниками (Токийский, Манильский, Хабаровский и др.) достаточно полно исследованы и описаны. Однако, остаются еще до конца не выясненными причины блокирования США наказания японских военных преступников, применявших бактериологическое оружие против граждан Китая и СССР в 30–40-е годы XX века.

В своей агрессивной политике против Китая и СССР, которая стала реализовываться еще с начала XX в. (наибольшая активность ее началась с 1927 г. (издание «Меморандума Танака»), в 1934 г. был принят план «Оцу» (в 1935 г. утвержден императором), а затем и разработка плана «Кан-Току-Эн» (июль 1941 г.)), политическое и военное руководство Японии придавало большое значение использованию бактериологического и химического оружия. В этих целях по указу японского императора Хирохито в 1936 г. был создан отряд № 731, который имел свою базу в Пиньфане (Маньчжурия), где

проводилась работа по подготовке бактериологического оружия против Китая и СССР. Начальником этого отряда был назначен полковник Исии Сиро (впоследствии — генерал). Еще до начала Второй мировой войны японцы проводили тайные опыты с химическим и бактериологическим оружием на тысячах китайцев, маньчжуров и советских граждан. Считается, что жертвами японского химического оружия стало более 60 тыс. человек, хотя их реальное число было гораздо больше. В некоторых боях потери китайских войск от отравляющих веществ составляли до 10 % [2].

Мировая общественность и СМИ постоянно обвиняли Японию в ее агрессивности, особенно в 1944 и 1945 гг., что Япония официально отвергала и называла США и Великобританию агрессорами. Так, 17 февраля 1945 г. комментатор Токийской радиостанции доказывал, что «Япония за последние 100 лет присоединила к себе только Формозу, Корею и часть Сахалина, которые не превышают штата Аризона, тогда как США за последние 150 лет увеличились в 10,5 раз, а Британская империя с 1400 г. — в 182 раза» [3].

В результате этой агрессивности, только Китай потерял в войне с Японией 35 млн человек. Так, когда 13 декабря 1937 г. японские войска захватили тогдашнюю столицу Китая — Нанкин, то учинили массовое истребление мирных жителей и ограбление города. Жертвами этого преступления стали 300 тыс. человек. Эти и другие преступления были осуждены Международным военным трибуналом для Дальнего Востока на Токийском процессе (1946–1948) [4].

Для реализации своих планов использования химического и бактериологического оружия Японией во многих крупных городах Китая, захваченных японской армией, были построены военные химические заводы и склады для хранения отравляющих веществ (ОВ). Один из крупных заводов находился в Цицикаре. Он специализировался на снаряжении ипритом авиабомб, артиллерийских снарядов и мин. Центральный склад Квантунской группировки войск с химическими снарядами располагался в городе Чанчуне, а его отделения — в Харбине, Гирине и других городах. Кроме того, многочисленные склады с ОВ размещались в районах Хулинь, Муданьцзян и др. В соединениях и частях Квантунской группировки имелись батальоны и отдельные роты для заражения местности, а в химических отрядах — минометные батареи, которые могли использоваться для применения отравляющих веществ [2].

На 1946 г. в распоряжении как американских, так и советских военных имелись факты, свидетельствовавшие о наличии у Японии не только бактериологического и химического оружия, но и его испытательного и боевого применения во время войны в Китае. И это несмотря на то, в то время действовали следующие международные нормативно-правовые акты, запрещающие применение химического и бактериологического оружия: Гагские конвенции 1899 и 1907 гг.; Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г.; Женевские конвенции о защите жертв войны 1929 г.; заявление Ассамблеи Лиги Наций в 1925 и 1927 гг. о том, что агрессивная

война является международным преступлением и что всякие агрессивные войны запрещаются, и всегда должны запрещаться; заявление VI Панамериканской конференции (1926) о том, что агрессивная война является преступлением против человеческого рода и что всякая агрессия является незаконной и как таковая запрещается конференцией [5] и др. На основании этого было принято решение о внесении в протокол судебного заседания Токийского процесса вопроса о наказании Японии за применение бактериологического и химического оружия во время войны в Китае.

В связи с этим по просьбе начальника следственного отдела Токийского процесса Роя Моргана советская сторона обвинения организовала допрос находившегося в советском плену начальника санитарной службы Квантунской группировки войск по вопросам подготовки японцами бактериологической войны Кадзицука Рюдзи. В начале августа 1946 г. японский военнопленный генерал-лейтенант Кадзицука Рюдзи, содержащийся в советском плену, был допрошен в качестве свидетеля, однако он не сообщил ничего конкретного. Нужны были факты, изобличающие Р. Кадзицука.

В советских лагерях для военнопленных начался активный поиск японских военнослужащих, причастных к разработкам и применению бактериологического оружия. Поиск привел к успеху. 11 августа 1946 г. в качестве свидетеля был допрошен военнопленный генерал-майор Кавасима — начальник производственного отдела отряда № 731 с 1941 г. по март 1943 г. Он первым дал показания о преступной деятельности отряда и чудовищных опытах над людьми. Генерал Кавасима также сообщил сведения о полученных японцами результатах в области изучения иммунитета человеческого организма, повышения эффективности противочумной и сыпнотифозной вакцин и др.

Кроме него ценные показания дал еще один свидетель — майор медицинской службы, бывший начальник отделения 4-го отдела отряда № 731 Карасава Томио. Он подробно рассказал о численности, структуре, основных направлениях и преступных методах деятельности отряда, о роли Исии Сиро в разработке биологического оружия. Собранные в СССР материалы были предъявлены главному обвинителю в Токио Киннану, который «признал желательным использовать для суда протоколы показаний ... Кавасима Киоси и Карасава Томио с доставкой обоих в Трибунал для дачи свидетельских показаний». Советская сторона была с этим согласна.

Вместе с тем позиция американского обвинения вскоре резко изменилась. Оно отказывается от этих материалов, сочтя их недостаточными для поддержки своего обвинения японцев. Причем объяснение американцев было крайне невнятным. Их мотивы выяснились довольно скоро. Находившиеся в руках американцев генерал Исии Сиро и его подручные в конце июня 1947 г. составили обстоятельный отчет о химическом оружии и его практическом применении. Американские военные, таким образом, стали обладателями уникальной медицинской информации, полученной в результате экспериментов над людьми. Ни с кем делиться этим американцы не хотели.

Поэтому СССР принял решение готовить самостоятельное обвинение на МВТ с использованием этих свидетелей. В этой связи 7 января 1947 г. советский обвинитель А.Н. Васильев направил в правовой отдел штаба Макартура письмо, в котором советская сторона просила выдать ей Исии Сиро «как военного преступника, совершившего преступления против СССР». Получив отказ, Советское правительство решило провести свой, открытый судебный процесс над японскими военными преступниками, применявшими бактериологическое оружие против советских и китайских граждан.

Среди японских военнопленных, содержащихся в СССР к августу 1948 г. было выявлено 152 бывших сотрудника отряда № 731. Из их числа в список обвиняемых были включены лишь 12 японских военнопленных, принимавших непосредственное участие в подготовке бактериологической войны против СССР: генерал Ямада Отозо, бывший главнокомандующий Квантунской группировкой войск; генерал-лейтенант Кадзицуки Рюдзи, бывший начальник санитарного управления Квантунской группировки; генерал-майор медицинской службы Кавасима Киоси, бывший начальник производственного отдела отряда № 731; генерал-лейтенант Такахаси Токацу, бывший начальник ветеринарной службы Квантунской группировки; генерал-майор Сато Сюндзи, бывший начальник санитарной службы 5-й армии Квантунской группировки; подполковник медицинской службы Ниси Тосихиде, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731; майор медицинской службы Карасава Киоси, бывший начальник отделения производственного отдела отряда № 731; майор медицинской службы Оноуэ Масао, бывший начальник филиала № 643 отряда № 731; поручик ветеринарной службы Хиразакура Дзеинсаку, бывший научный сотрудник отряда № 100 Квантунской группировки; унтер-офицер Митомо Кадзуо, бывший сотрудник отряда № 100; ефрейтор Кикучи Норимицу, бывший санитар, лаборант филиала № 162 отряда № 731; солдат Курусима Юдзи, бывший санитар, лаборант филиала № 162 отряда № 731.

Особое внимание придавалось формированию доказательной базы для обвинения. Был организован просмотр трофейных японских архивов, захваченных советскими войсками в Маньчжурии, состоявших из более чем 2000 томов, принадлежавших японской жандармерии и полиции. Анализом документов, разысканных в трофейных японских архивах, было установлено:

– введена чрезвычайная секретность отрядов № 731 и № 100. Без разрешения главнокомандующего Квантунской группировки войск никто не имел права посетить эти отряды. В зоне Пиньфаня (место дислокации отряда № 731) было введено военное положение;

– всем приграничным с СССР воинским соединениям и частям, вплоть до батальонов, были приданы бактериологические отряды, маскировавшиеся под невинное название «противоэпидемических»;

– согласно оперативному приказу командования Квантунской группировки, в Центральный Китай были направлены специальные бактериологические экспедиции из отряда № 731. Этот отряд варварски использовал живых

людей в качестве подопытного «материала» для своих преступных экспериментов;

– высшими военными органами милитаристской Японии — императорской ставкой и генштабом — было принято решение применить бактериологическое оружие в войне против СССР и в этих целях было разработано «Наставление по бою диверсионных отрядов» [5].

Кроме этого привлекались высококвалифицированные эксперты: армейский эпидемиолог из Хабаровска полковник медицинской службы Краснов В.Д., действительный член Академии медицинских наук профессор Жук-Вережников Н.Н., являвшийся выдающимся советским специалистом в области изучения чумы, а также квалифицированные эпидемиологи, ветеринары и паразитологи (по одному). Большую помощь следствию оказал найденный у генерала Ямада его личный дневник, в котором были доказательства его руководства отрядами № 731 и 100.

Следствием было установлено и инкриминировано обвиняемым во врученном им 16 декабря 1949 г. обвинительном заключении совершение следующих тягчайших преступлений [5]:

– империалистическая Япония, подготавливая агрессию против СССР и других миролюбивых государств, по указу императора Японии Хирохито, реализованного японского генеральным штабом и военным министерством, создала на территории Маньчжурии секретные формирования по разработке бактериологического оружия, включенные в состав Квантунской армии, получившие для зашифровки наименования отрядов № 731 и № 100. Главная задача отрядов № 731 и № 100 и их филиалов состояла в подготовке и практическим применением в войне против СССР бактериологического оружия. Эти факты были установлены собственноручными показаниями обвиняемых японских военнопленных генералов Ямада и Такахаси;

– отряды № 731 и № 100 создали массовое производство бактерий как оружия нападения. Это подтверждено показаниями японских военнопленных генерала Сато, майора Карасава, а также результатами квалифицированной судебно-медицинской экспертизы;

– проведение преступных опытов над живыми людьми, что было установлено показаниями обвиняемых японских военнопленных Кавасима, Карасава и ряда свидетелей. Объектами этих преступных опытов являлись китайские патриоты, участники движения сопротивления против японских оккупантов, и советские граждане, оказавшиеся в результате различных обстоятельств во власти японцев. Люди, подвергавшиеся этим «опытам», погибали мученической смертью. Проведение бактериологических опытов над живыми людьми нашло также подтверждение в официальных японских документах, захваченных советскими войсками в японских архивах в Маньчжурии;

– применение бактериологического оружия в войне против Китая. Как было установлено показаниями обвиняемых японских военнопленных Карасава, Кавасима и Ниси, летом 1940 г. специальной бактериологической экспедицией, возглавляемой начальником отряда № 731 генералом Исии, в районе

Нимбо (Центральный Китай) было произведено заражение значительной территории чумой с использованием для этого чумных блох, в результате чего там вспыхнула эпидемия чумы. Обвиняемый Ниси, в частности, показал, что он в отряде № 731 видел секретный документальный фильм, отображавший боевые действия отряда № 731. Применение бактериологического оружия против Китая было подтверждено обнаруженным в архивах Квантунской группировки войск приказом бывшего главнокомандующего Квантунской группировкой войск генералом Умэдзу № 659-хэй от 25 июля 1940 г. о переброске в Центральный Китай сотрудников отряда № 731 и специального особо секретного груза;

– активизация милитаристской Японией подготовки бактериологической войны против СССР после вероломного нападения на Советский Союз фашистской Германии. Следствием было установлено, что в соответствии с планом «Кан-Току-Эн», т. е. планом развертывания Японией Квантунской группировки войск для нападения на СССР, принятого летом 1941 г., отрядами № 731 и № 100 была организована специальная подготовка кадров офицеров и унтер-офицеров по освоению бактериологического оружия. Этот факт подтвердили обвиняемые Ямада, Такахаси, Кавасима, Ниси, Хиразакура, Иитомо и свидетели Есикаба и Фукузуми.

Собранные доказательства, подтвержденные официальными документами командования Квантунской группировки и свидетельскими показаниями японских военнопленных, непосредственно участвовавшими в разработке и применении бактериологического оружия против китайских и советских граждан, были достаточными для проведения судебного процесса. В конце ноября 1949 г. министр внутренних дел Круглов, министр юстиции Горшенин и Генеральный прокурор Сафонов доложили В.М. Молотову о завершении следствия в отношении указанных выше лиц и внесли ряд предложений. В их числе: арестовать и судить генерала Ямада, переqualифицировать статью всем обвиняемым и судить их по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания немецко-фашистских преступников за злодеяния, совершенные против советских граждан». Как пояснялось, «хотя в этом указе японские военные и не упомянуты, однако их преступная деятельность аналогична преступлениям немецко-фашистской армии» [1]. Всех обвиняемых предлагалось приговаривать к пребыванию в исправительно-трудовых лагерях на срок от 10 до 25 лет. Начать судебный процесс предполагалось 7 декабря в Хабаровске и закончить не позднее 14 декабря.

После принятия дополнений к Постановлению Совета министров Союза ССР от 8 октября 1949 г. против Ямады было возбуждено уголовное дело по признаку 1 ст. Указа от 19 апреля 1943 г. Такое же решение было принято в отношении еще одного обвиняемого — бывшего санитар-практиканта исследовательского отделения филиала 643 отряда № 731 ефрейтора Кикучи Норимицу. А 5 декабря военный прокурор подписал постановление о переqualификации обвинения на эту статью всем подозреваемым. Последним,

9 декабря 1949 г., вошел в эту группу Курусима Юдзи, бывший санитар-лаборант филиала № 162 отряда 731. Таким образом, процесс, изначально планировавшийся как суд над руководителями отряда № 731, приобрел иной статус.

Собранные материалы были представлены Советскому правительству. После этого Совет Министров СССР своим постановлением № 4284-1783 от 2 октября 1949 г. разрешил привлечь выявленных военных преступников из числа японских военнопленных к уголовной ответственности и поручил провести подготовку к открытому судебному процессу руководителям МВД СССР (Круглову), Министерства юстиции СССР (Горшенину) и Прокуратуры СССР (Сафонову), и о результатах подготовки доложить. 12 октября 1949 г. состоялось совещание Правительственной комиссии по организации открытого судебного процесса над японскими военными преступниками. Местом проведения суда был назначен Хабаровск.

Открытый суд в Хабаровске проходил с 25 по 30 декабря 1949 г. и стал единственным трибуналом в мире над военными преступниками, создавшими и применявшими бактериологическое оружие. Открытый судебный процесс в Хабаровске начался в установленный Советским правительством срок — 25 декабря 1949 г. Заседания Военного трибунала Приморского военного округа проходили в Доме офицеров, одном из самых вместительных залов Хабаровска.

После оглашения обвинительного заключения все подсудимые японские военнопленные признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В 21 час 30 декабря 1949 г. Военный трибунал огласил приговор. На основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. японские военные преступники были приговорены: 4 человека к 25 годам лишения свободы, 2 — к 20 годам лишения свободы, 1 — к 18 годам, 1 — 15, 1 — к 12, 1 — к 10, 1 — к 3 и 1 — к 2 годам лишения свободы.

Выводы:

Факт применения бактериологического оружия против граждан Китая и СССР впервые в мире был доказан в судебном порядке.

Американская сторона проигнорировала предложение СССР о включении в повестку дня Токийского трибунала вопроса о применении Японией бактериологического оружия против Китая и СССР и тем самым нарушила международные конвенции о запрете применения химического оружия вообще и в вооруженных конфликтах в частности.

Поведение США на Токийском международном судебном процессе по отношению к СССР и отрицательное реагирование на результаты Хабаровского процесса свидетельствовало о том, что «холодная война» между СССР и США в тот период уже была в разгаре.

СССР не был готов заранее к представлению достоверных доказательств о военных преступлениях командования и военнослужащих Квантунской группировки войск против китайских и советских граждан. При этом такая информация имела, но находилась в несистематизированном виде в разных

советских государственных и военных органах (пограничные войска, военная разведка, органы государственной безопасности (разведка и контрразведка) и т. д. В связи с этим пришлось затратить много времени для ее поиска, обобщения и подготовки в форме судебных доказательств.

Уроки:

Российские правоохранительные органы и СМИ должны заранее собирать и документировать факты нарушений международного права о правилах ведения войны со стороны агрессивных государств как в период подготовки ими такой войны, так и в процессе ее ведения.

Правительства агрессивных государств, применяли, применяют и будут применять тактику замалчивания своих военных преступлений в процессе вооруженных конфликтов, отрицая свою агрессивную политику, оправдывая ее «необходимостью» защищать свой суверенитет от враждебной политики и действий других государств. Это делали и Япония, и Германия в отношении СССР как до начала Второй мировой войны, так и в ходе нее.

На основании вышеизложенного целесообразно заблаговременно быть готовым к проведению упреждающих внешнеполитических информационно-психологических и пропагандистских операций против вероятных агрессоров в целях их своевременного разоблачения в глазах мировой общественности.

Литература

- [1] Как в СССР судили японцев, испытывавших на людях... URL: rg.ru/2015/12/16/rodina-bakorugie.html (дата обращения 22.06.2017).
- [2] Кошкин А. Япония: Зловещее эхо войны. ИА REGNUM 2 июня 2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2283097.html> (дата обращения 28.05.2017).
- [3] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 581. Л. 168.
- [4] Когда началась Вторая мировая война? Какова в этом роль Японии? Интернет-ресурс: regnum.ru, 20 июня 2017 г. (дата обращения 22.06.2017).
- [5] РГВА. Коллекция документов.

УДК 355.94 «1945/1991»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945–1991 гг.)

Р.А. Даниленко

Аннотация. Описаны основные мероприятия по обеспечению национальной безопасности СССР после Второй мировой войны. Сформулированы рекомендации органам государственного и военного управления по порядку организации системы обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: обеспечение национальной безопасности, военный фактор, экономический фактор, политический фактор, «холодная война», система обеспечения национальной безопасности государства

Abstract. The article describes the main measures to ensure national security of the USSR after the Second World War. Recommendations to the state and military authorities on the procedure of organization of the system of national security of the state are formulated.

Keywords: national security, military factor, economic factor, political factor, «cold war», system of national security of the state

Послевоенное развитие советского военного искусства неразрывно связано с обеспечением национальной безопасности советского государства в послевоенный период. С окончанием Второй мировой войны ведущие государства мира (СССР, США, Англия и Франция) вышли на новый этап борьбы за мировое лидерство, за владение сырьевыми ресурсами. Соединенные Штаты Америки, имея на вооружение атомное оружие, показав его мощь при нанесении ударов по Хиросиме и Нагасаки, могли в данных условиях диктовать свою волю. В данной ситуации от политического и военного руководства Советского Союза требовалось приложить максимум усилий, чтобы обеспечить национальную безопасность государства и неприкосновенность своих границ, а также границ своих союзников.

Рассматривая обеспечение национальной безопасности СССР после Второй мировой войны, можно условно выделить два этапа:

1) 1945 г. — сер. 1950-х годов — ликвидация военного превосходства США, основанного на монопольном владении ими атомным оружием, создание советского ядерного оружия и средств его доставки; создание новейших образцов обычного вооружения; развитие реактивной авиации;

2) сер. 1950-х — нач. 1960-х годов — революция в военном деле, суть которой заключалась в быстром переоснащении ВС СССР, США, Англии и Франции ракетно-ядерным оружием; создание противостоящих военных группировок: Североатлантического блока (НАТО) и Организации Варшавского Договора (ОВД).

На данном этапе развития в отношениях между СССР и ведущими западноевропейскими странами установилась «холодная война» — форма существования в послевоенном мире, суть которого составила идеологическая конфронтация просоветского и проамериканского блоков. Начало «холодной войне» было положено 5 марта 1946 г. в «фултонской речи» бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Выступая в колледже американского г. Фултон в присутствии президента США Г. Трумэна, У. Черчилль вначале признал, что военные победы выдвинули Советский Союз в состав «руководящих наций мира», затем отметил, что СССР стремится к «безграничному распространению своей власти и своих доктрин». Эта ситуация, на его взгляд, должна вызывать обеспокоенность, так как это представляло опасность для великих принципов свободы и прав человека «англосаксонского мира». Отныне США и Великобритания должны разговаривать с СССР с позиции силы.

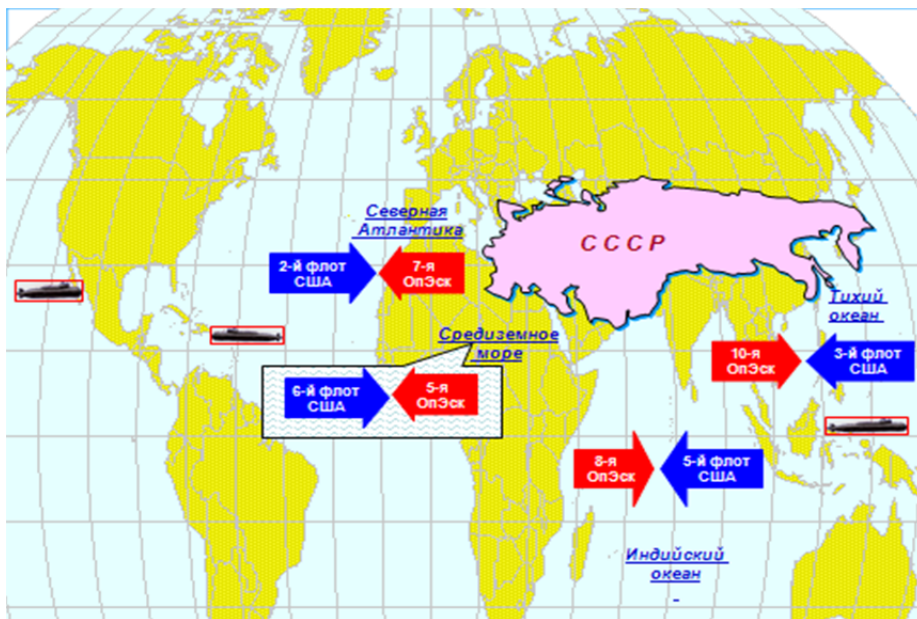
В данных условиях СССР стал проводить активную политику в Азии. Так, СССР немало содействовал тому, чтобы в Китае произошла революция и в 1949 г. была создана КНР. В начале 1950-х годов СССР и США принимали

участие в корейском конфликте. По окончании Второй мировой войны Корея оказалась разделенной на два государства. В 1950 г. руководство Северной Кореи попыталось вооруженным путем объединить страну. Разразилась Корейская война (1950–1953).

Возросшая обороноспособность позволила СССР предпринять попытки затормозить гонку вооружений, сделать шаги в разрядке международных отношений. С этой целью был проведен ряд мероприятий:

- в 1955 г. ВС были сокращены на 640 тыс. чел.;
- в 1956 г. — на 1200 тыс. чел.; было расформировано 63 дивизии и отдельные бригады, на консервацию ставилось 375 боевых кораблей;
- в 1957 г. армия была сокращена еще на 300 тыс. чел.;
- в 1961 г. президент США Д. Кеннеди признал военные силы СССР и США равными. Достижение такого положения стоило СССР немалых затрат и даже жертв, поскольку страна оказалась втянутой в гонку вооружений с США. При этом не всегда принимались оптимальные решения о структуре и составе видов ВС СССР.

Таким образом, к сер. 1960-х годов был достигнут военно-стратегический паритет между СССР и США, имевший стабилизирующее значение с точки зрения национальной безопасности СССР и международного сообщества. В это же время большое значение в плане обеспечения национальной безопасности СССР уделяется Военно-морскому флоту как одному из основных видов ВС СССР. В целом ВМФ СССР удается обеспечить паритет в водах мирового океана (см. рисунок).

Обеспечение паритета ВМФ СССР и ВМС США

В эти же годы органы государственного и военного управления СССР сталкиваются с серьезной проблемой, связанной с обеспечением национальной безопасности государства в сфере экономики и технического развития страны. На рубеже 1970 — 1980-х гг. в мире начался новый этап научно-технической революции, получивший название «микроэлектронная революция». С этого времени уровень развития той или иной страны определяется уже не количеством выплавленной стали, добытого угля, а использованием информационных технологий. По этому показателю СССР отставал не только от ведущих западных стран, но и от новых индустриальных стран (Южной Кореи, Тайваня). Советская экономика, лишенная внутренних стимулов роста, продолжала развиваться экстенсивно, в ее основе по-прежнему находились устаревшие отрасли тяжелой индустрии, которые требовали колоссальных сырьевых ресурсов.

Советский сырьевой сектор работал с постоянными перегрузками. Чтобы покупать новейшие технологии и продовольствие, СССР вынужден был все больше сырья поставлять на экспорт. Видимость благополучия народного хозяйства, сохранявшаяся в 1970-е годы, обеспечивалась за счет «нефтяного допинга». Именно экспорт нефти, цены на которую на мировом рынке выросли за эти годы почти в 20 раз, позволял стране относительно безбедно существовать, обеспечивая продовольственную, космическую и другие программы. В 1970-е годы экономика страны была предельно милитаризована. Наиболее современные производства высокой технологии работали главным образом по военным заказам. Третья часть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Военная экономика, по существу, требовала от страны сильного напряжения в экономическом плане. «Экономическая война» США против Советского Союза и втягивание страны в гонку вооружений дали свои плоды.

К началу 1980-х годов часть высшего советского руководства осознавала необходимость срочного принятия мер для улучшения экономической и социальной ситуации. Смерть в ноябре 1982 г. Л.И. Брежнева и приход к власти Ю.В. Андропова дали новый толчок в работе системы обеспечения национальной безопасности СССР. Андропов принял ряд мер по наведению порядка и производственной дисциплины, стимулировал расследования уголовных дел, связанных с коррупцией. Однако его попытки придать эффективность бюрократической системе без структурных изменений только с помощью организационно-административных мер не могли вывести страну из кризисного состояния.

В этот же период военно-промышленный комплекс страны выходит на ведущие роли в системе обеспечения ее национальной безопасности. Необходимость постоянного повышения технического уровня средств вооружений, производимых этим огромным сектором экономики, обусловила и деформацию государственных расходов: например, в 1988 г. на нужды ВПК было израсходовано 3/4 всех средств, выделенных из госбюджета на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Общая численность персонала оборонных НИИ и КБ превысила 1,8 млн человек, что пре-

вратило эту сферу в крупнейшую отрасль приложения интеллектуального труда. Следует отметить: большинство предприятий ВПК имело «двойной профиль», производя многие виды гражданской продукции.

С началом курса перестройки в СССР в конверсии стали видеть спасительный круг в оздоровление советской экономики. Конверсия явилась центром процесса разоружения. В нашей стране заговорили о разоружении и конверсии ВПК с приходом к власти М.С. Горбачева. Книга Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» явилась одним из тех элементов, который в последующем использовался в качестве аргумента в снижении военных расходов и расходов на обороны страны в целом.

В 1987 году М.С. Горбачев и Р. Рейган подписывают договор о сокращении целого класса стратегических вооружений — ракет средней дальности. Данный шаг стал очередным шагом в снижении обороноспособности государства. Подрыв системы обеспечения национальной безопасности государства в середине 1980-х годов характеризовался тем, что в большинстве республик СССР стали активно проповедоваться антисоциалистические, антисоветские, сепаратистские идеи. Запад активно поддерживал внутренних врагов социалистического строя, направлял их деятельность, подбрасывал ряд идей, разрушающих советский общественный строй. Одной из них явилась идея перехода к так называемой «рыночной экономике», под флагом которой началось систематическое разрушение общественной системы, ВПК страны, ее Вооруженных Сил и в целом всего Советского Союза. «Перестройка» системы государственного и военного управления СССР закончилась в 1991 г. развалом государства.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд рекомендаций органам государственного и военного управления по порядку организации системы обеспечения национальной безопасности государства.

Во-первых, необходимо заблаговременно предусматривать варианты развития негативной внешнеполитической обстановки в мире и формирования из России образа «врага» и «империи зла». Важность этих мероприятий подтверждается тем, что «глобальная война», развязанная против СССР после окончания Второй мировой войны, в конечном счете достигла своей цели — Советский Союз прекратил свое существование; в настоящее время ряд западных стран идут по данному же пути, только основной целью вместо СССР стала Российская Федерация.

Во-вторых, при неудовлетворительной работе в плане улучшения демографической ситуации в стране в будущем государство столкнется с необратимыми последствиями, могущими привести к отсутствию людских ресурсов для защиты границ России, что, в конечном счете, приведет к военному либо невоенному захвату территорий страны и ее энергетических ресурсов; необходимо формирование четкой демографической политики в стране по принципу «одна семья — трое детей» и бесплатного обеспечения детей в возрасте до 16 лет всем необходимым (социальное обеспечения продуктами питания, предметами домашнего пользования и др.).

В-третьих, возрастает роль обеспечения национальной безопасности на границах с Россией и, в частности, в таких странах, как Украина и Белоруссия; политика США по принципу «разделяй и властвуй» достигла своего результата в Украине, где к власти пришли неонацисты и националисты, в результате чего украинский народ находится под влиянием постоянной агитации в ненависти к своему ближайшему соседу — России; нельзя допустить данного сценария развития в Республике Беларусь.

В дальнейших исследованиях автор продолжит работу по изучению исторического опыта обеспечения национальной безопасности в СССР. Все вопросы и пожелания по теме исследования автора просьба присылать на электронный адрес — danilenkodanila@yandex.ru

УДК 65.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ (ОБЕСПЕЧЕНИЯ) СВЯЗИ В ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОМ (ФРОНТОВОМ) ЗВЕНЕ УПРАВЛЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

А.П. Жарский, В.Ф. Свердел, В.Н. Шентура

Аннотация. Рассмотрены предвоенные взгляды командования Красной Армии на вопросы организации (обеспечения) связи в оперативно-стратегическом звене управления.

Ключевые слова: связь военная, принципы организации связи, окружные и фронтовые управления, Управление полевой связи, военно-оперативные узлы связи, комендатуры связи

Abstract. The article deals with the pre-war views of the red army command on the organization (support) of communication in the operational and strategic management.

Keywords: military communications, principles of communication, district and front-line management, Management of field communications, the military-operational-uz-ly communication of the commandant's office of communications

В межвоенный период территория СССР (исходя из оперативно-стратегических и мобилизационных соображений) была разделена на *16 военных округов и один фронт*. Западными приграничными округами являлись: Ленинградский (ЛВО), особые — Прибалтийский (ПриБОВО), Западный (ЗапОВО) и Киевский (КОВО), а также Одесский; южными — Закавказский (ЗакВО) и Среднеазиатский (САВО); дальневосточными — Забайкальский округ (ЗабВО) и Дальневосточный фронт (ДФ). Остальные восемь округов — Московский (МВО), Орловский, Харьковский, Архангельский, Северокавказский, Приволжский, Уральский и Сибирский — относились к внутренним [1, с. 81].

На военное время ряд управлений округов (ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, МВО, ЗабВО, ЗакВО и ДВФ) должны были развертываться во фронтовые управления. С учетом всевозрастающей угрозы нападения Германии на Советский Союз, в Генеральном штабе РККА серьезное внимание в 1938–1941 гг. уделялось поиску оптимальной организационно-штатной

структуры полевого управления фронта. Новый штат полевого управления фронта (№ 02/45) был утвержден Народным комиссаром обороны СССР 12 июня 1941 г. При этом из прямого подчинения начальника штаба фронта был выведен отдел (преобразованный 12.6.1941 г. в управление) связи. Такое решение, как показал впоследствии опыт войны, оказалось ошибочным, так как штаб, являясь непосредственным организатором системы управления войсками, фактически лишался распорядительных функций по отношению к одной из важнейших ее составляющих — силам и средствам военной связи. В первые часы и дни войны это не могло не сказаться на эффективности управления войсками фронта.

На военную связь как материальную основу управления войсками оперативно-стратегического объединения (фронта) возлагались следующие задачи: обеспечение командованию своевременного сбора донесений от подчиненных и передачи им приказов и приказаний, а также представления в срок донесений в вышестоящий штаб; организация взаимной связи соседних войсковых объединений, а также различных видов и родов войск и между собой на всех этапах и рубежах операции; обеспечение управления войсковым тылом и тем самым бесперебойного питания войск всем необходимым; своевременное оповещение войск о воздушной и танковой опасности [2, с. 7–9].

Исходя из решаемых задач, военную связь было принято делить *на связь командования, взаимодействия, тыла и оповещения* [2, с. 8].

К военной связи предъявлялись следующие требования: постоянная готовность к действию средств связи и непрерывность ее в ходе операции (боя) на всю глубину; быстрота организации и развертывания; высокая маневренность сил и средств; скрытность развертывания связи и ведения переговоров и передач; своевременная и точная передача распоряжений и донесений; обеспечение быстроты проверки и контроля передачи и исполнения распоряжений и донесений.

Выполнение этих требований должно было достигаться комплексным применением технических и подвижных средств связи. В зависимости от обстановки и тактико-технических характеристик одни из средств связи в отдельных случаях должны были являться основными, в других — второстепенными.

По характеру передаваемых сообщений и применяемых оконечных устройств техническая связь делилась на телеграфную и телефонную, а в зависимости от используемых линейных средств и средств распространения сигналов — на проводную и радиосвязь. Существовало мнение, что телефонная связь в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления, как правило, будет использоваться в качестве внутренней связи на пунктах управления. Основным же видом связи являлась телеграфная связь, которая использовалась как для передачи оперативных документов, так и для прямых переговоров командования [3, с. 5, 6].

Радио во фронтовом звене управления предполагалось использовать ограниченно. В мирное время радиосвязь в высших звеньях управления орга-

низовывалась (обеспечивалась) в основном с помощью стационарных радиостанций. Основным способом организации радиосвязи считалась радиосеть, и только на отдельных наиболее важных направлениях предусматривалась организация радионаправлений.

В качестве подвижных средств связи могли применяться самолеты, автомобили, танки, бронемашины, мотоциклы и голуби.

В основу организации связи в Красной Армии были приняты три принципа: *«связь сверху вниз, связь справа налево и связь от специальных родов войск к пехоте и коннице»* [4, л. 88, 89].

Сущность принципа связи *«сверху вниз»* заключалась в обязанности установления связи старшего начальника с подчиненными — его силами и средствами. Такой принцип был принят с целью: освободить подчиненного от необходимости устанавливать связь назад, т. е. к старшему начальнику, а сосредоточить все свое внимание и средства на обеспечении связи в своем объединении. В случае же, когда в силу сложившейся обстановки связь между старшим начальником и его подчиненным своевременно не установлена или нарушена, подчиненный обязан был искать связи со своим начальником и добиться установления ее своими силами и средствами или же использованием обходных направлений.

Сущность второго принципа — *«связь справа налево»* заключалась в установлении связи по фронту между соседними объединениями, причем обязанностью каждого командующего и штаба являлось установление связи своими силами и средствами к соседу слева. Соблюдение этого принципа обеспечивало прочную связь по всему фронту (по линии всех соответствующих инстанций). Однако и здесь также не исключены были случаи, когда сосед справа по каким-либо причинам был лишен возможности своевременно установить связь со своим соседом слева. В этом случае каждый штаб, учитывая особую важность этой связи, должен был принять все меры к ее установлению своими силами и средствами.

Третий принцип — *«связь от специальных родов войск к пехоте и коннице»* — относился главным образом к приданной и поддерживающей артиллерии. Сущность его заключалась в том, что артиллерия обязана была устанавливать связь с общевойсковым объединением своими силами и средствами. Конница устанавливала связь с пехотой.

Порядок установления связи между видами вооруженных сил и специальными родами войск при выполнении ими общей задачи и при объединении их под общим командованием определялся объединяющим их действия начальником. Не исключалось, что общевойсковому штабу предполагалось израсходовать часть своих сил и средств для установления связи между специальными родами войск и своим штабом, а иногда даже прибегнуть к средствам старшего начальника.

Принятые принципы организации (обеспечения) связи в Красной Армии (*«сверху вниз»* и *«от правого соседа к левому»*), будучи применимы для обеспечения связи от Генерального штаба к фронтам, а также от фронтов к армиям, требовали творческой доработки, а не механического их использования.

Например, принцип установления связи «сверху вниз» (т. е. со штабом фронта) накануне войны не мог быть выполнен по причине отсутствия своего штатного комплекта войск связи в Генеральном штабе.

Принцип установления связи «от правого соседа к левому» средствами правого соседа в тактическом звене не вызывал недоразумений, но во фронтовом звене он также требовал уточнения. Так, при использовании для установления проводной связи с соседом местных ПВЛС (постоянных воздушных линий связи), что было типично для фронта, на линии появлялись два «хозяина» (начальники связи взаимодействующих между собой фронтов). Каждый из начальников был распорядителем только на том участке линии, который находился в полосе действий его фронта. При этом порядок обеспечения проводной связи на стыках фронтов определен не был.

В оперативно-стратегическом звене управления также недостаточно полно были разработаны принципы организации связи взаимодействия между различными видами вооруженных сил и родами войск. К числу наиболее крупных недоработок в этом отношении следует отнести: порядок обеспечения связи общевойсковых объединений с воздушными десантами, связь встречного взаимодействия в операциях на окружение и уничтожение группировок противника, связь взаимодействия с военно-морскими силами, стратегической авиацией и системой ПВО страны.

При планировании связи не учитывались потребности начальников родов войск (артиллерии, бронетанковых войск), а также начальника тыла. Считалось, что они смогут управлять подчиненными им частями и соединениями, не организуя собственных связей, а используя «оперативную связь» фронта.

Для решения задач по обеспечению управления войсками фронта создавалась система связи, которая могла включать в себя: *узлы связи, оси и направления связи, радионаправления и радиосети, пункты сбора донесений, военно-почтовые учреждения, резервы связи, органы снабжения и ремонта средств связи.*

Центром фронтовой системы связи должны были стать полевые узлы связи («узлы связи штаба») [5, л. 22, 23]. Функционирование полевых узлов связи, их организационно-техническая структура во многом определялись порядком управления и функционирования пунктов управления, принятым в объединении.

Анализ опыта начавшейся Второй мировой войны показал исключительно важную роль полевых узлов связи в обеспечении устойчивого управления войсками. В условиях, когда противник стал выделять узлы связи пунктов управления в разряд первостепенных объектов поражения, в условиях большой подвижности войск — несоизмеримо возросли требования к их живучести и мобильности. Необходимо было коренным образом изменить способы размещения элементов УС на местности, охраны и обороны, инженерного оборудования и порядок перемещения. Однако к началу Великой Отечественной войны ни одна из вышеперечисленных проблем решена не была.

В системе связи оперативно-стратегического звена управления (по опыту Первой мировой войны [6, л. 13, 14], значительное место отводилось силам и средствам общегосударственной сети связи. Боевой комплект фронтовых частей связи в мирное время был только «на бумаге», т. е. в мобплане. Поэтому в начальный период войны (до отмобилизации частей связи РКК) [7, л. 76] начальник связи фронта полагался в основном на силы и средства Народного комиссариата связи (НКС)¹.

При этом важно заметить, что вопросы планирования использования общегосударственных сил и средств связи в интересах Военного ведомства и оборудования ТВД в отношении связи накануне войны находились в ведении (не подчиненного начальнику связи Красной Армии) Отдела связи оперативно-го Управления Генерального штаба² [8, л. 57] (начальник отдела комбриг И.Ф. Иванов³). К планированию также привлекались (в соответствии с Приказом НКО № 0105 от 19.7.1939 г.) не подчиненные начальнику войск связи округа отделения связи оперативных отделов военных округов⁴ [9, л. 90–95]. По опыту Советско-финляндской войны этот порядок был несколько скорректирован и к разработке планов использования общегосударственных средств стали привлекаться и начальники войск связи округов.

¹ Фронтовой и армейский комплекты частей связи именовались войсками связи РКК.

² Управление связи Красной Армии занималось вопросами боевой подготовки войск связи, подготовкой командного состава и специалистов, размещением заказов на изготовление средств связи в промышленности и снабжение ими войск.

³ Комбриг Иванов Иван Федорович, начальник отдела связи Оперативного управления Генштаба КА. Арестован в июле 1941 г. и приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР (20.07.1941) к 7 годам лишения свободы. В августе 1942 г. освобожден из-под стражи и направлен в распоряжение Главного управления связи КА. Судимость снята и 04.02.1943 присвоено звание генерал-майора войск связи. Умер в 1959 г, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

⁴ Отделения связи оперативного отдела военного округа были созданы в соответствии с Приказом НКО № 0105 от 19.07.1939 Комиссия Главного военного совета Красной Армии «по обобщению опыта финской кампании» отметила, что: «Опыт проведенной реорганизации службы связи (приказ НКО № 0105 — 1939 г.)» с созданием самостоятельных отделений оперативной связи при оперативных отделах себя не оправдал. «Такая реорганизация [авт. — по мнению комиссии, обобщавшей опыт Советско-финляндской войны] привела к созданию целого ряда совершенно излишних «контактов», потребовав бесконечных «согласований» и «увязок», а самое главное — внесла в решение любого вопроса по связи ненужную трату времени». В этой связи предлагалось: «В целях наиболее полного и своевременного разрешения всех вопросов, связанных с организацией связи и обеспечением управления как в мирное, так и в военное время восстановить сверху донизу ответственных начальников связи. Функциями начальников связи всех степеней должны быть: подготовка театра в отношении связи (организация связи), организация связи ПВО, тыла, ВВС, боевая подготовка и мобилизационная готовность частей связи, материальная обеспеченность средствами связи, организация и работа полевой почтой».

Основным средством связи, готовившимся НКС в мирное время для фронта, являлась проводная («проволочная») связь по постоянным воздушным линиям связи (ПВЛС). Вся сеть воздушных телеграфно-телефонных линий, в зависимости от емкости операционных направлений, реконструировалась, дополнялась проводами в соответствии с установленным мобилизационным планом расчетом: Генеральный штаб — штаб фронта — два телеграфных провода и цепь цветного металла для ВЧ; между соседними фронтами — два телеграфных провода; штаб фронта — штаб армии — один телеграфный провод, цепь цветного металла для ВЧ и цепь для НЧ с использованием «средней точки» для телеграфной связи.

Кроме проводных средств Наркомат связи (НКС) должен был с началом войны выделить в распоряжение командования фронтов и армий некоторое количество стационарных радиосредств. По мобилизационному плану НКС обязывался выделить 228 радиостанций, в том числе: для Западного особого военного округа — 16 радиостанций, для Киевского особого военного округа — 18 радиостанций. Директива Генерального штаба с новым расчетом и указанием порядка использования радиосредств НКС была разослана военным округам только 8 марта 1941 г., вследствие чего войска не смогли провести необходимые мероприятия по освоению выделенных им радиосредств [10, л. 43–44].

Непосредственное руководство силами и средствами общегосударственной сети связи НКС, поступавшими в распоряжение военного командования с началом стратегического развертывания вооруженных сил возлагалось на полевые органы Наркомата связи (создаваемые в соответствии с Приказом НКО № 052 от 26 марта 1940 г. — Цуполесвязи при НКС, уполесвязи во фронтах и Инспектораты связи при штабах армий). Управление полевой связи НКС фронта (Уполесвязи) развертывалось по указанию Генерального штаба, распоряжением Наркомата связи и штабов военных округов. Всеми видами довольствия и транспортом формирующиеся структуры обеспечивались из ресурсов НКО.

Уполесвязи включало в себя: командование; отдел электросвязи; почтовый отдел; дислокационный отдел; организационное отделение; строевой отдел; отдел снабжения; финансовую часть; административно-хозяйственное отделение и секретную часть. Управление полевой связи НКС фронта имело права юридического лица и гербовую печать, а также текущий счет в полевой кассе госбанка [11, л. 41]. *Штаты управлений полевой связи НКС фронтов утверждались Народным комиссаром обороны, Народным комиссаром военно-морского флота и Народным комиссаром связи.*

Начальник Управления полевой связи НКС фронта назначался из лиц командного состава войск связи кадра или запаса и являлся заместителем Начальника связи фронта (по вопросам использования в интересах фронта общегосударственной сети связи и почтовых учреждений НКС). Вместе с тем у него было двойное подчинение: по оперативным вопросам, связанным с использованием общегосударственной сети связи и службы полевой почты в интересах командования войсками фронта — начальнику связи фронта; по

вопросам специальной службы и восстановления сети связи общего пользования на театре военных действий — начальнику Центрального управления полевой связи НКС.

На Управление полевой связи НКС фронта возлагались следующие задачи: «обеспечение по требованию начальника связи фронта предоставления проводов постоянных телеграфно-телефонных линий НКС для нужд оперативной связи фронта (связь со штабами армий, связь взаимодействия, связи с тылами и т. п.); обеспечение по требованию начальника связи фронта предоставления радиостанций НКС для нужд оперативной связи фронта; восстановление и поддержание в эксплуатационной готовности имеющиеся в распоряжении Уполесвязи фронта частями связи (телеграфно-строительными и телеграфно-эксплуатационными ротами, линейно-восстановительными колоннами и станционно-восстановительными отрядами) постоянных телеграфно-телефонных линий, узлов связи и радиостанций в полосе действий фронта; организация снабжения частей и учреждений полевой связи НКС фронта специальным имуществом связи и эксплуатационно-техническими материалами и руководство работой головных складов полевой связи НКС; контроль за организацией и проведением областными управлениями связи охраны линейных и станционных сооружений предприятий связи НКС на театре военных действий» [12, л. 43–45].

Для поддержания общегосударственных средств связи в эксплуатационной готовности, а также для нового строительства станционных и линейных сооружений в ходе войны на полевые структуры Наркомата связи также возлагались задачи по формированию своих частей связи (телеграфно-строительных и телеграфно-эксплуатационных рот, а также восстановительных отрядов связи и телеграфно-строительных колонн НКС) [13, л. 117, 118].

Анализ архивных документов и других источников дает нам основание полагать, что сроки окончания формирований не соответствовали задачам, возлагавшимся на органы НКС с началом войны. Так, после объявления мобилизации готовность телеграфно-строительных и телеграфно-эксплуатационных рот — от 6 до 11 дней. Если для второго оперативно-стратегического эшелона и резервов такие сроки формирований органов и частей связи НКС могли быть приемлемыми, то они никак не соответствовали задачам войск приграничных военных округов, вступавших в сражение в первые же дни войны.

Кроме того, на органы полевой связи НКС возлагалась задача по созданию в приграничных военных округах военно-оперативных узлов связи (ВОУ). Эти узлы готовились в районах развертывания войск фронта и представляли собой сеть опорных пунктов связи, базируясь на которых, командование фронта могло использовать местные средства связи в интересах управления войсками (такими опорными пунктами могли быть линейно-технические узлы Наркомата связи и районные конторы связи, которые имели особое значение для армии) [14, л. 173–185].

Каждый ВОУ представлял собой своеобразную подсистему связи, включавшую в себя основной узел, определенный командованием в качестве опорного пункта, а также близлежащие узлы и линейно-технические сооружения связи. Границы ВОУ определялись начальниками связи военных округов по согласованию с областными управлениями связи. В оперативном отношении ВОУ должны были подчиняться начальникам связи фронтов через полевые органы НКС, а в административном — начальникам областных управлений связи. В полосе действия фронта планировалось создать несколько военно-оперативных узлов. *Каждый фронтовой полевой узел («узел связи штаба») предполагалось привязывать («базировать») к двум-трем основным телефонно-телеграфным узлам и одному-двум вспомогательным. Например, для Юго-Западного фронта планировалось иметь ВОУ во Львове, Тернополе, Ровно и Проскурове [14, л. 237].*

Количество и дислокация военно-оперативных узлов связи определялись Генеральным штабом Красной Армии, Главным морским штабом ВМФ и Народным комиссаром связи СССР и включались в план отмотилизования. Штаты ВОУ утверждались Наркомами обороны, Военно-морского флота и связи. Ответственность за своевременную подготовку ВОУ возлагалась на Народный комиссариат связи.

Предприятия связи, входящие в состав военно-оперативных узлов связи и ремонтно-строительные колонны, должны были укомплектовываться личным составом по установленным штатам из ресурсов Наркомата связи и его распоряжением. Руководящий состав ВОУ (начальники узлов, заместители по партполитпропаганде и ответственные дежурные по связи — политконтролеры) — по штатам, утвержденным НКО, военнослужащими. Начальник ВОУ являлся представителем НКО и НК ВМФ в органах связи НКС и нес полную ответственность за деятельность всех элементов узла [13, л. 186].

Нужно отметить, что степень мобилизационной готовности военно-оперативных узлов была невысокой. Например, из числа 15 военно-оперативных узлов Киевского особого военного округа, проверявшихся в конце 1940 и начале 1941 г., все они не имели мобилизационных запасов линейных материалов. На многих узлах отсутствовали точные схемы проводных линий связи и схемы скрещивания цепей. Часть ВОУ не была обеспечена необходимым электропитанием. Станционное оборудование большинства узлов включало разнотипную (как отечественную, так и иностранных образцов) аппаратуру [15, л. 23].

Разработанная система руководства силами и средствами общегосударственной сети связи была основана на опыте Первой мировой войны. И хотя в межвоенный период эта система была несколько усовершенствована, тем не менее условиям и характеру ожидавшейся войны она не отвечала. Маршал войск связи И.Т. Пересыпкин впоследствии по этому поводу писал: «За это время резко изменились формы и средства вооруженной борьбы, изменилась советская военная доктрина, согласно которой военные действия в самом начале войны должны были быть перенесены на территорию агрессора. По-

этому трудно представить, как Верховное главнокомандование могло бы, например, управлять действиями оперативно-стратегических объединений, находившимися за пределами Советского Союза [*авт.* — силами и средствами, находящимися в распоряжении Уполесвязи>] [16, с. 29].

Генерал-майор А.Т. Григорьев, руководивший войсками связи Белорусского фронта во время ввода советских войск в Прибалтику, в целом так характеризовал возможности полевых органов НКС по обеспечению устойчивой связи в звене ГШ – фронт – армия:

«...4. Положенное в военное время при фронте «Полевое Управление связи фронта НКС» в такой организации оказалось громоздко, не гибко и сугубо канцелярское (65 чел. штата).

Я полагаю возможным оставить только Управление полевой почты, а их электросектор и другие сектора упразднить. Вместо них усилить т/т отдел областных управлений НКС, и он обязан выполнить все наши задания. То, что мы имели в «уполесвязи», себя не оправдало. Электросектор управлять строительными ротами не может и никогда не справится.

5. Особенно «дико» поставлено у нас дело со службой дислокации на почтовых сортировочных пунктах НКС (фронтовые). Вместо грамотных и доверенных командиров-академиков (во всех армиях эту работу выполняют офицеры Генштаба) у нас НКС укомплектовал это сугубо важное учреждение пьяницами, дебоширами и лицами, не согласованными с НКВД. Кто должен ведать и отвечать за это, найти ответа я не смог. Дальше допускать этого нельзя.

6. Опыт работы проведенных операций показал, что НКС очень оторван от наших требований. Мы готовим операцию, у них никто не знает. Я требовая предъявляю дать колонны и материалы на работы, у них их нет, и они без Москвы ничего не могут делать. Мне нужны люди для занятия узлов Вильно, Двинск, Ковно и др., у них нет, и Москва не помогает. Правда, все, что можно взять, я брал. Но это не система работы» [17, л. 17, 18].

О недостатках системы связи фронтов, планируемой на основе сил и средств связи НКС, начальник УСКА генерал-майор Н.И. Гапич подробно докладывал Наркому обороны (27.10.1940). По этому поводу он, в частности, писал: «Такая система не только не содействует быстроте и надежности развертывания оперативной связи, но даже вносит затруднения, особенно в начальный период войны, когда время установления связи будет ограничено часами, а ответственные за это органы еще будут находиться в стадии развертывания.

Наконец, по сформировании таких управлений уполесвязи между начальником связи Красной Армии, начальниками связи фронтов и армий и существующими на местах органами НКС появляется новая организация, которая в самый ответственный период будет знать положение хуже, чем работавшие люди, а потому будет только мешать нормальной работе.

Считаю наиболее целесообразным, а в условиях, когда войны, как правило, начинаются внезапно, — единственно верным решением, создание комендатуры связи, по типу комендатуры военных сообщений в органах НКПС, которая обеспечит управление связи Красной Армии и начальникам связи

фронтов и армий немедленный переход к обеспечению оперативной связи в военное время» [18, л. 13].

По предложению Начальника управления связи Красной Армии накануне войны было разработано «Положение о военном коменданте на узлах связи НКС и других ведомств Совнаркома».

Представляя его начальнику ГШКА генералу армии Г.К. Жукову начальник УСКА писал: «постоянные провода, выделяемые на военное время из общей сети НКС для нужд Генерального штаба, в нужный момент должны быть в целом ряде предприятий НКС немедленно проверены, переключены в коммутаторах гражданской связи на нужные нам направления, а также должны быть приняты немедленные же меры к недопущению включения в военное время гражданских лиц. Выполняется эта важнейшая работа случайными гражданскими лицами, находящимися на узлах связи НКС, что недопустимо, так как здесь, в этих условиях, может иметь место широкое применение противником и шпионажа, и диверсий, и различного рода вредительства».

Кроме этого, быстрота спрямления и переключения проводов может быть достигнута только в том случае, если на местах, в предприятиях НКС, имеется предварительный план на составление нужных связей, разработанный на основе заявок НКО. Этот план хранится в моботделах соответствующих управлений гражданской связи. Из анализа количества и направлений выделяемых проводов опытные лица всегда могут сделать безошибочный вывод о дислокации развертываемых штабов и какие это штабы.

В целях упорядочения данного вопроса и обеспечения надежной оперативной связи считаю единственно верным решением введение комендатур связи, которые обеспечат Управлению связи Красной Армии и начальникам связи фронтов и армий немедленный переход к обеспечению оперативной связи в военное время» [19, л. 15].

Положение четко регламентировало обязанности комендантов связи как в мирное, так и военное время. Реализация этих своевременных предложений, по мнению маршала войск связи И.Т. Пересыпкина, могла в определенной степени улучшить ситуацию с обеспечением связи в высших звеньях управления Красной Армии, однако, к сожалению, к началу войны по этому проекту ничего сделано не было.

Установленная в мирное время система боевой подготовки войск обеспечивала получение полевой практики главным образом штабами частей и соединений. Вследствие этого вопросы связи полнее разрабатывались для тактического звена управления, а изданные «Наставление по полевой службе штабов» и специальные наставления, руководства и учебники, излагавшие методы организации связи в соединениях и частях, закрепляли накопленный опыт и способствовали достижению единства взглядов.

Иначе обстояло дело в оперативно-стратегическом звене управления. Систематических тренировок по взаимодействию частей связи и органов НКС (при обеспечении связи Генерального штаба с началом войны) в мирное время не проводилось. Штабы приграничных округов, как фронтовые аппараты, и штабы

армий в управлении войсками в сложных условиях с использованием всего комплекса положенных им средств связи тренировались значительно реже, чем штабы соединений. Привлечение же генералов и офицеров отделов связи округов и армий на войсковые учения в качестве посредников хоть и расширяло их кругозор, но не могло заменить практической работы в должности.

Начальник управления связи Прибалтийского Особого военного округа полковник [авт. — впоследствии генерал-лейтенант] П.М. Курочкин, характеризуя довоенную «упрощенную» методику боевой подготовки штабов и руководящего состава войск связи армейского и окружного звеньев управления, писал: «...Связь в районе учений и маневров подготавливалась всегда заблаговременно, за две-три недели. Для обеспечения связи на маневрах, проводимых в каком-либо одном военном округе, собирались многие части связи из других военных округов. Широко применялась общегосударственная связь. Вся подготовленная связь использовалась только для оперативного управления войсками. Что же касается связи, необходимой для управления противовоздушной обороной, военно-воздушными силами, тылом, то она или не учитывалась вовсе, или ее организация изучалась на специальных занятиях, на которых вопросы обеспечения связи для оперативного руководства не разбирались, т. е. опять создавались благоприятные условия. При таких условиях командиры и штабы свыкались с тем, что организация связи не представляет никаких трудностей: в их распоряжении всегда будет связь, и не какая-нибудь, а именно проводная.

Не эта ли создаваемая в мирное время видимость благополучия в обеспечении связи привела к тому, что общевойсковые командиры и штабы пренебрегали трудностями в организации связи, встречавшимися на каждом шагу с самого начала войны?.. Не являлось ли это одной из причин, приводивших к большим затруднениям в руководстве войсками, а часто и к полной потере управления» [20, с. 53].

То же можно сказать и о частях связи. Полевая практика окружных полков и батальонов связи чаще всего заключалась в обеспечении войсковых учений «нейтральной» связью, предназначенной для посреднического аппарата. Такая практика не способствовала накоплению необходимых им навыков для действия по прямому назначению в боевой обстановке. Невелик был и боевой опыт частей связи по обеспечению управления высших штабов, накопленный после гражданской войны.

Что же касается опыта начавшейся в Европе Второй мировой войны, то по вопросам связи он еще только изучался. Так, на основе аналитической записки, представленной в УСКА разведуправлением Красной Армии, генерал-майором Н.И. Гапичем была составлена докладная записка начальнику Генерального штаба генералу армии Г.К. Жукову, в которой отмечалось, что «...успешному выполнению службой связи германской армии сложных задач в современных операциях способствовало: наличие во всех звеньях управления заблаговременно отмобилизованного полностью моторизованного штатного комплекта войск связи; высокая подготовка и натренированность лично-

го состава и оснащение армии вполне современными средствами связи; насыщение армии средствами радиосвязи и умелое их использование [21, л. 2–17]. Заслуживает также внимания организация «летающих штабов» для наблюдения и руководства войсками с самолета»⁵.

Начальник УСКА Н.И. Гапич также обращал внимание руководства НКО на то, что высокий уровень подготовки специалистов связи в германской армии в мирное время достигался за счет значительных сроков срочной службы в войсках связи германских вооруженных сил (4,5 года). В этой связи он просил начальника Генерального штаба Красной Армии выйти с ходатайством «о необходимости увеличения срока службы для всех категорий связистов в армии — до 3 лет».

Вместе с тем такое новое явление войны, как массовое разрушение государственных и военных объектов связи страны, подвергшейся нападению, что имело место в 1939–1940 гг., при вторжении германских войск на территорию Польши и Франции, в руководящих документах по организации управления и связи (в оперативно-стратегических звеньях управления нашей армии) отражения еще не нашло.

Руководство военной связью в оперативно-стратегическом звене управления было возложено на управление связи фронта, которое с началом войны (в соответствии со штатом Полевого управления фронта №02/45) должно было состоять из командования, четырех отделов (оперативного, радиоотдела, телеграфно-телефонного, снабжения) и учебно-строевой части. При этом следует отметить тот факт, что отделы связи ВВС и ПВО округа к началу войны оставались самостоятельными структурами и начальнику связи округа не подчинялись. Начальник УСКА в своем докладе наркому обороны (О состоянии связи Красной Армии) просил обязать начальников этих отделов «обязательно согласовывать свои мероприятия по связи с начальниками связи фронтов и округов».

Таким образом, в соответствии с довоенными взглядами советского военного руководства (на вопросы «службы связи» в оперативно-стратегическом звене управления), задачи по обеспечению связи («командования, взаимодействия и оповещения») предполагалось решать путем комплексного применения технических и подвижных сил и средств связи двух государственных ведомств (НКО и НКС). Считалось, что «в зависимости от оперативной обстановки и тактико-технических характеристик те или иные средства связи будут основными, а другие — второстепенными».

При этом существовало мнение, что телефонная связь во фронтовом и армейском звеньях управления (как правило) может использоваться в качестве внутренней связи на пунктах управления. Основным же видом связи считалась телеграфная, которую предполагалось применять как для передачи оперативных документов, так и для прямых переговоров командования.

⁵ Вероятно, авторы аналитической записки имели в виду воздушные пункты управления (ВзПУ) — прим. автора.

Накануне войны разработка основных положений по связи для оперативно-стратегического звена управления закончена не была. Принятые в основу организации связи в Красной Армии принципы: «связь сверху — вниз», «связь справа налево» во фронтовом звене управления требовали доработки. Единства в руководстве всеми силами и средствами связи фронтового звена управления не было (отделы связи ВВС и ПВО оставались самостоятельными структурами не подчиненными начальнику войск связи округа).

Начальники связи приграничных военных округов к началу войны комплектов узловых и линейных частей связи РГК не имели. Связь во фронтовом звене управления в период развертывания и начальный период войны советское военное руководство (основываясь на опыте Первой мировой войны) планировало организовать (обеспечить) силами и средствами общегосударственной сети связи (т. е. с помощью полевых структур Народного комиссариата связи), что в условиях начавшейся Великой Отечественной оказалось весьма проблематично.

Литература

- [1] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. С. 79–92.
- [2] Наставление службы связи. М.: Воениздат, 1941. С. 7–9.
- [3] *Гапич Н.И.* Служба связи в основных видах общевойскового боя (сд и ск). М.: Воениздат, 1940. С. 5–6.
- [4] «Принципы и методы организации связи») предложений по вопросам службы связи на основе опыта войны с Финляндией 1939–40 гг. (от 20.4.1940 г.). Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 14. Д. 2737. Л. 88–95.
- [5] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 10 Р. Оп. 1. Д. 63. Л. 21, 22, 24.
- [6] Раздел IV. «О подготовке страны к обороне в отношении связи» (доклада начальника УС-КА генерал-майора Н.И. Гапича — «О состоянии службы связи Красной Армии» — 27 октября 1940 г.). ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 1. Л. 13–14.
- [7] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 155. Л. 76.
- [8] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.
- [9] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2737. Л. 90–95.
- [10] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1559. Д. 20. Л. 42, 43.
- [11] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1559. Д. 20. Л. 41.
- [12] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1559. Д. 20. Л. 43–45.
- [13] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 1385. Л. 117, 118.
- [14] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 48/5. Л. 173–185. Положение НКО от 28 апреля 1941 г. о военно-оперативных узлах связи НКС и инструкция по их подготовке.
- [15] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 7. Л. 23.
- [16] *Пересыткин И.Т.* Связь СССР в Великой отечественной войне. СПб: Изд-во «ГАЛАРТ», 2014. С. 29.
- [17] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 87. Л. 17, 18.
- [18] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 1. Л. 2–23. Доклад начальника УСКА о состоянии службы связи Красной Армии от 24.3.1941 г.
- [19] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 1. Л. 15.

[20] Курочкин П.М. Сборник избранных статей. М. Издание Акад. им. М.В. Фрунзе, 1967. С. 53.

[21] ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 27677. Д. 18. Л. 2–17.

УДК 355/359

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДЛЯ НАРАЩИВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДСТВ ВОЕННОЙ СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

А.П. Жарский, В.Н. Шентура

Аннотация. Статья посвящена решению задач мобилизации предприятий промышленности для производства средств военной связи в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизация, предприятия промышленности, средства военной связи, войска связи

Abstract. The article is devoted to solving the problems of mobilization of industrial enterprises for the production of military communications during the great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, mobilization, enterprises of industry, means of military communication, troops of communication

В докладе начальника Управления связи Красной армии генерал-майора Н.И. Гапича «О состоянии службы связи Красной армии» (представленном Наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко за 7 месяцев до начала войны — 27 октября 1940 г.), проблема наращивания производства и поставок средств связи в войска значилась в числе первых, приоритетных и наиболее важных.

«Несмотря на ежегодный абсолютный рост количества средств связи, поступающих в войска — писал Н.И. Гапич, — процент обеспеченности средствами связи не только не возрастает, а наоборот понижается, в силу того, что рост поступления продукции не пропорционален росту численности Армии <...>. Большой некомплект средств связи на развертывание новых войсковых частей не позволяет создавать необходимые мобзапасы на первый период войны <...>. Каких-либо переходящих резервов, как в центре, так и в округах — не имеется. Все имущество, поступающее от промышленности, немедленно “с колес” направляется в войска».

Напряженность в обеспечении войск техникой связи особенно остро стала ощущаться в период стратегического развертывания Советских Вооруженный Сил (с осени 1939 г. по июнь 1941 г.). За это время общая численность армии и флота возросла в 2,8 раза. По этому поводу Н.И. Гапич писал: «...если поставки промышленностью средств связи сохранятся на прежнем уровне и в имуществе связи не будет убыли, то для обеспечения полной потребности НКЮ, без создания мобзапасов, потребуется по ряду номенклатур свыше 5 лет». Расчетные данные на удовлетворение потребностей войск в

средствах связи при существовавших в 1940 г. темпах наращивания их производства представлены в табл. 1.

Основным поставщиком средств связи для Армии и Военно-Морского Флота перед войной (до 70 % всего заказа НКО), был Народный комиссариат электропромышленности (НКЭП), который не был включен в число оборонных наркоматов и не обладал необходимыми их преимуществами в получении сырья и материалов. Последнее отрицательно сказывалось на работе так называемой слаботочной электропромышленности, на количестве и сроках поставки техники связи для Красной Армии.

Таблица 1

Расчетные данные на удовлетворение потребностей войск в средствах связи при существовавших в 1940 г. темпах наращивания их производства

Наименование имущества связи	Ожидаемый комплект на 01.01.1941, ед.	Заказ 1940 г., ед.	Год удовлетворения потребности при существующих темпах поставок
Радиостанции РАТ	33	12	1943
Радиостанции 11-АК, РАФ	610	170	1944
Рации типа 5-АК авто	4 934	750	1947
Аппараты СТ-35	2 796	1 070	1943
Телефоны УНА-И	27 802	7 500	1944
Телефоны УНА-Ф	140 062	17 000	1948
Кабель телеграфный	56 168	8 000	1947
Кабель телефонный	171 618	88 000	1942
Приборы механизации АСК-33	3 996	320	1950

Промышленный комплекс средств связи в СССР в межвоенный период состоял из заводов, созданных еще в царской России различными иностранными компаниями (Эриксона, Сименса и Гальске, Гейслера и др.). Все эти заводы были незначительно реконструированы и расширены, но их мощность не соответствовала растущим потребностям Вооруженных Сил СССР.

Наиболее крупными поставщиками средств связи военному ведомству были:

– ленинградская группа в составе заводов: № 208, производивший автомобильные радиостанции РАТ; «Красная Заря», который был в то время наиболее мощным заводом по производству телефонной аппаратуры (телефонные аппараты, коммутаторы, аппаратура дальней связи и др.); телеграфный завод № 209, выпускавший аппараты Бодо и СТ-35. Военные заказы на этом заводе составляли в 1940 г. до 80 % общего плана производства; № 211 («Светлана»), изготавливавший различные радиолампы; «Севкабель», поставлявший полевой телефонный и телеграфный кабель;

– московская группа в составе заводов: № 203 в Москве, выпускавший переносную радиостанцию РБ и танковую радиостанцию 71ТК; общий пред-

военный годовой объем производства на этом заводе достигал: по радиостанциям РБ — 7–8 тыс. комплектов и по танковым радиостанциям — 4,5–5 тыс. комплектов; № 512 в Люберцах, изготавливавший в год до 10 тыс. радиостанций батальонной сети (РБС); Московский завод анодных батарей; Кольчугинский «Электрокабель»; Щелковский завод радиоламп;

– Горьковский (старейший в стране) радиозавод № 197. На этом заводе изготавливались радиостанции 5АК и 11АК, а затем было начато производство автомобильных и стационарных РАФ, РСБ, а также танковых радиостанций;

– Харьковский завод № 193, изготавливавший различную радио-разведывательную аппаратуру и радиоприемники;

– Калужский электромеханический завод № 1, поставлявший телеграфные аппараты СТ-35, Морзе;

– Саратовский аккумуляторный завод № 195, а также Иркутский и Черемховский заводы анодных батарей.

За десять предвоенных лет, кроме завода «Электросигнал» (Воронеж), выпускавшего широкоэвещательные радиоприемники, а также небольших радиозаводов Наркомата связи № 2 и № 3 в Москве и в Александрове и одного электромеханического завода НКПС под Москвой (Лосиноостровская), никаких других предприятий, изготавливавших средства военной связи, в СССР построено не было.

Для расширения производства средств военной связи Н.И. Гапич предлагал ряд неотложных мер, которые, на его взгляд, могли бы существенно улучшить ситуацию с поставкой техники связи войскам, а именно:

«– форсировать строительство и пуск заводов: телефонной аппаратуры в г. Молотове — Урал (Постановление ЭКОСО⁶ № 230 от 29.03.1939 о сроке окончания строительства в 1941 г.); танковых радиостанций г. Рязань (Постановление КО⁷ при СНК СССР от 07.05.1939 № 104 со сроком готовности I кв. 1941 г.); специальных радиоустановок ПВО г. Рязань (Постановление КО при СНК СССР от 02.04.1939 № 79); типовых радиодеталей г. Рязань (Постановление КО при СНК СССР № 104 от 07.05.1939 со сроком готовности 01.01.1941);

– обязать: НКЭП в 1941 году производить телефонную аппаратуру на Краснодарском заводе «ЗИП» (завод измерительных приборов); НКЧермет СССР увеличить в 1941 г., не менее как в 2 раза производство стальной луженой проволоки для выпуска полевых кабелей и освоить производство тонкой стальной проволоки диаметром 0,15...0,20 мм; НКЭП СССР организовать цеха ручных динамо-приводов на заводе № 266 с тем, чтобы довести выпуск данных машин в 1941 г. до 10 000–15 000 штук;

– разрешить немедленно использовать: для производства полевой телефонной аппаратуры завод в Тарту (Эстония), который до сих пор производил

⁶ ЭКОСО — Экономический совет при Совете народных комиссаров.

⁷ КО — Комитет обороны при СНК СССР.

телефонную аппаратуру для Прибалтийских армий; и завод ВЭФ (Рига), располагающего весьма ценным оборудованием и квалифицированными кадрами;

– для нужд оперативной связи обязать НКЭП СССР освоить и поставить для НКО в качестве опытной партии в 1941 году 500 км четырехжильного пупинизированного кабеля, с приспособлениями для размотки и смотки кабеля по образцу, закупленному в Германии и применяемому в немецкой армии;

– передать НКЭП СССР для производства полевых радиостанций следующие предприятия: Минский радиозавод НКМП⁸ БССР, завод «XX лет Октября» НКМП РСФСР; Одесский радиозавод НКМП УССР; Красногвардейскую граммофонную фабрику — ВСПК; здания завода «Росинструмент» (Павловский Посад) НКМП РСФСР с оборудованием их НКЭП ко 2-му кварталу 1941 г.; здания бывшего Виленского радиозавода в г. Вильнюс с использованием его для производства радиоаппаратуры с 3 квартала 1941 года;

– освободить заводы НКЭП СССР «Электросигнал» г. Воронеж и № 3 г. Александров от производства части ширпотреба, загрузив заводы военным заказом <...>».

Однако, к сожалению, за несколько месяцев до начала войны осуществить предлагаемый Начальником УСКА комплекс мероприятий по развитию промышленной базы средств связи, практически не представлялось возможным.

Кроме того, надо отметить, что наша промышленность к началу войны не смогла наладить производство имевшиеся у нас в наличии образцов аппаратуры высокочастотного телефонирования, тонального телеграфирования и аппаратуры ЗАС. Отсутствие вышеперечисленных средств связи, построение проводных сетей связи исключительно на основе ПВЛС и предопределило экстенсивный путь развития сил и средств связи высших звеньев управления Красной Армии (т. е. за счет непрерывного наращивания линейных частей и подразделений связи) на протяжении всей войны.

С началом войны положение со средствами связи усугубилось большими безвозвратными потерями средств связи, а также недостаточной мобилизационной готовностью «слаботочной электропромышленности» и нерациональным размещением ее производственных мощностей на территории страны.

Основную часть предприятий, производивших технику военной связи, с началом широкомасштабных боевых действий, пришлось эвакуировать в восточные районы СССР. Например, работу по выпуску радиостанций фронтового и армейского звена управления в начале войны смог продолжать только Горьковский завод № 197, производственная мощность которого была явно недостаточной для оснащения значительного числа развертываемых частей связи РКК. Ежемесячный выпуск продукции на этом заводе составлял (комплектов): РАФ — 2–3; РСБ — 26; 11АК– 7–8; 5АК — 41. Производство же таких проводных средств связи, как аппараты Бодо, СТ-35 и др., на некоторое время вообще пришлось приостановить.

⁸ НКМП — Наркомат местной промышленности.

Как же справилась со своими задачами промышленность средств военной связи в ходе войны?

Перемещение ленинградской группы заводов началось уже в июле–августе, московской — в октябре–ноябре 1941 г. Из 19 предприятий 14 (75 %) были эвакуированы. При этом эвакуировались заводы, обеспечивавшие выпуск основной части радиосредств и комплектующих к ним (радиостанций РАТ, РБ, РСБ, радиоламп и источников питания).

Особенно остро стояла проблема с радиостанциями РАТ. В 1941 и 1942 гг. штабы фронтов имели только по одной радиостанции, что не гарантировало поддержания бесперебойной радиосвязи со Ставкой. Роль этой радиостанции в обеспечении связи Ставки с фронтами и армиями возросла с началом оснащения войск специальной аппаратурой «быстродействия» (т. е. аппаратуры буквопечатания по радио типа «Алмаз»).

Эвакуация большинства заводов заранее не планировалась и поэтому была проведена неорганизованно. В новых пунктах дислокации эвакуированные заводы не имели ни приспособленных производственных площадей, ни минимально необходимого количества электроэнергии. Многие заводы были размещены в нескольких помещениях в различных частях города (в Петропавловске — в 43, в г. Касли — в 19 и т. д.). Это, безусловно, сказалось на темпах восстановления производства на новых местах и, следовательно, на удовлетворении нужд армии в радиосредствах. Правительство вынуждено было несколько раз рассматривать вопрос о сроках пуска эвакуированных радиозаводов. Однако, несмотря на принимавшиеся меры, *ни один из установленных правительством сроков восстановления и пуска радиозаводов на новых местах выдерживать не удавалось.*

Радиопромышленность страны удалось «реанимировать» только к началу 1943 г., и после этого (при поддержке московской группы заводов) уже наметилась тенденция к неуклонному росту поставок средств радиосвязи в войска (табл. 2).

Таблица 2

Рост объема поставок радиосредств войскам в 1943–1945 гг.

Наименование радиосредств	1942	1943	1944
Радиостанции РАТ, комплект	14	27	36
Радиостанции РАФ, комплект	451	388	485
Радиостанции РСБ, комплект	2 681	2 525	2 332
Радиостанции РБ, комплект	25 609	48 165	59 396
Анодные батареи (тыс. шт.)	419	883	1 500

Однако расширить производство таких базовых систем радиовооружения РККА, как РАФ и РСБ, до количества, полностью удовлетворявшего потребности войск, так и не удалось. Затянулось (из-за отсутствия достаточных производственных мощностей) и производство буквопечатающей аппаратуры к

РАФ типа «Карбид». Недостаточный выпуск этих радиостанций был обусловлен не столько отсутствием производственных мощностей, сколько невозможностью обеспечения его комплектующими изделиями.

Разработанные перед войной образцы радиостанций для связи Ставки с фронтами и армиями, а также штабов фронтов и армий с корпусами и дивизиями оставались на вооружении на протяжении всей войны. Однако, ввиду невозможности обеспечения войск связи автомобилями ЗИС-5, в которых устанавливалась радиостанция РАФ, возникла необходимость в доработке ее для размещения в автомобилях ГАЗ-ААА. Таким образом, были выпущены модификации радиостанций — РАФ-КВ-1 и РАФ-КВ-2. Наконец, в мае 1943 г. радиостанция получила еще одну модификацию — РАФ-КВ-3, заключавшуюся в использовании передатчика радиостанции РСБ в качестве задающего генератора данной станции. В таком виде она выпускалась до конца войны.

В ходе войны некоторым изменениям подверглась и радиостанция РСБ. Ввиду недостатка дефицитного сырья многие ее детали из цветных металлов пришлось заменить железными, а также использовать и другие многочисленные суррогатные заменители что, безусловно, не могло не ухудшить ее тактико-технические характеристики.

Что касается переносных радиостанций, то здесь необходимо отметить следующее. К началу войны отечественной промышленностью выпускались два типа переносных радиостанций: РБ (полковой сети) и РБС (батальонной сети). Радиостанции РБ в основном производились заводом № 203 в Москве. Годовой выпуск этих радиостанций составлял 8–9 тыс. комплектов. Радиостанции РБС выпускались заводом № 512 (Московская область) в количестве 10–12 тыс. комплектов в год.

Приближение противника к Москве заставило в октябре 1941 г. эти заводы эвакуировать, и выпуск радиостанций РБ был возобновлен лишь в конце первого квартала 1942 г. При этом после эвакуации завод № 203 выпуск радиостанций РБ не возобновлял. Производство этих станций было передано размещавшемуся ранее в г. Александрове (Московской области) и эвакуированному затем в Казахстан заводу № 3 Народного комиссариата связи, который перед войной только начал освоение производства радиостанций РБ. При общей потребности войск в радиостанциях РБ, составлявшей в 1942 г. 48 700 комплектов, промышленность могла за это время поставить только 4479 комплектов, т. е. менее 10 % потребности.

Недостаточное производство радиостанций полковой сети типа РБ побудило к изготовлению других радиостанций, близких по своим тактико-техническим данным к этой радиостанции. Так, в Ленинграде было освоено производство суррогатных переносных радиостанций типа РЛ-6 и РЛ-7. На заводе № 326 в Горьком, ранее выпускавшем радиоизмерительную аппаратуру, было также налажено производство переносных радиостанций 12РП, а в 1943 г. эти же радиостанции стали выпускаться заводом № 729 в г. Александрове. Начиная со второго квартала 1942 г. созданный в Москве завод № 2 НКО приступил к выпуску радиостанции 13Р, также предназначенной для

связи в полковом звене. Все эти радиостанции в основном собирались из деталей широкополосных приемников, изъятых у населения, поэтому они имели худшие тактико-технические характеристики и были менее надежны в работе по сравнению с радиостанцией РБ. Вместе с тем производство таких радиостанций сыграло существенную роль в обеспечении войск средствами связи тактического звена управления.

Во втором квартале 1942 г. на заводе № 590 в Новосибирске был начат выпуск новой переносной радиостанции типа РБМ, по своим качествам значительно превосходившей радиостанцию РБ образца 1937 г.; а с конца 1943 г. — радиостанции типа РБМ-5, предназначавшейся для дивизионной сети. Кроме того, в начале 1943 г. на заводе № 2 НКО была разработана новая ультракоротковолновая радиостанция А-7, предназначавшаяся для связи в стрелковых и артиллерийских полках. В этом же году радиостанции А-7 начали выпускаться заводами № 616 в Ленинграде и № 564 в Новосибирске. В 1944 г. радиостанция А-7 была усовершенствована. Увеличение мощности передатчика позволило увеличить дальность связи в полтора раза (А-7Б).

Что же касается радиостанции батальонной сети (РБС), то хотя дело с ее выпуском обстояло благополучней, она по своим данным не отвечала предъявлявшимся к ней требованиям и поэтому не сыграла существенной роли в обеспечении управления войсками.

Значительное количество радиостанций, выпущенных в годы войны (около 66 %), было изготовлено с применением суррогатных материалов. Поэтому качество продукции (особенно выпускавшейся в начале войны) было низким, процент брака по отдельным типам радиостанций достигал: по радиостанциям РБ — до 36 %, а по радиостанциям 12РП (завода № 326) — около 50 %.

К концу 1941 г. все телефонно-телеграфные и кабельные заводы были перемещены на восток страны, в связи с чем поставка войскам телеграфной и почти всей телефонной аппаратуры на некоторый период прекратилась. Возобновление производства в новых районах проходило с большими трудностями. Многие предприятия не смогли приступить к выпуску продукции сразу же после прибытия на место, а другие, хотя и наладили производство, но выпускали незначительное количество изделий. Особенно неблагоприятно было с поставками для армии полевого кабеля, телефонных аппаратов и коммутаторов, а также телеграфных аппаратов Бодо. Так, в начале 1942 г. потребности войск в телефонных аппаратах промышленность смогла обеспечить на 15...20 %, полевые коммутаторы средней емкости в это время вообще не производились, был полностью прекращен выпуск телеграфных ретрансляций, станций ШК-20, приборов автоматики Бодо, ламельных коммутаторов, а также запасных частей для телеграфной аппаратуры.

Для того чтобы дать войскам хотя бы необходимый минимум телефонно-телеграфной аппаратуры связи, одно из предприятий НКС в Москве организовало производство примитивных полевых телефонных аппаратов, названных «ПФ» (Помощь фронту), а также частично было восстановлено произ-

водство полевых телефонных аппаратов на Ленинградском заводе «Красная заря», который выпускал их в значительном количестве до войны.

Насколько остро стоял вопрос со снабжением войск средствами проводной связи, говорит тот факт, что полевые телефонные аппараты, производившиеся в Ленинграде, доставлялись в Москву на самолетах, откуда отправлялись на фронт. В это же время в Москве, Ленинграде и Куйбышеве было организовано кустарное производство полевого телефонного кабеля.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами ГУСКА вынуждено было принять ряд чрезвычайных мер, в том числе:

– специальным постановлением промышленность, производившая средства связи, в части материально-технического и рабочего снабжения была приравнена к заводам Наркомата авиапромышленности. Запрещалась мобилизация инженерного состава, рабочих и автотранспорта с предприятий, производивших средства связи. Наркомат путей сообщения обязывался обеспечивать перевозку этой продукции и материалов наравне с перевозками грузов авиационной и танковой промышленности. На заводах средств связи запрещалось производство другой продукции, улучшалось снабжение заводов необходимыми материалами;

– по решению ГКО (Постановление № 1117 от 21.01.1942) был создан телефонно-телеграфный завод № 1 НКО. Завод достаточно быстро наладил производство и уже в 1942 г. выпустил 130 тыс. телефонных аппаратов, 210 коммутаторов и 20 комплектов аппаратов Бодо, т. е. почти столько, сколько производили тогда все заводы других наркоматов, вместе взятые.

1942 год был самым напряженным, но вместе с тем и переломным в налаживании производства и поставок фронту необходимого количества техники проводной связи. В 1943 г. стало возможным начать модернизацию основных образцов телефонно-телеграфной аппаратуры, а в 1944 г. началось серийное производство нового базового образца телефонного аппарата ТАИ-43, разработанного заводом НКО № 1 и Центральным научно-испытательным институтом связи Красной Армии (ЦНИИС КА). Почти одновременно с разработкой ТАИ-43 были разработаны и запущены в производство телефонные коммутаторы К-10, ПК-10 и ПК-30, а поставка коммутаторов ФИН-6, КОФ, Р-20, Р-60 прекращена. Основным достоинством и отличительной чертой разработанной телеграфной и телефонной аппаратуры являлась возможность использования ее в полевых условиях при сравнительно малом времени, необходимом для развертывания.

Что же касается полевого кабеля, то производство его так и не удалось наладить на протяжении всей войны. Количество выпускавшегося кабеля было намного ниже довоенного уровня. В связи с эвакуацией кабельной промышленности был прекращен выпуск таких образцов, как ПТГ-19 и ПТФ-7Х2, являвшихся наиболее трудоемкими в производстве. Эти образцы были заменены кабелями упрощенной конструкции (ЛПТК, ОПТВ, ОПТВМ, ЛТФК, ПТФ-3, ПТГ-6, ПТГ-7, ОРТФ), разработанными в первые годы войны. Все эти образцы кабеля имели гораздо более низкие по сравнению с довоенными как электриче-

ские, так и механические характеристики, не соответствующие требованиям эксплуатации в боевых условиях. Поэтому весь кабель разработки военных лет, за исключением ПТГ-7, был в разное время снят с производства.

Наряду с неуклонным количественным ростом выпускаемой продукции, обеспечивающей всевозрастающие потребности фронта в средствах связи, нашей промышленности в тяжелейших условиях ширококомасштабной вооруженной борьбы удалось:

- осуществить *унификацию* радио- и проводных средств связи практически во всех звеньях управления Красной Армии. К концу войны в войсках связи оставались только радиостанции последнего третьего поколения радио-вооружения с улучшенными характеристиками — РАТ, РАФ, РСБ и РБМ. Кроме того, было снято с вооружения множество устаревших систем телеграфной связи и оставался заказ практически только на два аппарата — Бодо (для связи ГШ – фронт – армия), СТ-35 (для связи ГШ – фронт – армия – дивизия). Были сняты с вооружения около десятка образцов отечественных и иностранных образцов фонических и индукторных телефонных аппаратов и осуществлен переход к единому индукторному — ТАИ-43;

- адаптировать предвоенные полустационарные образцы к полевым условиям эксплуатации, а с созданием подвижных аппаратных связи было положено начало нового этапа в развитии организационно-технической структуры и тактики боевого применения полевых узлов связи.

Таким образом, отечественная электропромышленность в ходе войны смогла перестроиться и с задачами по обеспечению действующей армии необходимой техникой радио и проводной связи в основном справилась.

Напряженность работы промышленности в ходе войны и невозможность сполна удовлетворить потребности армии и флота в средствах связи были связаны с рядом недостатков в подготовке к войне предприятий, производивших аппаратуру связи, в том числе:

- недостаточной мощностью заводов, вследствие чего промышленность не могла в полном объеме обеспечить потребности армии в военное время даже при полном переводе их на выпуск военной продукции;

- низкой мобилизационной готовности промышленности средств связи (отсутствием заблаговременно разработанного плана эвакуации заводов, обеспечения их необходимыми производственными площадями, рабочей силой, электроэнергией, в результате чего восстановление работы предприятий в новых районах происходило крайне медленно);

- нерациональным размещением производственных мощностей предприятий электропромышленности на территории страны и отсутствие заводов-дублеров, которые смогли бы переключиться на выпуск необходимой продукции с началом эвакуации основных;

- плохим снабжением заводов, производивших средства связи, необходимым сырьем и комплектующими (в результате чего приходилось пользоваться различного рода заменителями, что в значительной степени снижало качество выпускаемой продукции).

Ошибки, допущенные государственным и военным руководством СССР при решении задач по мобилизации ресурсов промышленности средств военной связи на полное удовлетворение нужд Вооруженных Сил в технике связи перед Великой Отечественной и в ходе войны, требуют критического осмысления и учета при решении современных задач по дальнейшему совершенствованию технической основы системы управления Вооруженных Сил Российской Федерации.

УДК 355.45

УГРОЗЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1922– 1941 гг.)

В.И. Жуматий

Аннотация. Рассмотрена важнейшая внешняя военная угроза — угроза военного нападения на Советский Союз.

Ключевые слова: угроза, нападение, Гитлер, межвоенный период, безопасность, СССР

Abstract. The article examines the most important external military threat — the threat of a military attack on the Soviet Union.

Keywords: the threat, attack, Hitler, the interwar period, security, the USSR

После завершения Гражданской войны у Советского Союза, казалось, появилась возможность приступить к мирному строительству. Однако опасность новых войн и вооруженных конфликтов в условиях жесткой конфронтации двух общественно-политических систем не только сохранялась, но и все более нарастала. Национальные, в том числе базовые, интересы Советского Союза в межвоенный период подвергались воздействию разнообразного спектра угроз, которые формировались в результате того или иного развития военно-политической обстановки и проявлялись в политической, военно-политической и силовой формах.

В межвоенный период в международной обстановке существовали три вида угроз, нейтрализация которых являлась в той или иной степени функцией Вооруженных Сил СССР: внешние, внутренние и трансграничные.

Важными внешними военными угрозами были:

- угроза военного нападения на Советский Союз;
- территориальные претензии к Советскому Союзу, угроза политического или силового отторжения от него отдельных территорий;
- вмешательство во внутренние дела СССР со стороны иностранных государств;
- наращивание группировок войск, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил вблизи границ Советского Союза;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности СССР.

К основным внутренним военным угрозам относились:

- попытки насильственного изменения конституционного строя и нарушения территориальной целостности СССР;
- создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований.

Важными трансграничными военными угрозами в межвоенный период являлись политические, военно-политические или силовые угрозы интересам и безопасности Советского Союза, которые совмещали в себе черты внутренних и внешних угроз и, будучи по форме проявления внутренними, по своей сути (по источникам возникновения и стимуляции, возможным участникам и т. д.) являлись внешними.

К числу трансграничных военных угроз относились:

- создание, оснащение, обеспечение и подготовка на территории других государств вооруженных формирований и групп с целью их переброски для действий на территории Советского Союза;
- ведение враждебных по отношению к СССР информационных действий.

Главной военной угрозой для Советского Союза в межвоенный период являлась угроза военного нападения на страну. Поскольку она исходила от континентальных стран, главная роль в вооруженной борьбе отводилась Красной Армии, а в ней — Сухопутным Войскам. Они должны были совместно с Военно-Воздушными Силами, а на приморских направлениях — с силами Военно-Морского Флота обеспечить прикрытие сухопутной границы и побережья страны, отразить удары агрессоров, а затем разгромить их в ходе стратегических наступательных операций.

Версальская система, созданная державами — победительницами в Первой мировой войне, не обеспечила стабильность мирового сообщества на базе согласия и учета национальных интересов регионов и государств. Западные державы делали ставку не на компромисс, а на силу своих армий [1, с. 96].

Осенью 1924 г. состоялись переговоры Великобритании, Франции, Италии, Германии, Польши и Чехословакии о гарантиях границ Германии с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией, установленных в Версале, и о последующем вступлении Германии в Лигу Наций. В ходе этих переговоров речь шла о создании в центре Европы регионального объединения, большинство членов которого проводили в отношении СССР недружественную политику [2, с. 143]. На состоявшейся 5–16 октября 1925 г. международной конференции в Локарно (Швейцария) тексты этих договоров были согласованы [3, с. 287–303]. Тем самым, как отмечалось в резолюции XIV съезда ВКП(б), «гарантийные договоры» не предусматривали в перспективе неизменность восточных границ Германии, а были направлены против СССР и тем самым формировали условия развязывания нового конфликта в Европе [4, с. 71]. 8 сентября 1926 г. Германия была избрана постоянным членом Совета Лиги Наций. На Локарнских соглашениях обстановка в Европе базировалась вплоть до первой половины 1930-х годов.

В 1920-х — начале 1930-х гг. штаб РККА считал явно враждебными по отношению к СССР государствами на Европейском театре прежде всего Великобританию, Францию, Польшу и Румынию, отчасти — Финляндию и Прибалтийские государства. В 1930-е годы в постверсальском мире произошли кардинальные перемены, которые привели к новому распределению сил. Три державы (Германия, Италия и Япония) взяли курс на подготовку новой войны, определив сферы своих территориальных притязаний и последовательность достижения поставленных целей. Общность устремлений и сходство господствующих идеологий привели их к альянсу [5, с. 547]. Политические перемены в Европе и в мире в целом начались в 1933 г., когда в Германии пришла к власти НСДАП и президент фельдмаршал П. Гинденбург назначил главой правительства (канцлером) ее фюрера А. Гитлера [5, с. 537].

Главной агрессивной силой в Европе все больше становилась Германия. Намерения правительства А. Гитлера были раскрыты 3 февраля 1933 г. в его речи перед генералитетом. А. Гитлер тогда заявил: «Как следует использовать политическое могущество, когда мы приобретем его? Сейчас еще нельзя сказать. Возможно, отвоевание новых рынков сбыта, возможно — и, пожалуй, это лучше — захват нового жизненного пространства на Востоке его беспощадная германизация» [6, с. 68]. На протяжении 1933–1937 гг. этот замысел интенсивно прорабатывался на политическом, военном, экономическом уровнях.

С середины 1930-х гг. для западных держав стало ясно, что они находятся под угрозой. Франция, будучи немало обеспокоена своей судьбой, искала союзников. Ее взоры обращались и в сторону СССР (2 мая 1935 г. был заключен советско-французский договор о взаимопомощи, 16 мая аналогичный договор был заключен между СССР и Чехословакией [7, с. 720]) и в сторону Англии. Своим главным союзником она выбрала последнюю и в конечном счете в своей политике стала следовать в фарватере Англии, которая фактически проводила политику «умиротворения» [6, с. 69]. Весьма противоречивой была позиция США. Президент Ф. Рузвельт, располагая детальной информацией о планах Гитлера, оставался верным своему принципу «не поспешай».

В начале 1935 г. в Лондоне было подписано англо-французское коммюнике, в котором великие западные державы выражали готовность к отмене военных статей Версальского договора и замене их соглашением с Германией об уровне вооружений. Этим было положено начало политике «умиротворения агрессора» [5, с. 545, 550].

Осуществление в марте 1936 г. в одностороннем порядке Германией ремилитаризации Рейнской зоны, итало-германская интервенция в Испании, а в 1938 г. — аншлюс Австрии [8, с. 125] и расчленение Чехословакии [9, с. 123] Германией с участием Венгрии и Польши составили последовательные этапы скольжения Европы к мировой войне. Все эти акты экспансии совершались безнаказанно из-за попустительства «великих западных демократий» [5, с. 551].

На рассвете 12 марта 1939 г. германские войска вторглись на территорию Австрии, аншлюс которой привел к существенному экономическому и военному усилению Германии. Только за счет захвата активов Национального

банка Австрии и ряда частных банков запас валюты рейха увеличился в 18 раз. Промышленность Австрии, влившись в индустрию Германии, дала новый мощный толчок развитию германского ВПК. Германия значительно увеличила базу мобилизационных ресурсов. Одновременно намного улучшилось стратегическое положение Германии, как как открывался прямой путь к границам Италии, Югославии и Чехословакии [8, с. 125].

В результате оккупации Чехословакии нацистская Германия захватила 1 582 самолета, 501 зенитное орудие, 2 175 артиллерийских орудий, 785 минометов, 43 876 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн винтовок, 114 тыс. пистолетов, 1 млрд патронов, 3 млн снарядов и другие виды военной техники, вооружения и снаряжения [9, с. 123].

В августе 1936 г. А. Гитлером была поставлена задача перед экономикой страны — через четыре года «быть готовой к войне». Оставалось лишь, говоря словами А. Гитлера, «дать ответ на вопросы “когда” и “как”» [1, с. 102].

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась встреча (конференция) Н. Чемберлена, Э. Даладье, А. Гитлера и Б. Муссолини, на которой было подписано соглашение о разделе Чехословакии. Соглашение предусматривало: передачу Германии с 1 по 10 октября Судетской области и пограничных с Австрией районов со всеми находящимися на этих территориях сооружениями и укреплениями, сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, с запасами сырья, путями сообщения, средствами связи и т. п. Кроме того, Чехословакия обязывалась в течение трех месяцев удовлетворить территориальные притязания хортистской Венгрии и панской Польши [6, с. 71]. Участники соглашения «гарантировали» новые границы Чехословакии от неспровоцированной агрессии. 30 сентября правительство Чехословакии без обсуждения приняло условия Мюнхенского соглашения.

Правительства Англии и Франции вошли в Мюнхене в сговор с А. Гитлером. Правительство США одобрило их политику потворства фашистской агрессии. Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение, англо-французские «миротворцы» изображали позорное Мюнхенское соглашение как «шаг в направлении обеспечения мира». Н. Чемберлен по возвращении в Лондон, обращаясь к толпе, заполнившей улицу перед его резиденцией на Даунинг-стрит, сказал, что сюда на Даунинг-стрит из Германии прибывает почетный мир.

На самом деле все было не так. В те же дни в Мюнхене А. Гитлер и Б. Муссолини на неофициальной встрече договорились «действовать плечом к плечу против Великобритании». В октябре 1938 г. И. Риббентроп говорил министру иностранных дел Италии Чиано: «Чешский кризис показал нашу силу. У нас есть преимущества инициативы, и мы хозяева положения. На нас не могут напасть. С военной точки зрения ситуация отличная: уже в сентябре 1939 года мы сможем вести войну с великими демократиями». Ложь западных миротворцев была разоблачена уже в те дни. 4 октября 1938 г. «Правда» писала: «На растерзание агрессорам — Германии и ее союзникам — отдана целая страна, отдана Чехословакия, верившая в благородство правитель-

ственных кругов Англии и Франции». Так оно и случилось: не прошло и полугода, когда 15 марта 1939 года германские войска, растоптав англо-французские «гарантии», вторглись в Чехословакию и ликвидировали ее как самостоятельное государство.

Мюнхенское соглашение, вся политика западных держав недвусмысленно показывали германскому фашизму, что системы коллективной безопасности в Европе не будет. Правительства стран Запада рассчитывали путем сговора с агрессивными государствами, в первую очередь с Германией, решить вопросы своей безопасности за счет Восточной и Центральной Европы [6, с. 73].

15 марта 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство. Неделию спустя она захватила литовский портовый город Клайпеду (Мемель). В ответ английское и французское правительства заявили о предоставлении гарантий Польше, Румынии и еще некоторым странам, приняли ряд мер по укреплению своей обороны и впервые после долгого перерыва установили контакты с Советским правительством. 17 апреля СССР обратился к Англии и Франции с предложением выступить с совместным заявлением о согласовании действий в случае угрозы со стороны «другого государства» [10, с. 569] и сделало принципиально важный шаг: предложило заключить соглашение СССР, Англии и Франции о взаимной помощи и военную конвенцию. Лондон в мае дал согласие начать политические переговоры с целью подписания договора о взаимопомощи СССР, Англии и Франции [1, с. 111]. В Москве начались переговоры, продолжавшиеся все лето. Все перипетии с трехсторонними переговорами и их окончательный провал достаточно полно освещены в отечественной историографии [5, 11, 12]. И, как отмечают исследователи, «крах этих переговоров и внезапный крутой поворот советского руководства — от попытки заключения союза с западными державами к подписанию советско-германского пакта 23 августа 1939 г. — были предопределены политикой Запада, его недоверием к Советскому Союзу. Конечно же, до последнего момента Запад лелеял надежду столкнуть СССР с Германией и тем самым, как и в период мюнхенского кризиса, остаться в стороне, «над схваткой», направив агрессию на Восток и надолго отведя угрозу от своих границ [5, с. 551].

После завершения военных действий в Польше А. Гитлер на совещании высшего командного состава 29 сентября сообщил своим генералам о решении разбить Францию еще до наступления зимы [13, с. 132, 137].

А. Гитлер и его военные советники, планируя вторжение в Советский Союз, понимали, что только блицкриг (молниеносная война) может обеспечить им быструю победу, и разрабатывали соответствующие планы. Хотя разрабатывать возможные сценарии развития событий при вторжении в Советский Союз германские стратеги начали еще летом 1940 г., директиву № 21 (план «Барбаросса») Гитлер подписал только 18 декабря 1940 г. В соответствии с этой директивой, германские вооруженные силы должны были уничтожить Красную Армию в ходе кратковременной кампании и в течение нескольких месяцев выйти на линию Астрахань — Архангельск [14, с. 86].

Анализ развития геополитической ситуации в Европе накануне Второй мировой войны показывает:

– только тогда, когда неизбежность войны в Европе стала окончательно ясной, политические руководители Великобритании и Франции предприняли шаги к обсуждению вопроса военного союза с СССР; отсутствие политической воли к реализации такого рода союза со стороны западных держав вынудило руководство Советского Союза к подписанию советско-германского пакта 23 августа 1939 г.;

– Советский Союз, проводя прагматичный внешнеполитический курс, 28 сентября 1939 г. подписал договор с Германией, устанавливающий западную границу Советского государства примерно на так называемой «линии Керзона»;

– выполнение условий советско-германского пакта о ненападении (ввод войск Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, возвращение в состав СССР Бессарабии и уступки Северной Буковины, ввод советских войск в Прибалтийские республики) было главной стратегической целью советского руководства; выдвижение западных рубежей страны на 200...400 км было оправдано целями упрочения безопасности страны (не говоря о возвращении в состав государства земель, утраченных в годы Гражданской войны, что явилось актом восстановления исторической справедливости [10, с. 572].

Литература

- [1] *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). 2-е изд. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.
- [2] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2015.
- [3] История международных отношений и внешней политики СССР. 1917–1939. Т. 1. М., 1961.
- [4] *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* До и после секретных протоколов. М., 1990.
- [5] Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. Т. 1. М.: Международный благотворительный общественный фонд «Победа — 1945 год», 2000.
- [6] *Золотарев В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001.
- [7] История дипломатии. М.; Л., 1945.
- [8] *Тюшкевич С.А.* Новый передел мира. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003.
- [9] История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1974.
- [10] Стратегические решения и вооруженные силы: В 2 т. Т. 1. М.: Арбизо, 1995.
- [11] *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.
- [12] *Чубарьян А.О.* Упущенные возможности и исторические уроки // Европа между миром и войной 1918–1939 гг. М.: Наука, 1992.
- [13] *Гальдер Ф.* Военный дневник / пер. с нем. М., 1968. Т. 1.
- [14] *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: в 2 т. Т. 2. М. 1973.

УДК 335.483

РАЗГРОМ НЕМЕЦКОЙ ГРУППИРОВКИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ И КРАХ ПЛАНОВ ЯПОНИИ НА РАЗДЕЛ ЕВРАЗИИ

В.П. Зимонин

Аннотация. В летописи мировой истории есть такие выдающиеся военные события, которые вечно хранятся в памяти последующих поколений и являются гордостью для потомков. К таким незабываемым и немеркнущим событиям относится Сталинградская битва, которая стала не только рубежом коренного перелома на советско-германском фронте, но и привела к драматическим изменениям на всех других фронтах Второй мировой войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Германия, Сталинградская битва, Курская битва, А.М. Василевский, коренной перелом, разгром, Азиатско-тихоокеанский театр войн; Япония, оборона

Abstract. in the chronicle of world history, there are such outstanding military events that are eternally stored in the memory of subsequent generations and are a pride for descendants. Such a memorable and unfading event is the battle of Stalingrad, which has become not only the turn of a fundamental turning point on the Soviet-German front, but also led to dramatic changes on all the other fronts of the Second world war.

Keywords: Great Patriotic war, Germany, battle of Stalingrad, battle of Kursk, A. M. Vasilevsky, radical change, the defeat, the Asia-Pacific theatre of the war, Japan, defense

По продолжительности и ожесточенности военных действий, накалу и драматизму борьбы, количеству участвовавших людей и боевой техники, военно-политическим результатам Сталинградская битва превзошла все битвы Второй мировой войны и заняла одно из самых почетных мест в мировой военной истории. Двести дней и ночей, с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г., в бескрайних донских и приволжских степях, на территории почти в 100 тыс. квадратных километров с неослабевающим напряжением шли тяжелые кровопролитные бои. На отдельных этапах битвы с обеих сторон участвовало более 2 млн человек, свыше 26 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков и столько же боевых самолетов [1, с. 682–685].

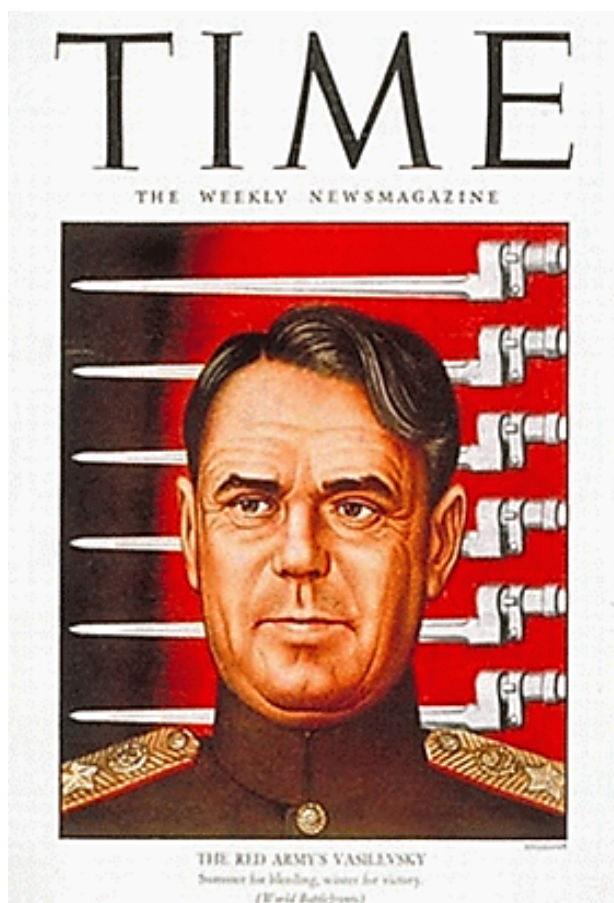
На весах истории определялся тогда вопрос, кто кого: либо фашистская Германия одержит победу, прорвется на юго-восток и сделает новый шаг к мировому господству, либо Советский Союз одолеет врага, сломит ему хребет и внесет тем самым решающий вклад в победу над фашизмом.

Очевидно, что в период, когда немцы были отброшены от Волги, когда им был воспрепятствован поход на Кавказ и далее навстречу японцам, когда их погнали в сторону Днепра, ситуация была уже не той, что представлялась союзникам гитлеровской Германии в конце 1942 г. Победоносное завершение 2 февраля 1943 г. советскими войсками Сталинградской битвы оказало определяющее воздействие на весь ход Второй мировой войны как на Западе, так и в зоне Тихого океана.

Главным итогом Сталинградской битвы стало то, что был сорван план Гитлера овладеть Кавказом, куда он планировал бросить пять армий, а смог послать лишь две, вырваться затем на Средний Восток и двинуться навстречу

Японии в Индию, а в последующем в Сибирь, чтобы разделить Евразию с японцами по меридиану 70-го градуса (Омск и Исламабад).

Сталинград благодаря мудрости и таланту А.М. Василевского, полностью отвечавшего за подготовку и проведение битвы, Г.К. Жукова, внесшего немалый вклад в разработку планов советского военного командования в канун битвы и координировавшего действия советских войск севернее Сталинграда, командовавшего войсками Сталинградского фронта К.К. Рокоссовского и других военачальников, а также героизму советских воинов стал тем крепким щитом, о который сломались упругие, мощные по своей убойной силе стрелы гитлеровского нашествия, которые должны были не только сокрушить Советский Союз, но и, пройдя сквозь кавказские и уральские хребты, встретиться посередине Евразии с такими же смертоносными стрелами японского нашествия. Однако этого не произошло, ибо на советско-германском фронте враг был повернут вспять, а Япония в связи с этим так и не решилась выступить против СССР.

Портрет Маршала Советского Союза А.М. Василевского на обложке американского еженедельника "Time" (июль 1943 г.)

Планы агрессоров на раздел Евразии

Об этом свидетельствует поступившая 28 апреля 1943 г. на имя И.В. Сталина информация из Народного комиссариата государственной безопасности, содержащая присланный советским резидентом в Японии документ японского руководства, подтверждающий глубину влияния катастрофы немцев под Сталинградом на Японию. На цитируемом ниже [2, с. 44–47] документе Сталиным сделана надпись: «Японцы о советско-германской войне. Интересно. Ст[алин]». Это был действительно весьма интересный анализ ситуации на фронтах Второй мировой войны, который по горячим следам сделали японские аналитики.

Вторая мировая война была войной коалиционной, и стратегические планы и действия японского руководства в зоне Тихого океана, где, кстати, находилась большая часть заморских вооруженных сил США на то время, в связи с этим тесно увязывались с основными этапами агрессии фашистской Германии. Высшее японское командование ожидало лишь захвата немецко-фашистскими войсками Сталинграда и устремления их через Кавказ на восток, чтобы объединить свои военные усилия с Германией в Азии и достичь конечных целей войны. В штаб армии Ф. Паулюса даже прибыл представитель японского военного атташата, чтобы с места событий сообщать в Токио о победе немцев. Однако после Сталинграда Япония уже не могла больше рассчитывать на победу фашистской Германии на советско-германском фронте. Разрушались ее стратегические планы, основывавшиеся на предположении, что после, как казалось, неминуемого крушения Советского Союза

гитлеровская Германия предпримет решительное наступление на Британские острова и отвлечет основные силы США и Англии с Тихого океана в Западную Европу.

Характерно, что как раз в декабре 1942 г., т. е. после начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, японцы неожиданно прекратили, несмотря на свой общий перевес в силах над американскими войсками, борьбу за остров Гуадалканал и повсеместно перешли к обороне. Причина такого неожиданного решения японской ставки — образование гигантского котла под Сталинградом. А полный разгром полутора миллионной группировки гитлеровцев в ходе Сталинградской битвы до основания потряс фашистско-милитаристский блок и не мог не повлиять на действия дальневосточного союзника Германии.

Приведу лишь несколько выдержек из японского документа: «...Зимняя кампания началась с неудач германских войск. Советская сторона, окрыленная успехами, превзошедшими все ее ожидания, стала проводить стратегию, которая в известной мере определялась аппетитами, появившимися вследствие удач. Нынешняя линия фронта стабилизировалась только потому, что советская сторона сама подавила свои аппетиты. Поэтому нельзя заключать, что наступательный порыв советской стороны уже исчерпан». «...Мировая война постепенно превращается из войны вооруженных сил в войну тотальной мощи государств. Это особенно относится к германо-советской войне, которая все более и более приобретает характер войны на измор». «...В результате чередования летних удач Германии с зимними неудачами, т. е. в ходе войны на истощение, линия фронта будет постепенно отодвигаться на запад... В ходе войны на истощение стратегическая инициатива будет постепенно переходить к СССР, тотальная государственная мощь которого еще не напряжена до крайнего предела». «...Условия летней кампании 1943 г. отнюдь не сулят особых преимуществ германской армии».

«...Положение внутри страны (Советского Союза. — В.З.) можно расценить следующим образом:

а) подъем морального состояния населения и воинской дисциплины. Благодаря удачному завершению Сталинградского сражения отпал вопрос о том, что отсутствие успехов на фронте может пошатнуть престиж главного руководства (СССР — В.З.)».

«...Под покровом вооруженной войны активизируется дипломатическая война». «...СССР будет в течение того или иного периода продолжать войну с Германией совместно с Англией и Америкой, несмотря на всю сложность взаимоотношений с ними». «...Дипломатические акции, проводимые сейчас Англией, Америкой и СССР, ... вытекают из прогноза о конечной победе Объединенных Наций».

В этом документе отчетливо видно понимание Японией того, что ставка на союз с Германией себя не оправдала и Токио, в условиях укрепления мощи СССР и консолидации блока антифашистских государств, может рассчитывать лишь на свои, весьма ограниченные возможности в ведении «ее части»

Второй мировой войны. И действительно, как свидетельствовал гитлеровский генерал Г. Гудериан, поражение под Сталинградом и все, что с ним было связано, «привели к тяжелому кризису, настроение войск и населения резко упало, военная катастрофа сопровождалась поражением в области внешней и внутренней политики» [3, S. 129]. Погребальный звон церковных колоколов и объявленный трехдневный траур по случаю гибели германских войск под Сталинградом отрезвили миллионы немцев, заставили их взглянуть правде в лицо. Грозный призрак неизбежного поражения впервые возник в сознании населения Германии, одурманенного геббельсовской пропагандой. Немецкие солдаты стали с меньшим упорством вести боевые действия, начали с дрожью бояться ударов с флангов и окружения, среди части генералитета зародились оппозиционные Гитлеру течения, появились явные признаки кризиса в правящей верхушке нацистской партии и в верхнем эшелоне руководства германским государством.

Победа советских войск под Сталинградом вселила в союзников СССР большой оптимизм. Посол США в Москве Д. Дэвис в начале 1943 г. заявлял: «Я верю, что в конце этого года Россия будет более сильной, чем сейчас». Поражение Гитлера, продолжал он, «приближает разгром Японии» [4].

Так же считают многие современные историки, в частности, Китая. «Под Сталинградом, — справедливо отмечают ученые КНР, — рухнули безрассудные планы Гитлера уничтожить Советский Союз и установить мировое господство. При этом был совершен коренной перелом не только в Великой Отечественной войне, но и во Второй мировой войне» [5, с. 298]. После Сталинградской битвы, пишут историки КНР, «укрепился и получил дальнейшее развитие международный антифашистский единый фронт, в значительной степени были воодушевлены народы мира, окрепла вера стран и народов, борющихся против фашизма, в то, что совместными усилиями фашизм будет разгромлен» [5, с. 299].

Победа СССР под Сталинградом заставила Японию пересмотреть общие стратегические планы ведения войны. В Токио реально оценили военнополитические последствия этого поражения немцев. Япония была вынуждена отказаться от нападения на дальневосточные границы Советского Союза, от проектов присоединения к «великой восточно-азиатской сфере процветания» советских территорий Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья. Императорская ставка, кроме того, не могла не считаться с фактом возможного перехода в наступление на Тихом океане англо-американских союзных войск, получивших возможность в изменившихся условиях на советско-германском фронте быстро наращивать резервы.

Уже под воздействием битв под Москвой и за Сталинград Япония вынуждена была принять в марте 1943 г. планы «Х» и «У» и наметить переход к стратегической обороне, а по результатам Курской битвы, эти изменения нашли свое более яркое преломление в «Новом курсе» японского командования. 30 сентября 1943 г. на императорской конференции были утверждены «Основные принципы ведения войны в будущем». Суть их состояла в том,

чтобы «перейти к созданию непосредственной сферы национальной обороны». Вооруженным силам ставилась задача: удержать стратегически важную для Японии зону, включающую Курильские острова, острова Бонин, Огасавара, Южные моря, западную часть Новой Гвинеи, Зондские острова и Бирму. Именно под влиянием данного фактора японские вооруженные силы вынуждены были отказаться от наступательной стратегии и перейти в основном к стратегической обороне. Распыление сил по островам южной части Тихого океана затрудняло императорской армии оборону захваченных территорий и обеспечение войск снаряжением и продовольствием. Поэтому со второй половины 1943 г. японцы стали оставлять отдаленные острова, сокращая, таким образом, линию обороны. Влиятельная газета «Асахи» писала: «Мировая война вступила в период решающих битв... Наступление врага на Японию ведется не только со стороны Тихого океана, но и энергично форсируется также и через далекий от нас европейский театр военных действий...» [6].

Решающая роль Советского Союза в достижении коренного перелома в войне заключалась прежде всего в том, что на советско-германском фронте — главном фронте Второй мировой войны, носившей ярко выраженный континентальный характер, — была уничтожена основная часть сил и средств фашистской Германии и ее союзников. С ноября 1942 г. до конца 1943 г. потери в сухопутных войсках вермахта составили здесь около 2 млн 600 тыс. человек. Было уничтожено до 7 тыс. танков, 14 300 боевых самолетов, около 50 тыс. орудий. Наибольший урон вооруженным силам противника на других театрах войны был нанесен англо-американскими войсками в Северной Африке, где капитулировавшая 13 мая 1943 г. немецко-итальянская группа армий «Африка» потеряла около 250 тыс. убитыми, ранеными и пленными. В ходе десантной операции на Сицилии (10 июня — 17 июля 1943 г.) потери итало-немецких войск, включая пленных, составили 32 тыс. немцев и 130 тыс. итальянцев. Общие потери вооруженных сил Японии на островах Тихого океана и на континенте составили 109 тыс. человек [7, с. 89]. Американские операции на тихоокеанском театре военных действий этого периода просто несоизмеримы с битвами на советско-германском фронте. Тем самым вновь подтверждалось признание президента США Ф. Рузвельта в личном письме генералу Д. Макартуру еще 6 мая 1942 г. о том, что «с точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того факта, что русские войска убивают больше личного состава противника и уничтожают больше его военной техники, чем все остальные 25 Объединенных Наций, вместе взятые» [7, с. 81]. Важнейшим фактором прямого советского влияния на вооруженную борьбу в Азиатско-Тихоокеанском регионе по-прежнему являлось и наличие крупной группировки советских войск, надежно прикрывавших дальневосточные границы СССР. Для Советского Союза это был, по существу, второй («восточный») фронт, который отвлекал на себя значительные силы Японии.

У границ СССР в составе Квантунской группировки войск дислоцировались лучшие японские армии и наиболее технически оснащенные дивизии.

Здесь была сосредоточена половина всей артиллерии императорской армии и почти 2/3 танков. Эти силы составляли сначала ударную группу для вторжения на территорию СССР в случае благоприятных обстоятельств, а затем, с конца 1943 г., стали служить резервом на случай «неприятностей» на советско-маньчжурской границе. Однако даже после перехода к стратегической обороне императорская ставка не рисковала усиливать в больших размерах за счет прикованной к границам СССР Квантунской группировки свои войска, действовавшие в крайне тяжелых условиях против союзников по антифашистской коалиции в бассейне Тихого океана. Если бы не отрезвляющее присутствие более чем миллионной группировки советских войск на Дальнем Востоке, японцы смогли бы высвободить до 30 дивизий в Маньчжурии и направить их против Китая, Филиппин, Юго-Восточной Азии вообще, в конечном счете — против американских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Жертвы китайского народа, народов, населяющих АТР в целом, были бы несравненно большими.

Таким образом, исторические победы Вооруженных Сил СССР на фронтах Великой Отечественной войны оказывали самое непосредственное влияние на изменение международной обстановки во всех регионах мира, на общий ход Второй мировой войны. В этих условиях Советский Союз вправе был ожидать скорейшего выполнения данного союзниками обязательства открыть второй фронт на севере Франции, что не только облегчило бы положение СССР, оттянув часть немецких войск с советско-германского фронта, но и способствовало бы быстрейшему разгрому агрессоров как на Западе, так и на Востоке. Однако ни в 1942, ни в 1943 г. второй фронт так и не был открыт. Лишь 6 июня 1944 г., когда Советский Союз действительно уже был в состоянии и без помощи союзников сокрушить гитлеровскую Германию, союзники приступили к высадке на севере Франции. Да и удержан второй фронт был не без помощи СССР, когда союзные силы оказались в критической ситуации в Арденнах.

В заключение остановлюсь на заслугах в обеспечении коренного перелома во Второй мировой войне высшего военно-политического руководства СССР. Интересна в этом плане редакционная статья в июльском номере за 1943 г. американского журнала «Тайм», в которой даны оценки военному командованию СССР во главе с Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным. И особенно приятно было ознакомиться с весьма лестными оценками, данными в ней начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому, чей портрет был помещен на обложке журнала, как ближайшему соратнику Сталина и главному координатору действий советских войск в тот сложный период войны.

Большое видится на расстоянии. Поэтому и сегодня ценна та высокая оценка огромного вклада в вооруженную борьбу с фашизмом действующего военачальника другой страны, которая дана располагавшимися на расстоянии в многие тысячи миль от мест событий американскими наблюдателями. Победоносный исход Сталинградской битвы был обусловлен, и это было отме-

чено авторами статьи в журнале «Тайм», возросшей мощью Красной Армии, высоким уровнем полководческого искусства ее командных кадров, массовым героизмом советских воинов, единством и самоотверженностью всего советского народа.

Единственное, в чем я мог бы не согласиться с авторами статьи, это в том, что советское руководство, в том числе И.В. Сталин и А.М. Василевский, в те дни не ощущали «знаков» того, что «Красная Армия поборола немцев». В канун Курской битвы, когда готовился к выпуску номер журнала «Тайм», иностранным наблюдателям это представить себе было сложно (хотя японские аналитики уже увидели это). Но весь пафос Курской битвы как раз и состоял в том, что у советского руководства, и в первую очередь у А.М. Василевского как разработчика плана и одного из руководителей действий в битве советских войск, была полная уверенность в ее успехе и неминуемости общего поражения гитлеровской Германии. Трещина, образовавшаяся в системе гитлеризма в результате коренного перелома в вооруженной борьбе под Сталинградом, уже не могла быть заделана ни при каких обстоятельствах, что и было закреплено победой Красной Армии в Курской битве и развито в последующих ее операциях. В целом же подход журнала «Тайм» и его авторов к изложению своего видения событий на советско-германском фронте Второй мировой войны вызывает искреннее уважение.

По-видимому, это была первая попытка зарубежного солидного журнала понять феномен А.М. Василевского (наверняка в отечественной печати в то время ничего подобного не было). Следует, однако, отметить, что и советское руководство уже тогда видело огромный вклад А.М. Василевского в организацию борьбы с фашистским агрессором. Признанием истинной роли Василевского в Сталинградской битве стало звание Маршала Советского Союза, которое он получил спустя две недели после успешного завершения операции «Кольцо» и около месяца после присвоения ему воинского звания «генерал армии». Это стало отражением признания заслуг А.М. Василевского в том, что развернувшееся в летне-осеннюю кампанию 1942 г. противоборство двух стратегий завершилось в пользу советского военного искусства. Верховное Главнокомандование, определив истинные намерения врага (захват Кавказа и прорыв на Средний Восток и юг Азии), навязало ему свою волю — борьбу в междуречье Дона и Волги, именно оно вынудило противника втянуться в кровопролитные сражения на сталинградском направлении и, по существу, изменить весь его план кампании. Вопреки воле противника центр тяжести борьбы переместился с кавказского на сталинградское направление, это оказало колоссальное влияние на весь ход Второй мировой войны.

В послевоенное время вышел ряд книг и статей об этом замечательном военачальнике и полководце, которому в качестве главнокомандующего советскими (а точнее, союзными) войсками на Дальнем Востоке было суждено разгромом в августе 1945 г. японской миллионной Квантунской группировки войск принудить Японию к капитуляции и поставить победную точку во Вто-

рой мировой войне. Рад, что и результаты моего скромного исследования о жизни и деятельности А.М. Василевского, опубликованного в рамках Международного творческого конкурса «Вечная Память!» на интернет-сайте журнала «Сенатор», явились толчком к проведению комплекса мероприятий, направленных на воздание должного памяти маршала, в том числе принятие в январе 2007 г. соответствующего постановления Московской Городской Думы о возведении памятника ему в Москве. К сожалению, на сегодняшний день дело ограничилось установкой скульптурной композиции в виде бюста и памятной доски на улице имени маршала. Считаю, однако, что А.М. Василевский, внесший огромный вклад в разгром главных виновников развязывания Второй мировой войны — Германии и Японии — и обеспечивший приращение территории СССР на западе (Калининградская обл.) и востоке (Сахалин и Курилы) заслуживает установления ему полномасштабного памятника в центре столицы.

Литература

- [1] Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
- [2] Информационный бюллетень Российской Ассоциации историков Второй мировой войны. 1994. № 2.
- [3] *Paul W.* Der Heimatkrieg 1939 bis 1945 // Esslingen am Neckar, 1980.
- [4] New York Times. 1943. January 30.
- [5] *Хуан Юйчжан* и др. Дзеэрцы шицзе дачжань 1939–1945 (Вторая мировая война 1939–1945). Пекин, 1984.
- [6] Асахи симбун. 1944. 10 января.
- [7] *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2002.

УДК 94(47).084.8 + 355.134

ПОДВИГ НАРОДА ИЛИ МИНОБОРОНЫ: КАК УЗНАТЬ ВСЕХ СОЛДАТ ПОБЕДЫ?

В.И. Ивкин

Аннотация. Показаны недостатки электронной базы «Подвиг народа» и сформулированы предложения по значительному расширению документальной базы наградений государственными наградами в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: государственные награды СССР

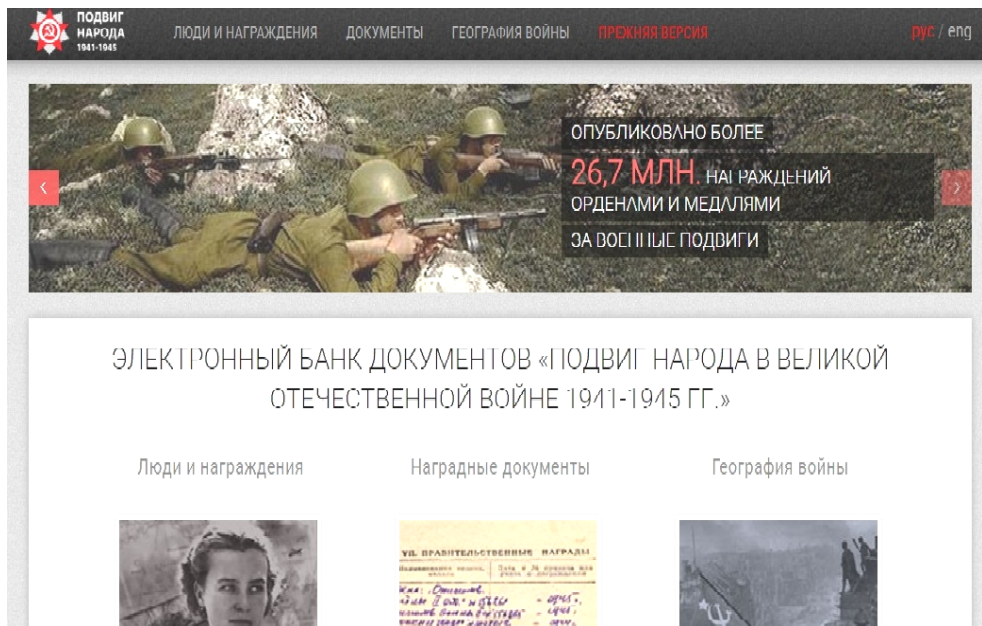
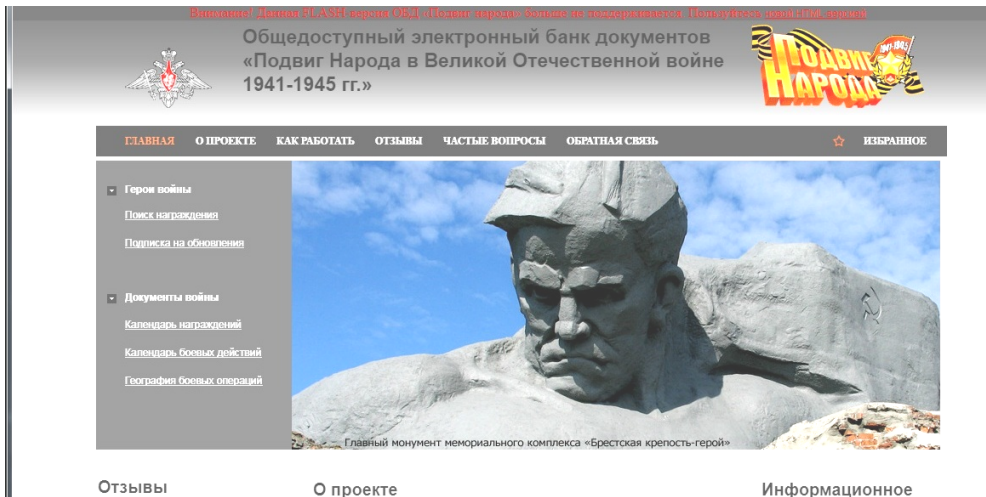
Abstract. The article reveals the shortcomings of the electronic database «Feat of the people» and formulates proposals for a significant expansion of the documentary base of state awards during the Great Patriotic war.

Keywords: state awards of the USSR

В апреле 2010 года на официальном сайте Министерства обороны был открыт для всеобщего использования электронный банк документов Цен-

трального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), относящихся к периоду Великой Отечественной войны, — «Подвиг народа».

Инициатором проекта является Департамент развития информационных и телекоммуникационных технологий Министерства обороны. Окончание работ по наполнению банка данных планировалось на декабрь 2012 года. В базу планировалось ввести данные о 30 миллионах награждений периода боевых действий Великой Отечественной войны из более 200 тысяч архивных дел общим объемом около 100 миллионов листов.

Благодаря этому проекту наши современники получили возможность найти информацию о наградах дедов и прадедов, узнать обстоятельства совершенных ими подвигов, прочитав их описание в архивных документах. Последнее обновление осуществлено 10 апреля 2015 г. Банк данных содержит 26,7 млн записей о награждении орденами и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Опубликованы сведения о более чем 6 млн наград за оборону, взятие и освобождение городов и территорий, а также за победу над Германией и Японией.

В 2015 году в ЦА МО РФ было оцифровано 19 млн записей из протоколов о вручении и корешков временных удостоверений к наградам. Благодаря этим данным были выявлены 500 тысяч наград, не врученных их владельцам в период Великой Отечественной войны. Так постепенно восстанавливается историческая правда и справедливость.

В настоящее время цель проекта — предоставить в открытом доступе полную информацию о боевых наградах за подвиги во время Великой Отечественной войны, имеющуюся в российских архивах. В связи с этим еще предстоит наполнить ОБД «Подвиг народа» приказами о награждении военного времени, хранящимися среди документов фондов соединений и частей; недостающими документами о награждении медалями за оборону, освобождение и взятие городов и территорий, за победу над Германией и Японией, приказами о награждении за военные подвиги, выпущенными в послевоенное время.

Куратором проекта выступает Управление Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества.

Большое спасибо за этот подарок россиянам и любителям истории к 70-летию Великой Победы и низкий поклон участвовавшим в этой работе патриотам Родины.

Основными целями проекта по заявлениям авторов являются увековечение памяти всех героев Победы, независимо от звания, масштабов подвига, статуса награды, военно-патриотическое воспитание молодежи на примере военных подвигов отцов, а также создание фактографической основы для противодействия попыткам фальсификации истории Войны. Создание наиболее полного электронного банка документов по ключевому периоду современной истории цивилизации не имеет аналогов по объему, исторической и социальной значимости и является вечным памятником великому Подвигу Народа.

Вот на понимании кураторами сентенции «всех героев Победы, независимо от звания, масштабов подвига, статуса награды» и хочется остановиться.

Содержание информационного ресурса под названием «Подвиг народа» не вполне соответствует названию. Правильно было бы его назвать «Подвиг армии и флота», а еще точнее «Полуподвиг армии и флота», так как на сайте многие документы не представлены в полном объеме. Например, есть отсылка на приказ о награждении, но зачастую или первого или последнего листа этого приказа нет, т. е. в полном объеме просмотреть документ невозможно.

Даже награды Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова представлены в усеченном виде. На слайде показаны результаты поиска наград по

фамилии [1]. Всего имеется девять записей, из них относящихся к маршалу две. Где два ордена «Победа» № 1 (указ от 10.04.1944) и № 4 (указ от 30.03.1945)? Где два ордена Суворова I степени № 1 (указ от 28.01.1943) и № 39 (указ от 28.07.1943)?

Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Всего найдено: 9

1	★ Жуков Георгий Константинович	___1914	лейтенант	Орден Красного Знамени	награжден
2	★ Жуков Георгий Константинович	___1921	гв. ст. лейтенант	Орден Красной Звезды	награжден
3	★ Жуков Георгий Константинович	___1916	ст. техник-лейтенант	Медаль «За отвагу»	награжден
4	Жуков Георгий Константинович	___1921		Орден Отечественной войны I степени	
5	Жуков Георгий Константинович	___1926		Орден Отечественной войны II степени	
6	★ Жуков Георгий Константинович		маршал	Герой Советского Союза (Орден Ленина и медаль «Золотая звезда»)	награжден
7	★ Жуков Георгий Константинович	___1883	полковник	Орден Красной Звезды	награжден
8	★ Жуков Георгий Константинович		маршал	Герой Советского Союза (Орден Ленина и медаль «Золотая звезда»)	награжден
9	★ Жуков Георгий Константинович	___1922	ст. лейтенант/гв. ст. лейтенант	Орден Красной Звезды	награжден

Если Вы не нашли нужную запись в базе, можно подписаться на обновления по данному запросу. [Перейти к подписке на уведомления](#) [Что это такое?](#)

[О проекте](#) [Как работать](#) [Отзывы](#) [Частые вопросы](#) [Обратная связь](#)

На сайте имеется указ и наградные листы к нему от 3 ноября 1944 года о награждении генералов, адмиралов, офицеров и сверхсрочнослужащих Народного комиссариата Военно-Морского Флота за выслугу лет (например, ЦВМА фонд 3, опись 1, единица хранения 1085, на 1251 листе; дело 1084 на 639 листах и т. п.), но аналогичного Указа по Народному комиссариату обороны нет, хотя известно, что все эти материалы уже отсканированы, но из-за позиции чиновников Министерства обороны не включены в базу данных.

А особенность этого указа в том, что в наградных листах прослеживается вся служба военнослужащего.

Имеется целый ряд указов о награждении военнослужащих, опубликованных в свое время (в годы войны) в центральной печати «Красная звезда», «Известия», «Ведомости Верховного Совета СССР», но отсутствующие в базе данных. Кроме маршала Г.К. Жукова можно привести, например, полковника Мрыкина Александра Григорьевича. Он был награжден орденами Красной Звезды (04.12.1941) [2], Отечественной войны 1-й степени (22.08.1944) [3], Трудового Красного Знамени (29.03.1944) [4] Указы размещены в газетах. А в базе у него есть одна награда: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В «Подвиге народа» нет ордена Кутузова I степени у генерал-лейтенанта Дегтярева Пет-

ра Алексеевича (указ от 22.08.1944); ордена Ленина у генерал-майора артиллерии Гайдукова Льва Михайловича (указ от 29.03.1944), и т. д., и т. п.

Департамент Военно-Морского Флота
 1918 г. 1918 г. 1918 г. 1918 г.
 Представлен к ордену КРАСНОЕ ЗНАМИ

За выслугу в Военно-Морском Флоте 25 лет 9 мес. 340

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ЮМАШЕВ Иван Степанович

2. Звание Адмирал. 3. Должность и часть Командующий Тихоокеанским флотом.

Представляется к ордену Ленина.
 (к ордену или медали)

4. Год рождения 1895 5. Национальность русский. 6. Партийность ч/ВКПб-1918г.

7. Место рождения _____

8. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) Участвовал в отрядах по ликвидации банд, дезертиров и белогвардейцев в Заволжье в 1918 году.

9. Имеет ли ранения и контузии: а) в гражданской войне не имеет.
 (сколько, степень, когда) _____
 б) в Отечественной войне не участвовал.
 в) _____

10. С какого времени в Красной Армии и ВМФ с февраля 1919 года.
 (год, месяц и число)

11. Какими орденами, медалями награжден и когда орден "Красное Знамя" - 1935г., орден "Красное Знамя" - 1938г., орден Ленина - 1943г., медаль "XX лет РККА" - 1938г.

12. Домашний адрес _____

АТТЕСТАЦИЯ

Адмирал ЮМАШЕВ И.С. достоин награждения орденом Ленина.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВМФ СССР
 АДМИРАЛ ФЛОТА *Рубин*
 /С. ЗЕНЦОВ/

Командир (Начальник)
 _____ сентября 194 г.
 Заключение старших начальников

Командир (Начальник)
 _____ 194 г.

Необходимо ввести научную экспертизу того, что издается от имени власти, иначе изобретение дилетантов будет выдано за истину. Например, в наградном листе подполковника Гриба Евгения Васильевича 1908 г.р. указано место призыва: добровольно в Севастопольскую школу зенитной артиллерии, а вот создатели «Подвига народа» еще добавили Севастопольская обл., г. Севастополь. [5] Что-то

о существовании Севастопольской области ни в СССР, ни в Российской империи, ни в самостийной Украине ранее никогда не заявлялось.

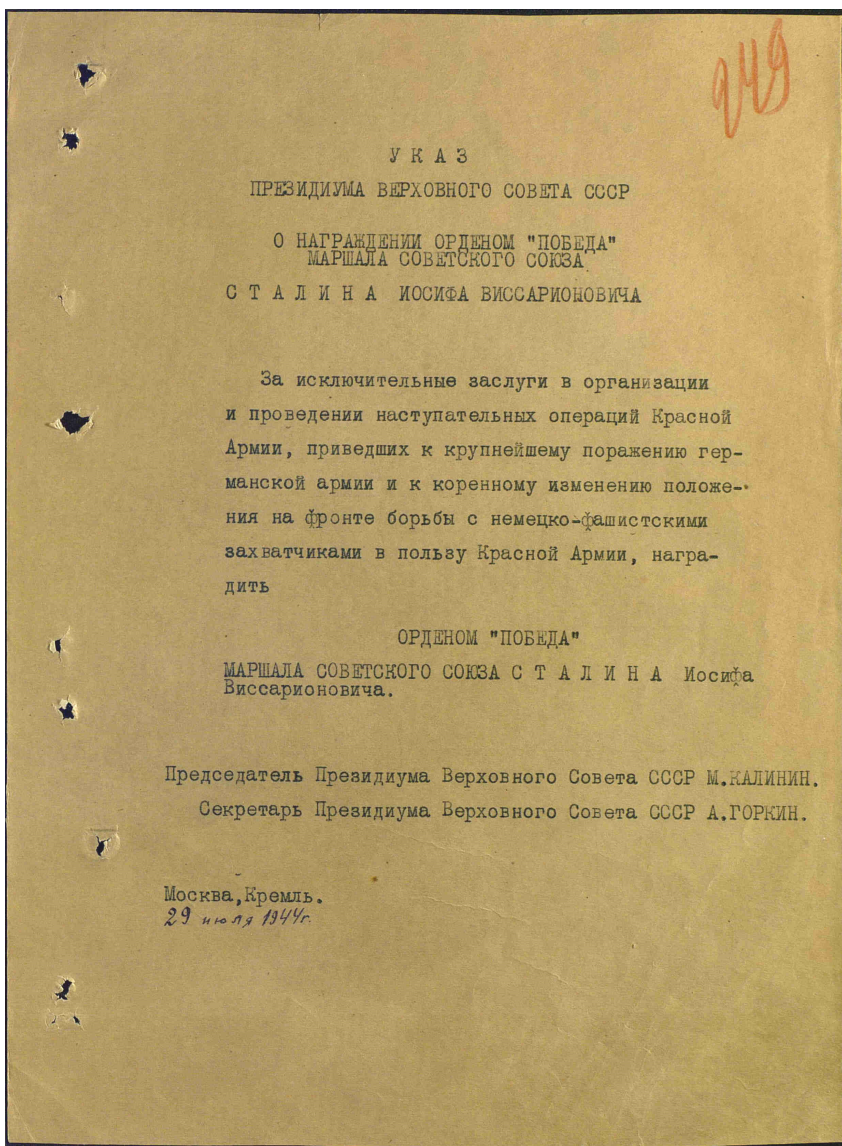
Прохождение службы в Красной Армии и Военно-Морском Флоте

С какого времени	По какое время	Наименование должности	Наименование части и соединения	Флот
П.1919	IV.1919	Командор и ст. командор	п/х "Моряк Матюшенко", "Марк"	Волга
IV.1919	VIII.1920	Ст. командор и плутонг. к-р	КР "III Интернационал"	
VIII.1920	III.1921	Плутонг. ком-р	ЛК "Петропавловск"	
III.1921	V.1921	"-"	ЛК "Марат"	МС БМ
V.1921	I.1924	Пом. ком-ра	ЛК "Марат"	МС БМ
I.1924	IV.1925	Слушатель	СКС	
IV.1925	X.1925	Штурман	Э/м "Ленин"	ВФ
X.1925	VIII.1926	Пом. ком-ра	Э/м "Войков"	КВФ
VIII.1926	II.1927	Ст. пом. к-ра	КР "Коминтерн"	ЧФ
II.1927	XII.1931	Ком. корабля	Э/м "Дзержинский"	ЧФ
XII.1931	II.1932	Слушатель	Такт. курс. ВМА им. Ворошилова	
II.1932	I.1934	Ком. корабля	КР "Профинтерн"	ЧФ
I.1934	IX.1935	Ком. див-на	ДЭММ	ЧФ
IX.1935	IX.1937	Ком. бригады	Бриг. крейсера	ЧФ
IX.1937	I.1938	Нач. штаба	Черноморск. флота	
I.1938	III.1939	Командующий	Черноморск. флотом	
III.1939	н/вр.	Командующий	Тихоокеанск. флотом.	

Справка составлена на основании личного дела, находящегося в УИРС
ВМФ.
Нач. штаба В. С. от. УИРС ВМФ
"20" сентября 1944 г. И. П. И.
ЗаклЮчение командира соединения И. П. И.
Командир (Начальник)
" " " 194 г.
ЗаклЮчение Военного Совета флота
Командующий _____ флотом
" " " 194 г.
Член Военного Совета
Типография УВШКС ВМФ. Зак. 1457

Стыдно смотреть на убогий вид копии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29.7.1944 г. о награждении маршала Сталина Иосифа Виссарионовича орденом «Победа» [6].

А ведь есть прекрасный подлинный Указ в фондах Верховного Совета СССР (ГА РФ, ф. Р-7523).

Отсутствие статистических данных о видах наград не позволяет сказать о том, сколько еще данных о награждениях не внесены в базу «Подвиг народа». Например, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждено 14 млн 681 тыс. 319 человек, а медалью «За победу над Японией» — 1 млн 819 тыс. 053 человека. Согласно данным Отдела наград Президиума Верховного Совета СССР, в годы Великой Отечественной войны были произведены награждения медалями за оборону Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, Москвы, Кавказа, Советского Заполярья — 4 млн 487 тыс. 204 человека; медалями за взятие Берлина, Буда-

пешта, Вены, Кенигсберга — 2 млн 449 тыс. 151 человек; медалями за освобождение Варшавы, Белграда, Праги — 1 млн 140 тыс. 997 человек [7]. Таким образом, всего награждено этими медалями 24 577 724 человека, а в «Подвиге народа» указано около 6 млн человек, т. е. 25 % награжденных. Поэтому пока рано еще говорить об увековечении всех героев Победы.

В ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Президиум Верховного Совета СССР 11 марта 1985 г. издал Указ № 2019-ХІ «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Во исполнение названного указа Министр обороны СССР, Министр внутренних дел СССР, Председатель Комитета государственной безопасности СССР от имени Президиума Верховного Совета СССР наградили 7,8 млн ветеранов, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии, партизанских формирований или в подполье⁹. Орденом Отечественной войны I степени отмечено 2,1 млн человек, орденом Отечественной войны II степени — 5,7 млн.

Президиум Верховного Совета СССР 15 марта 1985 г. утвердил описание ордена Отечественной войны в новой редакции. Это позволило значительно уменьшить материальные и трудовые затраты, упростить технологию изготовления ордена, на полтора года сократить сроки его производства.

По линии Министерства обороны СССР ордена вручены 7,25 млн чел., Министерства внутренних дел СССР — 95,2 тыс. и КГБ — 52,2 тыс. [8].

Не менее интересным является вопрос о закрытых фрагментах наградных листов. На главной странице сайта есть уведомление: «Информация ограниченного доступа, предусмотренная законодательством Российской Федерации, в составе ОБД “Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” не публикуется». При этом создатели сайта говорят о том, что ограничение доступа к архивным документам предусмотрено законодательством Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (ст. 25 п. 3), ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов. Спрашивается, какую угрозу безопасности гражданина, награждаемого посмертно, представляет пункт 12 наградного листа «Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи». Срок 75 лет истек для 1942 и 1941 годов. В ОБД закрыт доступ к сведениям наград-

⁹ Приказ Министра обороны СССР от 2 апреля 1985 г. № 70 «С объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» утвердил Инструкцию о порядке представления и рассмотрения ходатайств о награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (<http://docs.cntd.ru/document/901967576>).

ных листов о военкоматах призыва воинов, а также об адресах их родственников: эти сведения в наградных листах были заретушированы и сделаны недоступными при просмотре, а также в форме поиска. Когда мы увидим открытие этой информации в соответствии с законом?

Последнее обновление базы данных было осуществлено 10 апреля 2015 г. То есть уже три года работа над базой данных не ведется.

Для превращения имеющейся базы из «Полуподвига полународа» в настоящий «Подвиг народа» к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне необходимо продолжить работу по оцифровке наградных документов во всех имеющихся архивных фондах под эгидой Администрации Президента или РОК «Победа», или Российского военно-исторического общества, или Росархива, или Российского исторического общества. То есть без политической воли руководства Правительства и Администрации Президента россияне не обогатятся знаниями о своих предках. Кроме того, привлечение к такой работе Росархива поможет заменить многие выцветшие, ветхие, плохо читаемые наградные Указы Президиума Верховного Совета СССР, отложившиеся в архивах Министерства обороны и представленные на сайте «Подвиг народа», электронными копиями первых экземпляров, находящимися на госхранении.

Нужно требовать от Министерства обороны РФ введения трех отсутствовавших функций:

- а) поиск по уроженству воинов;
- б) поиск по войсковой части воинов;
- в) поиск по адресам родственников воинов.

На сегодняшний день в этом ресурсе полностью отсутствуют данные о награждениях труженников тыла (документы находятся в центральных и местных государственных архивах)¹⁰, партизан (документы хранятся в бывших партийных архивах)¹¹, сотрудников НКВД и НКГБ (документы находятся в архивах МВД и ФСБ, в том числе и награждения к 40-летию Великой Победы).

Хочется, чтобы слова «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд» не были пустым фразеологизмом.

При всем вышесказанном, я бы не хотел никого обидеть, особенно людей, расширяющих дела, сканирующих в темноте документы, оформляющих все в базу данных... Проводится ОГРОМНАЯ, трудоемкая, ВАЖНАЯ для многих людей и на многие годы работа. Почему бы ее не сделать КАЧЕСТВЕННО. Чтобы НАШИ потомки не плевались, не грустили, что бумажных документов нет, а в электронном виде их использовать невозможно. Немногие и сейчас могут приехать в ЦАМО... Надо изменить базу ТАК, чтобы ею можно было не только ПОХВАЛИТЬСЯ к 9 мая, но и с удовольствием и удобно ПОЛЬЗОВАТЬСЯ (и через многие лета).

¹⁰ Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» было награждено 16.087.135 человек [10].

¹¹ Медалью «Партизану Отечественной войны» I ст. за период войны награждено — 56.823 чел., а II ст. — 70 968 чел. [10].

Литература

- [1] <http://podvignaroda.ru/podvig-flash>.
- [2] «Известия» № 287 (7663) от 5 декабря 1941 г. С. 2.
- [3] Известия» № 78 (8380) от 1 апреля 1944 г. С. 2.
- [4] «Красная Звезда» № 200 (5880) от 23 августа 1944 г. С. 3; № 214 (5894) от 8 сентября 1944 г. С. 1.
- [5] Сайт «Подвиг народа». URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=19760503> (дата обращения 12.02.2018).
- [6] Сайт «Подвиг народа». URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=19003820> (дата обращения 12.02.2018).
- [7] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 4117. Лл. 51–54, 131–132.
- [8] ГА РФ Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 3716. Лл. 3–4.
- [9] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 4117. л. 54.

УДК 335.483

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ АТАКИ В ПОЛОСЕ 5-й ТАНКОВОЙ АРМИИ В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ В НОЯБРЕ 1942 г.

В.В. Ионов

Аннотация. Рассмотрены основные аспекты применения артиллерии 5-й танковой армии в контрнаступлении под Сталинградом 19 ноября 1942 г. Успех прорыва подготовленной обороны противника в значительной степени зависел от эффективности подавления, разрушения и уничтожения противника в период артиллерийской подготовки.

Ключевые слова: контрнаступление под Сталинградом, артиллерийская подготовка атаки пехоты и танков 5-й танковой армии 19 ноября 1942 г.

Abstract. The article considers the main aspects of the use of artillery of the 5th Panzer army in the Stalingrad counteroffensive on 19 November 1942 the success of the breakthrough of prepared enemy defenses were largely dependent on the efficiency of suppression, destruction and the destruction of the enemy during the period of artillery preparation.

Keywords: the counteroffensive at Stalingrad, artillery preparations for the attack of infantry and tanks of the 5th tank army November 19, 1942

Сталинградская битва явилась одним из крупнейших сражений Второй мировой войны. Победа Красной армии под Сталинградом по своей сути означала коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

К середине ноября 1942 г. войска Юго-Западного фронта (командующий — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин) закончили подготовку к переходу в решительное контрнаступление в целях окружения и уничтожения во взаимодействии с другими фронтами сталинградской группировки противника.

5-я танковая армия (командующий — генерал-лейтенант П.Л. Романенко) наступала на направлении главного удара фронта и занимала полосу шириной 35 км. Она прорывала оборону румыно-немецких войск первоначально на

Командующий 5-й танковой армией генерал-лейтенант П.Л. Романенко

участке 10 км силами 47-й гвардейской (гвардии полковник Ф.А. Остащенко) и 119-й (полковник И.Я. Кулагин, с 20 ноября 1942 г. — полковник М.М. Данилов) стрелковых дивизий.

В намеченных полосах наступления этих дивизий противник имел заблаговременно подготовленную оборону, которая носила очаговый характер и опиралась на систему опорных пунктов, эшелонированных в глубину. В них противник оборудовал окопы, ходы сообщения и участки траншей полного профиля. Часть пулеметов находилась в сооружениях типа ДЗОТ («система полукапонира на одну амбразуру стойчатой конструкции под двумя накатами») [1, л. 22]. Глубина вражеской обороны достигала 4...5 км. Хороший обзор местности позволял противнику маневрировать огнем артиллерии и средствами пехоты

для прикрытия промежутков между опорными пунктами. Враг на главном направлении армии имел до 16 артиллерийских и минометных батарей. При этом огневые позиции дивизионной артиллерии располагались позади боевых порядков соединений, а корпусной артиллерии — в 4...10 км от переднего края обороны. Противотанковая артиллерия занимала огневые позиции на танкодоступных направлениях у перекрестков дорог на удалении 250...300 м от переднего края. В целом «расположение огневых точек... давало возможность противнику обстреливать фланкирующим и косоприцельным огнем все подступы» к опорным пунктам [1, л. 23].

Основную массу артиллерии в соединениях армии первого эшелона удалось развернуть на удалении 3...4 км от переднего края обороны противника. Тем самым были созданы условия для успешного решения огневых задач с меньшим расходом боеприпасов несмотря на открытую местность и, следовательно, трудности маскировки. В итоге основную задачу по взлому обороны противника и сопровождению вводимых в прорыв танковых корпусов артиллерия могла теперь успешно решать без смены огневых позиций. Это представлялось особенно важным при некомплекте средств связи и тяги.

Управление артиллерией в 5-й танковой армии (командующий артиллерией — полковник Б.В. Корольков) и стрелковых дивизиях осуществлялось через командиров артиллерийских групп и их штабы. При этом наблюдательные пункты артиллерии развертывались, как правило, на удалении 1,0...1,5 км от переднего края обороны противника.

Командующий артиллерией 5-й танковой армии полковник В.Ф. Корольков

Созданная артиллерийская группировка обеспечивала высокую плотность артиллерии на участках прорыва 47-й гвардейской и 119-й стрелковых дивизий — до 107 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии (РА) (от 76-мм калибра и выше) на 1 км [2, с. 22] Достаточно высокие плотности в сочетании с централизованным управлением артиллерией создавали объективные предпосылки для массирования огня артиллерии в период артиллерийской подготовки. Артиллерийская и авиационная подготовка должна была создать условия для стремительной атаки пехоты и танков и прорыва тактической обороны противника за 3 часа в условиях морозной и снежной зимы. Ее продолжительность на участке прорыва в соответствии с планом артиллерийского наступления, разработанным штабом артиллерии фронта во главе с полковником С.В. Софроновым, была установлена 80 мин.

Построение артиллерийской подготовки в армии и в дивизиях было, по существу, единым. В действовавших тогда уставах, приказах и инструкциях были определены задачи, возможная продолжительность, порядок планирования и проведения артиллерийской подготовки в дневных и ночных условиях. Считалось, что артиллерийская подготовка должна начинаться одновременно на всем участке наступления в целях обеспечения внезапности первого огневого удара по обороняющемуся противнику и нанесения максимальных потерь, пока его живая сила не успеет укрыться, используя различные оборонительные сооружения и естественные укрытия на местности. Однако это не лишало командиров дивизий и их начальников артиллерии инициативы, так как разрушение и уничтожение важнейших целей в течение 65 мин предполагалось производить по их решению.

В рассматриваемое время в артиллерийской подготовке выделялся специальный период, когда артиллерии требовалось не только подавить оборону, но и разрушить важнейшие вражеские оборонительные сооружения. Так, на огневые налеты по опорным пунктам противника отводилось 15 мин (до 20 %) и на решение задач методическим огнем в сочетании с беглым огнем — 65 мин (до 80 %) [2, с. 43].

Кроме того, во время артиллерийской подготовки атаки артиллерия должна была подавить артиллерию обороняющегося противника, уничтожить обнаруженные его противотанковые средства или подавить их в районах вероятного нахождения, подавить (уничтожить) фланкирующие огневые точки и систему огня в целом, тактические резервы, наблюдательные и командные пункты, проделать проходы в противотанковых, противопехотных препятствиях и заграждениях.

В ночь на 18 ноября в полосе 5-й танковой армии разведкой боем было установлено, что реальный передний край обороны противника проходит в 2...3 км южнее предполагаемого [3, л. 56]. В связи с изменением обстановки в течение последующих суток пришлось частично переместить боевые порядки артиллерии и уточнить огневые задачи на артиллерийскую подготовку.

19 ноября 1942 г. в 7.30 артиллерия 5-й танковой армии начала артиллерийскую подготовку атаки. Начавшийся обильный снегопад и плотный туман

исключали вылет авиационных соединений 17-й (командующий — генерал-лейтенант авиации С.А. Красовский) и 2-й (командующий — генерал-майор авиации Н.Н. Смирнов) воздушных армий и мешали артиллеристам вести наблюдение за полем боя. Поэтому часть задач авиации пришлось возложить на артиллерию. «Тогда никто и не предполагал, что этот день войдет яркой страницей в летопись Великой Отечественной войны, — вспоминал маршал артиллерии В.И. Казаков, в то время командующий артиллерией Донского фронта, — а 19 ноября станет знаменательной и особенно дорогой для нас, артиллеристов, датой» [4, с. 78].

Учитывая, что оборона противника была очаговой и неглубокой, массированный огонь артиллерии 5-й танковой армии велся в основном на глубину 1,5...2,0 км и по батареям. Первый 5-минутный огневой налет — мощный внезапный огневой удар всей артиллерии, дополненный залповым огнем пехоты и шквальным огнем пулеметов, ошеломил врага, и он понес значительные потери.

Затем в течение 65 мин артиллерия вела огонь на разрушение и уничтожение целей на переднем крае и в глубине по планам командиров стрелковых дивизий. К сожалению, плохая видимость исключала корректировку огня. Тем не менее ранее исчисленные исходные данные обеспечили достаточную точность огня по целям. В полосе 47-й гвардейской стрелковой дивизии, 82- и 120-мм минометы, а также 76-мм полковые пушки с закрытых огневых позиций вели огонь по огневым точкам, находящимся на переднем крае и в глубине до 2 км. Однако на других участках фронта, например, в полосе 65-й армии (командующий — генерал-лейтенант П.И. Батов), 82- и 122-мм (минометы — *И.В.*) использовались, но не всегда» [5, л. 2]. Артиллерия групп поддержки пехоты 437, 473-го и 510-го стрелковых полков огнем батарей и дивизионов поражала отдельные цели и группы целей, чередуя методический и беглый огонь. Одновременно часть орудий, находясь на удалении 300...400 м от переднего края обороны противника, с открытых позиций поражала огнем отдельные цели.

При этом армейская группа дальнего действия (ДД) через каждые 20 мин проводила 5-минутные огневые налеты по вновь обнаруженным, прежде всего проявившим себя огнем батареям, резервам и штабам противника.

Артиллерийская подготовка закончилась сильным 10-минутным огневым налетом основной массы артиллерии по опорным пунктам первой линии, батареям и пунктам управления. За 5 мин до атаки на противника обрушился шквал огня РА. Враг был деморализован и понес большие потери. Его артиллерия была практически подавлена. Генерал армии С.П. Иванов, бывший начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, свидетельствует: «Мощная канонада нанесла противнику немалый урон и произвела на него сильное моральное воздействие. Однако из-за плохой видимости далеко не везде оборона была сокрушена, особенно на фланговых участках прорыва» [6, с. 460].

В 8.50 после 80-минутной артиллерийской подготовки пехота и танки непосредственной поддержки 47-й гвардейской и 119-й стрелковых дивизий,

используя результаты огня артиллерии, выдвинулись к переднему краю румынской обороны на 200...300 м, перешли в атаку и овладели опорными пунктами на переднем крае обороны противника.

Таким образом, еще до начала атаки пехоты и танков предусматривалось нанести поражение живой силе и огневым средствам обороняющегося, дезорганизовать его управление и наблюдение, нарушить систему огня, воспрепятствовать маневру его резервов, максимально сломить волю обороняющегося к сопротивлению.

Между тем, отмечая высокую результативность действий артиллерии 5-й танковой армии и дивизий в артиллерийской подготовке в рассматриваемой операции, нельзя, однако, считать удачным, когда при наступлении из непосредственного соприкосновения до 80 % всей продолжительности артиллерийской подготовки приходилось на разрушение и уничтожение отдельных целей. Естественно, в этот период плотность огня артиллерии снижалась и противник получал некоторую «передышку». Недостатки в боевом применении артиллерии были отмечены в Директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования № 03 от 10 января 1942 г. «О действиях ударных групп и организации артиллерийского наступления» военным советам фронтов и армий [7]. В нем говорилось: «В деле прорыва обороны противника и организации наступления против противника артиллерия имеет решающее значение. Без серьезной и длительной помощи артиллерии, сосредоточенной на одном каком-либо участке, прорыв обороны противника и организация наступления невозможны. Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действенной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления» [7]. Это означало, что использование артиллерии не должно ограничиваться артиллерийской подготовкой перед наступлением, и она обязана вести огонь на протяжении всего наступления, пока не будет взломана оборона противника на всю ее глубину.

Тем не менее заслуживает внимания идея одновременного подавления важнейших объектов или целей на всю глубину обороны дивизий первого эшелона противника (до 4...5 км) в первый огневой налет.

В докладе в Ставку ВГК о боевой работе артиллерии 19 ноября, подготовленном командующим артиллерией Красной армии генерал-полковником артиллерии Н.Н. Вороновым, отмечалось: «Артиллерия, минометы и реактивные установки выполнили поставленную боевую задачу по обеспечению наступления и прорыва нашей пехотой и танками оборонительного рубежа противника на направлениях главного удара. Результаты огня хорошие. Обработка началась мощным, внезапным для противника огневым налетом всех средств по его переднему краю и глубине. Есть данные, что этот огневой налет нанес противнику большое поражение, так как был проведен в тумане, при плохой видимости» [8, с. 277–278].

В итоге в декабре войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского (командующий — генерал-лейтенант, с 19 января 1943 г. генерал-полковник Ф.И. Голиков) фронтов нанесли поражение врагу на Среднем Дону, а Сталин-

градский фронт сорвал попытку противника деблокировать окруженные войска. Заключительным актом битвы на Волге стала ликвидация (10 января — 2 февраля 1943 г.) окруженной группировки силами Донского фронта (командующий — генерал-полковник К.К. Рокоссовский). В результате разгромлено 22 вражеские дивизии и взято в плен «свыше 91 тыс. человек, из них более 2500 офицеров и 24 генерал, из которых: генерал-фельдмаршал — 1, генерал-полковников — 2, остальные генерал-лейтенанты и генерал-майоры» [9].

Литература

- [1] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 16. Оп. 1007. Д. 6.
- [2] Артиллерия в бою и операции / Г.Е. Передельский, А.И. Токмаков, Г.Т. Хорошилов. М.: Воениздат, 1980.
- [3] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1007. Д. 7.
- [4] Казаков В.И. Артиллерия огонь! М.: Издательство ДОСААФ, 1975.
- [5] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1002. Д. 1.
- [6] Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990.
- [7] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М.: Воениздат, 1947.
- [8] Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963.
- [9] Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Союза ССР товарищу Сталину боевое донесение № 0079/ОП // Армейская правда. 3 февр. 1943.

УДК 78.17.05

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.: СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В.Г. Кикнадзе

Аннотация. Представлено развитие международных отношений в Балтийском регионе до вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО, прогнозы экспертов на состояние военной безопасности в регионе, особую роль и место Калининградской области Российской Федерации (1994 — 2004). Обобщены основные проблемы и направления сотрудничества в международной сфере после вступления стран Балтии в НАТО, в том числе расширение НАТО на восток, присоединение стран Балтии к ДОВСЕ, размещение ракетных комплексов «Искандер» на территории Калининградской области, безопасность в воздушном пространстве Балтики. Приведены сведения об обострении военно-политической обстановки в Балтийском регионе в 2016–2017 гг. при активизации участия США.

Ключевые слова: военная безопасность, сотрудничество, политика, Балтийский регион, Россия, Калининградская область, «Искандер», Латвия, Литва, Эстония, Польша, США, НАТО

Abstract. the paper Presents the development of international relations in the Baltic region before the accession of Latvia, Lithuania and Estonia to NATO, forecasts of experts on the state of military security in the region, the special role and place of the Kaliningrad region of the Russian Federation (1994–2004). Summarizes the main issues and areas of cooperation in the international sphere after the accession of the Baltic States in NATO, including the ex-

pansion of NATO to the East, the annexation of the Baltic States to the CFE Treaty, the deployment of missile complexes «Iskander» in the Kaliningrad region, security in the airspace of the Baltic. Provides information about the worsening political and military situation in the Baltic region in 2016 — 2017 while strengthening the participation of the United States.

Keywords: military security, cooperation, politics, Baltic region, Russia, the Kaliningrad region, “Iskander”, Latvia, Lithuania, Estonia, Poland, the USA, NATO

Результаты президентских выборов в США создали иллюзию возможности очередной «перезагрузки» отношений между Россией и США. При этом, несмотря на царившую в российском информационном пространстве эйфорию относительно возможной политики США при 45-м президенте Д. Трампе, эксперты прогнозировали сохранение целеполагания США на мировое господство, геополитического противостояния с Россией. Новый виток обострения противоречий представлялся даже в области стратегических ядерных вооружений, реальной возможности их применения. Кроме того, отмечалось снижение роли НАТО как фактора формирования современного миропорядка [1, с. 37–47].

Происходящие события отчасти подтверждают данные оценки экспертов. Для более обоснованного взгляда в будущее предлагаю также обратиться к историческому опыту развития отношений между Россией и НАТО, обеспечения военной безопасности Российской Федерации на северо-западном стратегическом направлении в конце XX — начале XXI в. Не случайно в Стратегии национальной безопасности России отмечено, что государства в качестве реакции на рост международной нестабильности все чаще берут на себя ответственность за дела в своих регионах, где субрегиональные торговые и иные экономические соглашения становятся одним из важнейших средств защиты от кризисных явлений.

Политические усилия Российской Федерации в данном направлении, как и стремления СССР накануне Второй мировой войны, не находят поддержки со стороны ведущих государств и крупнейшего военно-политического блока. Напротив, на протяжении 26 лет НАТО усиливает агрессивную риторику и действия вблизи границ России, прежде всего на северо-западном стратегическом направлении. Развивался в этой области и международный политический диалог. В большинстве его повестка увязывалась с обстановкой и планами развития Калининградской области, которая играет важную роль не только в обеспечении национальных интересов России на Балтике и в Европе, но и в формировании факторов европейской безопасности в целом. Обусловлено это тем обстоятельством, что данный регион рассматривают как сферу своих интересов Германия, Польша, Литва и другие европейские страны.

Российские эксперты еще в конце 1990-х — начале 2000-х отметили, что альянс и процесс его расширения являют собой военную угрозу для Российской Федерации. Данный вывод нашел отражение в документах стратегического планирования Российской Федерации еще до расширения НАТО в 2004 г.

Вступление в блок новых государств увеличивало не только количественно суммарный боевой потенциал, но наращивало его военную активность. С 1997 по 2001 г. интенсивность мероприятий боевой подготовки ОВС

НАТО ежегодно возрастала на 5...10 % (от 600 учений в 1997 г. — до 820 в 2001 г.). В 2002 г. впервые после распада СССР вблизи российских границ НАТО провело широкомасштабное учение с отработкой задач по нанесению превентивных ядерных ударов.

Совершенствовалась военная инфраструктура НАТО, причем на территории Польши, Венгрии и Чехии она развертывалась в восточном направлении. Даже гражданские аэродромы готовились для использования боевой и военно-транспортной авиации. Всего НАТО планировало только в Европе задействовать 120 аэродромов передового базирования. В 1998–2002 гг. активно велась работа по модернизации и наращиванию военной инфраструктуры в странах Балтии.

Дискуссии в Совете Россия – НАТО (СРН) не сняли обеспокоенности России возможным размещением военных контингентов и вооружений других стран — членов НАТО на территории Латвии, Литвы или Эстонии. Данный сценарий представлялся некоторым российским политикам достаточно вероятным, особенно с учетом планов США передислоцировать часть своих войск на Европейском континенте из «старых» (Германии и др.) членов альянса в восточноевропейские государства, претендовавшие на вступление в НАТО.

Негативные прогнозы российских специалистов косвенно подтверждались малой вероятностью присоединения стран Балтии к адаптированному ДОВСЕ. Такое присоединение могло произойти только после вступления данного договора в силу, для чего требовалась его ратификация государствами — участниками ДОВСЕ, включая Российскую Федерацию. На тот момент, исходя из обстановки, Россия официально предлагала странам Балтии взять на себя взаимные обязательства о «сдержанности» в отношении своих вооруженных сил, предупреждении непропорционального наращивания военных потенциалов на своих территориях [2].

В складывавшейся обстановке у России существовали рычаги давления, которые и западными аналитиками рассматривались в качестве серьезных препятствий на вступление в НАТО стран Балтии. Вместе с тем, российское руководство их не использовало. Россия даже в таких условиях, когда военное присутствие вокруг ее границ постоянно увеличивалось и могло угрожать национальной безопасности, продолжала придерживаться курса мирного сосуществования и добрососедства в Балтийском регионе.

31 мая 2003 г. в Москве была проведена конференция на тему «Региональная интеграция в Северной Европе: современные проблемы и будущая повестка дня». Обсуждались проблемы, связанные с международными отношениями в регионе Балтийского моря, включая международно-политическую ситуацию в мире, перемены во внешней политике России, США, стран Северной Европы и Балтии; расширение НАТО на страны Балтии и реакция на это России; проблемы вступления в силу адаптированного ДОВСЕ. В большей мере выступления были посвящены вопросам невоенной («мягкой») безопасности региона Балтийского моря, поиску путей сотрудничества государств в решении экологических, экономических, социальных и других проблем.

На тот момент предполагалось, что именно североευропейский регион будет играть ведущую роль в российской интеграции в Европу. Соответственно, на северо-западном направлении своей внешней политики Россия демонстрировала, что она сосредоточена на создании в регионе более комфортных условий для всех субъектов отношений и обеспечении стабильности. Позитивный фон, по прогнозам экспертов, создавало снижение озабоченности стран Балтии возможным российским силовым давлением на них. Во многом этому способствовала появившаяся определенность относительно участия стран Балтии в НАТО и ЕС.

С позиции сегодняшнего дня вызывает интерес существовавшее мнение, которое было поддержано большинством политических сил в странах Балтии, о том, что вступление этих государств в НАТО и ЕС способствовало бы «прагматизации» и большей сдержанности их политики в отношении России. В этой связи, как полагали эксперты, будет продолжаться снижаться роль в межгосударственных отношениях в РБМ проблем военной («жесткой») безопасности региона.

29 марта 2004 г. Латвия, Литва и Эстония вступили в Североатлантический альянс. Эти действия прибалтийских государств по понятным причинам вызвали негативную реакцию со стороны России.

С расширением НАТО и вступлением в блок Литвы и Польши, а также их вступлением в ЕС Калининградский регион стал еще более уязвим и подвержен внешним угрозам: Россия потенциально становилась мишенью шантажа со стороны сопредельных государств, так как линии коммуникаций по морю, воздуху и суше в любое время могут быть перекрыты. При этом Россия всегда стремилась к Балтийскому морю именно как объекту сближения с европейскими государствами. Если учесть, что российские порты в мелководном и узком конце Финского залива, который к тому же замерзает, могут быть заблокированы, то понятна цель России развивать свое военно-морское присутствие в южной, незамерзающей части Балтийского моря. Вполне закономерно, что Россия, имея в Калининградском регионе свои Вооруженные силы, не только обеспечивает его безопасность, но и имеет возможность влиять на европейскую безопасность в целом и прежде всего военную безопасность в Балтийском регионе.

К сожалению, предположения экспертов о том, что роль проблем военной безопасности региона в межгосударственных отношениях в регионе Балтийского моря будет снижаться, к настоящему моменту не оправдались. При этом еще в 2012 г. некоторые российские эксперты отмечали, что вступление стран Балтии в Североатлантический альянс существенно не изменило сложившийся в послевоенный период баланс сил в Европе («даже при участии военных НАТО в странах Балтии не удалось создать вооруженные силы, которые были бы способны нанести ущерб обороноспособности России») [3, 4].

Однако к настоящему моменту, как представляется, военно-политическая обстановка в Балтийском регионе находится на новом витке обострения, близком к условиям начала 2000-х. Более того, имеется достаточно оснований

предполагать развитие данного военно-стратегического вектора, появление новых рисков военной безопасности, возможность их трансформации в военные опасности и угрозы национальной безопасности. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства.

С 2012 г. численность размещенных военных контингентов НАТО у западных рубежей России увеличилась в 3 раза, срок их готовности сокращен с 45 до 30 суток. Система ПРО США в Европе выведена на уровень начальной оперативной готовности. Интенсивность ведения воздушной разведки НАТО у наших границ увеличилась в 3,5 раза, а морской — в 1,5 раза. НАТО в 2 раза нарастило интенсивность военных учений у границ России. В 2014 г. альянсом проведено 282 учения, а в 2017 году — уже 548. Ежегодно у западных границ России проводится более 30 учений, сценарий которых основывается на вооруженном противоборстве с Российской Федерацией [5].

Российское военное руководство принимает соответствующие меры. Например, 1 апреля 2016 г. в составе Балтийского флота был сформирован 11-й армейский корпус. На вооружение одной из его бригад, размещенной в Калининградской области, должен поступить ОТРК «Искандер-М». При этом принятое 8 июля 2016 г. на саммите Североатлантического альянса в Варшаве решение о размещении четырех батальонов в Прибалтике и Польше, по словам генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, было основано на анализе событий на Украине: «Это оборонительный, пропорциональный ответ на действия России» [6]. На этом же саммите НАТО было принято решение о создании единой Службы разведки и безопасности [7].

Увеличение интенсивности боевой подготовки в вооруженных силах стран Балтийского региона, ротационная основа ВВС, патрулирующих границы стран Балтии, не могли не повлиять на безопасность в воздушном пространстве региона. В 2016 г. проблема обоснованно стала объектом внимания высших государственных лиц на международной арене, в том числе Президента России Владимира Путина. По его распоряжению Минобороны России разработало предложения по повышению безопасности полетов в регионе Балтийского моря и представило их для рассмотрения на СРН 13 июля 2016 года. Еще до начала заседания СРН Й. Столтенберг отметил, что НАТО приветствует «повышение интереса с российской стороны к теме открытости, прозрачности и сокращения рисков в Балтийском море» [6].

Но уже в январе 2017 г., явно не в целях поиска конструктивного диалога с Россией, в Литву прибыли военнослужащие подразделений специального назначения США. По словам представителя Минобороны республики А. Галдикайт, размещение спецназа — один из пунктов для долгосрочного и тесного сотрудничества с Вашингтоном. Директор Департамента государственной безопасности Литвы Д. Яунишкис заявил, что развертывание американских сил является ответом России: «НАТО и другие страны не будут мириться с российской агрессией в регионе» [8].

В марте 2017 г. США и Европа обеспокоились новостью о передислокации под Калининград оперативно-тактических ракетных комплексов «Искан-

дер» на постоянной основе [9]. И на этот раз российское руководство отказалось давать пояснения о причинах и целях данного решения: «Москва не считает нужным отчитываться перед НАТО по количеству комплексов «Искандер», которые находятся в Калининградской области» [10].

В октябре 2017 г. министр обороны Польши А. Мацеревич заявил, что стране необходимо больше американских военных для ее защиты. Он считает, что в стране для обороны и противостояния внешним угрозам необходимо разместить не менее двух дивизий США. Парламент Польши постановил увеличить расходы на оборону до 2,5 % ВВП. Эти средства «необходимы» для того, чтобы «противостоять угрозам с Востока», сказал Мацеревич: Россия «использует силу для достижения своих политических целей» [11].

Таким образом, 14 лет нахождения стран Балтии в НАТО свидетельствуют о том, что угроза от расширения альянса на восток не была преувеличена. Являясь добровольным заложником блоковой политики, страны Балтийского региона — члены НАТО вынуждены жертвовать интересами безопасности региона и регионального развития в результате обострения международных отношений на глобальном уровне. К тому же последние спровоцированы не Россией и в другом регионе (как утверждает руководство НАТО после событий на Украине).

О проецировании новых опасностей для России также свидетельствует решение альянса о выходе на новый уровень военной подготовленности стран Балтийского региона за счет закрепления за Польшей, Латвией, Литвой и Эстонией позиции «лидирующих наций» — членов НАТО. Следовательно, обеспечение обороноспособности России на северо-западном стратегическом направлении требует постоянной оценки обстановки и принятия адекватных военно-политических решений, оборачиваясь новыми расходами для бюджета.

Вместе с тем для российских политиков и военных деятелей будет ошибочным не использовать участие стран Балтии в НАТО для развития взаимодействия с альянсом. Прежде всего, целесообразно совершенствовать сотрудничество в тех областях, где уже достигнут положительный результат и где очевиден взаимный интерес: военный транзит, безопасность мореплавания и полетов авиации на Балтике. Успешность такого сотрудничества, безусловно, будет способствовать более тесной региональной интеграции, повышению уровню доверия между сторонами и в целом благоприятно скажется на атмосфере партнерства России – НАТО.

В то же время минимизации негативных последствий для России от вступления стран Балтии в НАТО, укреплению региональной безопасности, как ни парадоксально, должно способствовать сотрудничество в сфере военной безопасности на уровне Россия – НАТО. Оно может позволить предотвратить возникновение реальных угроз и отработать эффективные механизмы взаимодействия, прежде всего в региональном масштабе.

Уроком, извлеченным из анализа и обобщения исторического опыта развития военно-политических отношений в Балтийском регионе в конце XX —

начале XXI в., является следующее положение: активное сотрудничество в военной сфере делает регион менее опасным для всех его участников. Как только региональный формат реального взаимодействия и партнерства уступает место интересам глобальной политики, военная сфера моментально катализирует обострение международных отношений.

Вероятно, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе деятельность партнеров России — государств Балтийского региона будет подчинена интересам США, реализуемым инструментами глобальной политики. В региональной политике «Калининградской проблемы» сохранится преваляирование военного фактора в ущерб разрешению проблем «мягкой» безопасности на Балтике, поскольку последнее не входит в сферу национальных интересов США. Именно поэтому трансатлантический вояж «Абрамсов» и «Брэдли» к берегам Балтики и границам Российской Федерации (январь 2017 г.) является частью военной стратегии США, а не разовой акцией.

Что делать для обеспечения военной безопасности в будущем?

Во-первых, Россия должна раз и навсегда отказаться от военно-политических иллюзий относительно своих союзников. Исторически Россия имеет только двух союзников: Армию и Флот. Выполняя указания Президента России, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, необходимо самым тщательным образом отслеживать изменение баланса сил и военно-политической обстановки в мире, прежде всего вблизи российских границ, а также в ключевых, стратегически важных для безопасности России регионах [5].

Во-вторых, предпринимая превентивные и ответные меры по обеспечению военной безопасности, Россия должна стать лидером в решении проблем «мягкой» безопасности и развития Балтийского региона. Для этого необходимо использовать все сферы международного сотрудничества. Иными словами, страны Балтии должны получить в лице России альтернативный американскому вектор долгосрочного гарантированного государственного развития в условиях равноправного партнерства.

Литература

- [1] *Сивков К.В.* Президент Трамп: выжить и победить! // Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Москва, 2 марта 2017 года / РАН, МГТУ им. Н.Э. Баумана, ВА ГШ ВС РФ. М., 2017.
- [2] *Троицкий М.* «Мягкая безопасность»: российско-балтийский подход // Международные процессы. 2003. № 1 (1). URL: <http://www.intertrends.ru/one/018.htm> (дата обращения 31.07.2016).
- [3] *Войников В.* Роль стран Балтии в отношениях России – НАТО // Сайт Российского совета по международным делам. 19 октября 2012 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=927#top-content (дата обращения 31.07.2016).
- [4] *Клемешев А.П., Кретинин Г.В.* Балтика — средиземноморье Европы // Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016.

- [5] Расширенное заседание коллегии Министерства обороны. Президент России. 22 декабря 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56472> (дата обращения 04.01.2018).
- [6] Столтенберг: НАТО приняла решение о размещении четырех батальонов в Прибалтике и Польше // ТАСС. 8 июля 2016 г. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3441084> (дата обращения 31.07.2016).
- [7] *Витвицкий А.* Эксперт: новая «разведка НАТО» — вообще не вызов для России // РИА Новости. 11 июля 2016 г. URL: http://ria.ru/radio_brief/20160711/1463825621.html (дата обращения 31.07.2016).
- [8] Литва подтвердила размещение военного спецназа США. 3 января 2017 г. URL: <https://news.mail.ru/politics/28329996/?frommail=1> (дата обращения 20.11.2017).
- [9] Matthias Gebauer. BotschaftersitzungNato verlangt von Moskau Aufklärung über «Iskander»-Raketen // Spiegel. 24 марта 2017 г. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/nato-verlangt-von-moskau-aufklaerung-ueber-iskander-raketen-a-1140250.html> (дата обращения 21.11.2017).
- [10] Москва не будет отчитываться перед НАТО об «Искандерах» в Калининграде. 26 марта 2017 г. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170326/1490819469.html (дата обращения 21.11.2017).
- [11] Польша сочла размещение не менее двух дивизий США необходимым для обороны. 1 октября 2017 г. URL: <https://news.mail.ru/politics/31181775/?frommail=1> (дата обращения 20.11.2017).

УДК 355.94 «1941/1945»

ОСВОБОЖДЕНИЕ КИЕВА ОСЕНЬЮ 1943 г.: СТАВИЛАСЬ ЛИ ЗАДАЧА СЛОМИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА К ПРАЗДНИКУ?

А.В. Кириллов

Аннотация. Рассмотрены события Великой Отечественной войны, предшествующие Киевской наступательной операции и действия войск 1-го Украинского фронта по освобождению Киева в 1943 году.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, операция, наступление, освобождение

Abstract. The article deals with the events of the Great Patriotic War preceding the Kiev offensive operation and the actions of the troops of the 1-st Ukrainian front to liberate Kiev in 1943.

Keywords: Great Patriotic War, operation, offensive, liberation

После выхода армий Советского Союза на Днепр ближайшими задачами войск СССР на юге стали освобождение Киева, расширение захваченных плацдармов и создание тем самым условий для изгнания противника со всей Правобережной Украины. 28 сентября 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) направила директиву № 30197 командующему Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутину и представителю Ставки Г.К. Жукову, в которой фронту приказывалось, прочно закрепив за собой плацдармы на правом берегу р. Днепр, нанести удар в общем направлении на Кагарлык, Фастов, Брусилов и во взаимодействии с левым флангом Центрального фронта разгромить киевскую группировку противника и овладеть городом Киевом.

Первое октябрьское наступление войск Воронежского фронта не привело к желаемому результату. Войска Воронежского фронта в период с 12 по 15 октября на Букринском плацдарме и с 11 по 17 октября севернее Киева поставленные перед ними задачи не выполнили. Войска фронта добились лишь незначительного расширения плацдармов на правом берегу реки Днепра севернее Дымера на фронте 60-й армии, в районе Лютежа непосредственно севернее Киева на фронте 38-й армии и в районе Букринского плацдарма на левом фланге фронта.

Общая идея и замысел действий нового наступления оставались прежними. Войска Воронежского фронта должны были возобновить наступление на прежних направлениях, лишь несколько была сокращена глубина задач. Основная надежда, как и прежде, возлагалась на использование Букринского плацдарма, но опять достичь желаемого результата не удалось.

Как вспоминал Москаленко К.С., «...мы продолжали попытки наступать. Но не смогли сломить ожесточенное сопротивление крупных сил противника, поддерживаемых авиацией, которая непрерывно действовала над полем боя группами по 30-40 самолетов. Стало очевидно, что перед нами была прочная, глубоко эшелонированная оборона. Создав ее почти за месяц боев, противник по существу закрыл нашим войскам выход из Букринской излучины на запад. В то же время незначительные размеры плацдарма и недостаток переправочных средств не позволяли нам использовать здесь основную массу артиллерии. А ее огонь с левого берега вследствие плохих условий наблюдения оказался малоэффективным, не обеспечивал достаточной поддержки стрелковых соединений. Противник же против Букринского плацдарма сосредоточил десять дивизий, половину которых составляли танковые и моторизованные. Наконец, сильно пересеченная местность крайне ограничивала использование крупных танковых соединений. Тем не менее командование нашего фронта, переименованного 20 октября 1943 г. в 1-й Украинский, приняло решение начать в конце октября 1943 г. третье наступление с Букринского плацдарма. Однако Ставка Верховного Главнокомандования, находясь в Москве, сумела правильно оценить все то, что было у нас перед глазами, и отменила наступление» [8, с. 150].

24 октября 1943 г. Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин направили в Ставку доклад о причинах неудач наступлений с Букринского плацдарма и предложения о дальнейших действиях. Главными причинами неудач были названы пересеченный характер местности, который затруднял использование танков и облегчал оборудование оборонительных рубежей, а также недостаток боеприпасов, который заставлял сокращать артиллерийскую подготовку. Новое наступление было предложено снова начать с Букринского плацдарма, так как перегруппировка войск на другой плацдарм требовала много времени. Относительно плацдармов севернее Киева Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин отметили их перспективность в случае усиления фронта одной общевойсковой и одной танковой армиями. Они попросили предоставить фронту 10 дней на подготовку прорыва на плацдарме южнее Переяслав-Хмельницкого [13, л. 24–29].

Ставка ВГК в ответ на этот доклад в директиве № 30232, подписанной в 23 часа 24 октября 1943 г., указав на недостаточный учет условий местности Букринского плацдарма, затрудняющих здесь наступательные действия войск, особенно танковых формирований, определила новое направление для действий главной ударной группировки фронта. Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка ВГК решила перенести главный удар на Лютежский плацдарм, который к этому времени был расширен до 20 км по фронту и до 14 км в глубину. То есть Ставка ВГК отказывалась от нанесения главного удара с Букринского плацдарма, теперь он должен был наноситься севернее Киева. С этой целью Ставка ВГК приказала произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта для усиления правого фланга фронта. Ближайшей задачей определялся разгром киевской группировки противника и овладение Киевом. 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко требовалось передислоцироваться на участок фронта севернее Киева, где предполагалось ее использовать совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. Туда же Ставка ВГК требовала направить три-четыре стрелковые дивизии с левого фланга фронта и две стрелковые дивизии, выделяемые из ее резерва [9, с. 227]. Перегруппировку требовалось произвести скрытно, используя макеты танков для введения противника в заблуждение.

Войска 1-го Украинского фронта к началу ноябрьского наступления, известного как Киевская наступательная операция (1943 г.), имели сорок семь стрелковых дивизий, две стрелковые бригады, три кавалерийские дивизии, 663 тыс. человек, 6437 орудий и минометов, 675 танков и самоходных орудий и 684 самолета. Таким образом, войска фронта имели превосходство над противником: в людях — в 1,3 раза, в орудиях и минометах — в 1,8 раза, в танках и САУ — в 1,7 раза; силы авиации по численности были примерно равными [1, с. 139–140]. Кроме того, действия войск должны были поддерживаться украинскими партизанами.

В целом, войска фронта не имели значительного превосходства. Но на направлении главного удара, т. е. на Лютежском плацдарме, благодаря решительной перегруппировке войск было создано решающее превосходство в силах. Так, в 38-й армии на участке прорыва шириной 14 км советские войска имели превосходство по стрелковым соединениям в 3 раза, по танкам в 9 раз и по артиллерии 4,5 раза. На участке главного удара 60-й армии шириной 20 км превосходство по стрелковым соединениям было почти тройным.

Фактором внезапности должна была выступить быстрота перегруппировки войск, поскольку за время октябрьских боев противник привык, что советские войска на этом участке не имеют существенного превосходства. Не случайно Ставка ВГК сократила запрашиваемый Г.К. Жуковым и Н.Ф. Ватутиным десятидневный срок подготовки операции до семи дней.

Наступление с Букринского плацдарма решено было начать 1 ноября 1943 г. Начало наступления севернее Киева планировалось на 2 ноября 1943 г. Позднее, в связи с неготовностью войск и прежде всего медленного подвоза и

накопления боеприпасов, начало наступления было перенесено на 3 ноября 1943 г. [1, с. 163]. Темпы наступления ударной группировки планировались 10...11 км для пехоты и 10...40 км для подвижных соединений в сутки.

Освободить Киев планировалось к исходу 5 ноября 1943 г. В связи с этим возникает тема близости годовщины Октябрьской революции. Считается чуть ли не общепризнанным фактом, что Киев было приказано взять к 7 ноября 1943 г. Эти взгляды получили распространение еще в советское время. Тогда они бытовали главным образом в интеллигентских кругах и служили иллюстрацией абсурда системы. Сейчас они употребляются для переписывания истории и служат примером преступности советского режима, его жестокости и бесчеловечности [5, с. 11].

Сроки наступления и его темпы не были привязаны к конкретной дате, они определялись общей стратегической обстановкой, сложившейся к тому времени на южном участке советско-германского фронта. Степной фронт (с 20 октября 1943 г. — 2-й Украинский), захватив плацдарм на правом берегу Днепра в районе Кременчуга, с середины октября 1943 г. перешел в наступление на киевском и кировоградском направлениях на стыке между 1-й танковой и 8-й немецкой армиями. Успешное развитие наступления привело к тому, что между армиями образовался широкий проход и возникла угроза изоляции 1-й танковой армии в восточной части Днепровской излучины. Как отмечал Э. Манштейн, «эта опасность для командования группы армий была наиболее угрожающей» [6, с. 562].

Прибывающие из Германии резервы (две танковые и одна пехотная дивизии) были переброшены на это направление и 24 октября 1943 г. нанесли контрудар в направлении реки Ингулец севернее Кривого Рога. Ожесточенные бои продолжались до 28 октября, немцам удалось временно стабилизировать фронт и восстановить сплошной фронт между 1-й танковой и 8-й армиями. Но в конце октября перешел в наступление 4-й Украинский фронт (командующий генерал армии Ф.И. Толбухин), который прорвал фронт немецкой 6-й армии и успешно развивал наступление. Только за 28 октября войска фронта, развивая наступление в направлении Каховки, продвинулись в глубину обороны противника до 45 км [14, л. 241]. В итоге 4-й Украинский фронт глубоко продвинулся по Северной Таврии, блокировал Крым и вынудил немцев оставить весь левый берег Днепра, за исключением Никопольского плацдарма. 1-я танковая армия опять могла оказаться в ловушке. Все это обуславливало благоприятную ситуацию для наступления на киевском направлении.

В интересах мобилизации личного состава 1-го Украинского фронта на выполнение поставленной задачи политорганы развернули бурную деятельность. Как вспоминал К.С. Москаленко: «В подразделениях и частях накануне наступления состоялись короткие митинги. Такая форма обращения к бойцам перед боем стала у нас традицией и являлась одним из звеньев, обеспечивавших успех операции. Особое значение ей придавало то, что она совпала с подготовкой к празднованию 26-летия Великой Октябрьской социалистичес-

кой революции. «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября» — этот лозунг стал основой всей политической работы в войсках армии» [8, с. 165]. Разумеется, все причастные к этому люди понимали, что совпадение дат в данном случае — чистая случайность. Но этот момент необходимо было использовать в интересах воодушевления войск, поскольку для большинства солдат и офицеров коммунистическая идеология не была пустым звуком, они искренне верили в социализм и были готовы сражаться за его идеалы.

Личный состав войск 1-го Украинского фронта испытывал сильный душевный подъем, вызванный успехами советских войск, и желание не отстать от общего наступления. Кроме того, с позиций на Лютежском плацдарме и с левого берега Днепра наблюдались пожары и взрывы в Киеве. Немцы начали уничтожение стратегических объектов в городе, вывозили оборудование предприятий и материальные ценности. Это способствовало тому, что солдаты и офицеры стремились как можно скорее освободить Киев, спасти его от разрушения [5, с. 42]. Накануне наступления личному составу был объявлен приказ Военного совета фронта о решительном штурме Киева. В нем говорилось о великой чести, выпавшей на долю войск фронта в освобождении столицы Украины. Битва за Киев, указывалось в приказе, это борьба за вызволение всей Украины, за разгром противника и изгнание его с советской земли [8, с. 166].

Много внимания было уделено подготовке войск и штабов к предстоящим действиям. Работа по организации взаимодействия войск проводилась, как правило, на местности. Широко практиковался проигрыш хода боевых действий по намеченным планам. Так, 30 октября 1943 г. такая игра была проведена с командным составом 3-й гвардейской танковой армии до командира бригады включительно [1, с. 140].

Утром 3 ноября 1943 г. началось наступление главной группировки фронта (60-я армия под командованием И.Д. Черняховского и 38-я армия под командованием К.С. Москаленко и часть сил 5-го гвардейского танкового корпуса) на Лютежском плацдарме. Благодаря хорошо организованной и грамотно проведенной системе подготовительных мероприятий советское командование добилось внезапности наступления с Лютежского плацдарма. Как отмечал впоследствии Э. Манштейн: «В начале ноября 1943 г. противник крупными силами снова перешел в наступление на северный фланг группы армий — участок фронта 4-й танковой армии на Днепре. Было неясно, имеет ли это наступление далеко идущие цели или противник пока пытается занять западнее Днепра необходимый ему плацдарм. Вскоре оказалось, что 4-я танковая армия не сможет удержать своей полосы на Днепре перед натиском обладающего значительным превосходством сил противника» [6, с. 567].

5 ноября немецкому командованию стало ясно, что Киев будет сдан [6, с. 567]. Немцы начали отвод из Киева тылов и вспомогательных частей. 3-я гвардейская танковая армия силами 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, введенными в прорыв с утра 5 ноября к 10 часам дня овладела населен-

ным пунктом Святошино и развила наступление в направлении Василькова, Фастова, обходя Киев с запада. 60-я армия, развивая наступление между реками Здвиж и Ирпень, продвинулась за день на 10...20 км и надежно обеспечила правый фланг 38-й армии. 38-я армия во взаимодействии с частями 3-й гвардейской танковой армии прорвалась в центральные кварталы Киева и вела там уличные бои, продвинувшись за день на 8...12 км [15, л. 36, 37].

Всю ночь с 5 на 6 ноября 1943 г. в Киеве продолжались бои. К 4 часам утра 38-я армия полностью освободила столицу Украины и, перейдя к преследованию противника, продвинулась к исходу 6 ноября до 25 км. 60-я армия, развивая наступление между реками Здвиж и Ирпень, углубилась в оборону противника до 12 км. 3-я гвардейская танковая армия после участия в бою за Киев частью сил продолжала наступать в направлении Фастова и преодолев за день свыше 30 км достигла восточной окраины Фастова [15, л. 44]. Как признал бывший генерал вермахта Ф.В. Меллентин: «Немецкая оборона была смята» [7, с. 312].

Еще до завершения боев в Киеве на улицах города стали собираться киевляне, приветствовавшие входящие в город советские войска. К.С. Москаленко вспоминал: «Двигаясь вслед за танками, мы добрались, наконец, по бульвару Шевченко до Крещатика. Там нас неожиданно встретили большие группы восхищенных, сияющих киевлян. Вокруг рвались снаряды, свистели пули, а жители города плотным кольцом окружили наши машины и бурно выражали свою радость» [8, с. 176]. В приказе Верховного Главнокомандующего отмечалось: «Войска 1-го Украинского фронта в результате стремительно проведенной операции со смелым обходным маневром сегодня, 6 ноября, на рассвете штурмом овладели столицей Советской Украины городом Киев — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу Днепра. С взятием Киева нашими войсками захвачен важнейший и наивыгоднейший плацдарм на правом берегу Днепра, имеющий важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины. В боях за освобождение города Киев отличились войска генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Черняховского, танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко, летчики генерал-лейтенанта авиации Красовского и артиллеристы генерал-майора артиллерии Королькова» [4, с. 259].

Оставляя Киев, немецкие войска производили поджоги и взрывы важных объектов коммунального хозяйства, культурных и административных зданий, жилых домов. Они превратили в развалины центральную магистраль города — Крещатик, улицы Карла Маркса, Фридриха Энгельса, 25-го Октября, Свердлова и другие, уничтожили многие исторические памятники, киевский университет, городскую публичную библиотеку, цирк, ряд театров, электростанции, водопровод, все мосты и путепроводы, хлебозавод, медицинские учреждения, дворцы культуры, школы [4, с. 260].

Дальнейшее развитие Киевской наступательной операции было стремительным. 7 ноября 1943 г. войска 1-го Украинского фронта продолжали наступление в направлениях Иванков, Радомышль, Белая Церковь и, продви-

нувшись за день на 5...30 км, овладели крупным железнодорожным узлом и городом Фастов, отбросив противника от Киева на 25...60 км [15, л. 48]. При овладении городом Фастов отличилась 91-я отдельная танковая бригада 3-й гвардейской танковой армии. Командир бригады полковник И.И. Якубовский, встретив сильное сопротивление противника у восточной окраины Фастова, решил силами одного танкового батальона при поддержке противотанковой батареи имитировать атаку Фастова с востока, а основными силами бригады (танковый и мотострелковый батальоны) атаковать город с севера через Малую Снетинку и Снегуровку, где, как показала проведенная разведка, противником были оставлены незначительные гарнизоны. Обходной маневр и внезапная атака с неожиданного направления принесли полный успех — к 2 часам утра 7 ноября основные силы бригады ворвались в Фастов с севера, а уже к 7 часам утра город и железнодорожная станция были полностью очищены от противника. Менее чем за сутки бригада прошла с боями 79 км [11, с. 156].

В результате решительных и умелых действий войск 1-го Украинского фронта оборона противника во многих местах была разорвана. Следующие 5 дней войска 1-го Украинского фронта успешно развивали операцию на житомирском и белоцерковском направлениях с темпом до 20 — 25 км в сутки [15, л. 54, 61, 67, 75, 83].

После развала СССР стало культивироваться мнение, что отчетам, боевым донесениям и оперативным сводкам советского командования доверять абсолютно нельзя. Как утверждает псевдооткрыватель истории Великой Отечественной войны В.Б. Резун: «Официальные лубянские историки призывают меня писать историю только с опорой на документы. Это очень даже правильно, дорогие товарищи. Только надо принимать во внимание и тот простой факт, что власть наша родная честностью не отличается. Ей, обожаемой, соврать, что воды выпить» [10, с. 397].

В связи с этим примечательным фактом является снятие с должности начальника штаба 1-го Украинского фронта С.П. Иванова за представление неточных сведений в разгар успешного развития Киевской наступательной операции. Как отмечалось в приказе Ставки ВГК № 30241: «В течение двух дней штаб 1-го Украинского фронта сообщал в Генеральный штаб противоречивые данные о положении в районе Фастовца: в чьих руках он находится — в наших или противника... 9.11 начальник штаба Иванов лично по телефону ВЧ доложил Генштабу о занятии нашими войсками Брусилова, между тем, как выяснилось, этот пункт не занимался и до сих пор не занимается нашими войсками... Усматривая во всем этом несерьезное отношение тов. Иванова к своим обязанностям, в результате чего Генеральный штаб и Ставка вводились в заблуждение, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Генерал-лейтенанта Иванова снять с должности начальника штаба 1-го Украинского фронта и направить его в распоряжение Главного управления кадров НКО. 2. Предупредить тов. Ватутину, что в случае повторения попыток представлять Генеральному штабу неточные сведения он — тов. Ватутин — будет привлечен к строжайшей ответственности. 3. Обязать всех работников штаба 1-го Украин-

ского фронта придерживаться того, чтобы все донесения штаба были правдивы и точны, не поддаваясь при этом ничьему влиянию. Настоящий приказ довести до начальников штабов дивизий включительно» [12, л. 279, 280].

Победы советских войск на Правобережной Украине и освобождение Киева вызвали широкий международный отклик. Американская и английская пресса расценивала это событие как новое крупное поражение вермахта. Лондонское радио сообщало: «Занятие этого города советскими войсками является победой, имеющей огромное не только военное, но и моральное значение... Когда гитлеровцы заняли Киев, они хвастливо заявляли, что это повлечет за собой полнейшее поражение советских войск на всем юго-востоке. Теперь времена изменились. Германия слышит звон похоронного колокола. На нее надвигается лавина» [4, с. 260].

Залпами артиллерийского салюта Москва возвестила всему миру об освобождении столицы Советской Украины. При форсировании Днепра и освобождении Киева советские воины проявляли массовый героизм. Родина высоко оценила подвиг воинов 1-го Украинского фронта. Только с 12 октября по 7 ноября 1943 г. было награждено орденами и медалями 17 500 человек, 663 из них, наиболее отличившиеся при форсировании Днепра и освобождении столицы Украины, удостоены звания Героя Советского Союза. 65 частей и соединений удостоились почетного наименования Киевских [3, с. 240].

При этом потери советских войск в Киевской наступательной операции составили: безвозвратные — 6491 чел., или примерно 1% от численности на 3 ноября 1943 г., санитарные — 24 078 чел., среднесуточные потери — 2779 чел., в том числе 590 чел. убитыми и пропавшими без вести [2, с. 136]. Эти данные говорят о минимальных потерях в этой сложной операции, вряд ли можно привести меньшие значения относительных потерь в Великой Отечественной войне, вот только почему-то об этом так не любят вспоминать некоторые нынешние историографы войны. Таким образом, наступление накануне 7 ноября обошлось даже меньшими (или равными) жертвами, чем бои в предшествующий период.

Литература

- [1] Битва за Днепр / сост. В. Гончаров. М.: АСТ, 2006. 180 с.
- [2] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М.: Вече, 2010. 384 с.
- [3] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. М.: Воениздат, 1984. С. 240.
- [4] История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 7: Завершение коренного перелома в войне. М.: Воениздат, 1976. 522 с.
- [5] *Макеев Д.* Взять Киев к празднику! Легенда о «праздничных наступлениях». / Великая оболганная война – 2. М.: Яуза; Эксмо, 2002. 432 с.
- [6] *Маништейн Э.* Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. 896 с.
- [7] *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 303 с.

- [8] Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. 398 с.
- [9] Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 227.
- [10] Суворов В. Тень победы. Донецк: Сталкер, 2008. 491 с.
- [11] Шейн Д.В. Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й Гвардейской танковой армии. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 320 с.
- [12] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143.
- [13] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 1.
- [14] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811 (8 ч.).
- [15] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811 (7 ч.).

УДК 355.94

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СССР ПО ОРГАНИЗАЦИИ СНАБЖЕНИЯ РККА ОБОЗНЫМ И ВЕЩЕВЫМ ИМУЩЕСТВОМ В 1935–1941 гг.

М.А. Коневская

Аннотация. Затронуты вопросы организации системы снабжения РККА в целом, а также обозно-вещевого снабжения, в частности, в период 1935–1941 гг. По мнению автора, указанный этап в совершенствовании системы снабжения не являлся переломным, однако способствовал формированию единого органа управления тылом и снабжением армии в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Обозно-вещевое снабжение — это специфический вид снабжения, не требующий ежедневного пополнения ресурсов, в силу чего является ярким показателем функционирования и жизнеспособности системы снабжения.

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение, система снабжения, складское хозяйство, Народный комиссариат обороны, Главное интендантское управление

Abstract. The article addresses the issues of organization of the system of supply of the red army as a whole, and also refer to clothing supply in particular in the period 1935-1941. According to the author, the specified step in improving the supply system was not a turning point, however, contributed to the formation of a single body control rear and supply the army in the beginning of the great Patriotic war of 1941-1945. Notation and clothing supply is a specific kind of supply that does not require daily replenishment, which is a clear indicator of the functioning and viability of the supply system.

Keywords: material and technical support, supply system, warehousing, people's Commissariat of defense, the main intendant management

В 1930-х годах в СССР осуществлялся переход к единому кадровому принципу комплектования Вооруженных Сил. Их численный состав в период с 1936 по 1939 г. увеличился вдвое, достигнув к началу войны 5,4 млн человек. В связи с этим материально-техническое оснащение армии стояло на первом месте, что представляется возможным наглядно проследить, основываясь на документальных материалах Народного комиссариата обороны СССР (НКО СССР) [1, с. 58]. Рассмотрим основные структурные изменения органов НКО СССР, отвечающих за обозно-вещевое снабжение Красной Армии, и осново-

полагающие руководящие и нормативные документы, регулировавшие этот процесс.

Народный комиссариат обороны СССР был создан в 1934 г. путем реорганизации Народного комиссариата по военным и морским делам (НКВМ). Приказом Реввоенсовета СССР № 067 от 20 июня 1934 г. было объявлено Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР об утверждении Положения о Народном комиссариате Обороны СССР, а также Положения о Военном совете при НКО СССР [2, л. 154–202]. Одновременно Реввоенсовет СССР подлежал ликвидации.

Центральным органом НКО СССР по обеспечению РККА всеми видами военно-хозяйственного снабжения являлось, согласно Положению, Военно-хозяйственное управление РККА. 22 ноября 1934 г. приказом НКО № 068 было объявлено Положение об управлении военного округа, в состав которого по Положению входил военно-хозяйственный отдел [2, л. 205–229]. Также указанным выше приказом реорганизации подвергся и Штаб РККА. Полномочия штаба были значительно расширены. На штаб РККА была возложена разработка вопросов организации тыла и материального обеспечения на военное время, планов организации вооруженных сил, схем развертывания армии и директивных указаний по обеспечению мобилизационной готовности войск [2, л. 154–202].

26 сентября 1935 г. приказом НКО № 146 Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб РККА [3, л. 306]. В 1934–1935 гг. планирование обеспечения войск становится функцией общевойсковых штабов, что было связано с консервативным подходом советского командования, подразумевавшим организацию и тотальный контроль штаба над всеми аспектами подготовки и проведения военных операций. Таким образом, командование неминуемо отвлекалось от оперативных задач, непосредственно занимаясь материально-техническим снабжением армии.

Приказом НКО № 098 от 9 июня 1937 г. в целях «повышения качества мобилизационно-плановой работы по материальному обеспечению РККА» было предписано реорганизовать 5-й отдел Генерального штаба РККА и расформировать мобилизационно-плановый отдел Главного управления вооружения и технического снабжения, личный состав которого обратить на укомплектование 5-го отдела Генерального штаба РККА. Преобразование было вызвано необходимостью в том, чтобы 5-й отдел Генерального штаба стал единым органом по проработке вопросов снабжения вооружением и материально-технического снабжения РККА. Летом 1940 г. была проведена очередная реорганизация органов военного управления: Приказом НКО № 0037 от 26 июля 1940 г. утверждена новая структура НКО СССР [4, л. 7–8], приказом НКО № 0038 от того же числа реорганизован Генеральный штаб [4, л. 9–9об.].

Главное Управление Красной Армии, образованное по приказу НКО № 0156 от 11 октября 1939 г., вошло в состав Генерального штаба [4, л. 6–8]. На основе него, а также отделов вооружений и планирования снабжения в структуре Генштаба образовано Управление устройства и тыла и снабжения.

Следует отметить, что на протяжении 1930-х годов функциями войсковой мобилизации, как и тесным образом связанными с ними вопросами снабжения, ведали в разные периоды различные органы:

1) в Штабе (с 1935 г. в Генштабе РККА): организационное, мобилизационное, организационно-мобилизационное управления; материально-плановый отдел (5-й отдел; управление устройства тыла и снабжения РККА);

2) находившиеся в непосредственном подчинении Наркомата обороны ГУРККА (впоследствии ГУКА) и административно-мобилизационное управление.

Принятые к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. меры по реконструкции армии и тыла не носили исчерпывающий характер. Как видно из изложенного выше, тыловые структуры не имели централизованного органа управления и были разрознены по ведомствам.

Снабжение армии обозно-вещевым имуществом напрямую зависело от организации тыла в целом. Представляется возможным наметить следующие функции органов обозно-вещевого снабжения: своевременное снабжение войск обозно-вещевым имуществом; наиболее полное использование местных средств для указанных целей; исправное содержание и своевременное пополнение возимых и носимых запасов имущества, правильное содержание и своевременная починка обозно-вещевого имущества.

Схема обозно-вещевого снабжения РККА, принятая руководством в 1920-х — начале 1930-х годов, включавшая в себя звенья центр – округ – полк – красноармеец, в условиях мирного времени давала положительные результаты [5, с. 53–59]. Было ускорено продвижение предметов снабжения к войскам, сокращены лишние перевозки, перегрузки имущества и накладные расходы, обеспечивалось развитие самостоятельности и хозяйственной инициативы в частях. Указанные мероприятия приносили значительную экономию в расходовании бюджетных средств. Однако подобный порядок снабжения обозным и вещевым имуществом имел отрицательные стороны. Командиры корпусов и дивизий не участвовали в распределении ресурсов и не были достаточно осведомлены об обеспеченности подчиненных им частей.

Дальнейшая реструктуризация службы обозно-вещевого снабжения была самым тесным образом связана с начавшейся технической реконструкцией Красной Армии.

14 августа 1935 г. издан Приказ НКО СССР № 0145, которым было предписано перестроить обозно-вещевое и продовольственное снабжение РККА [6, л. 96–97]. Приказом НКО № 0189 от 28 сентября 1935 г. было объявлено Постановление ВЦИК и СНК об изменении Положений об НКО и об Управлении военного округа [7, л. 503]. По своей сути текст приказа дублировал текст нововведенного Положения об Управлении обозно-вещевого снабжения.

На данном этапе следует отметить значительное расширение полномочий руководящих органов по управлению обозным и вещевым снабжением РККА [8, с. 158–167]. По мнению автора, постепенное расширение полномочий было неизбежно в целях адаптации системы снабжения РККА к условиям воен-

ного времени. Кроме того, с указанного момента берет начало процесс организации снабжения РККА через общевойсковые штабы. В рамках предшествующей схемы снабжения командование РККА не могло полноценно контролировать снабжение армии обозным и вещевым имуществом, что наглядно продемонстрировали результаты проводимых ревизий.

Штаты Управления обозно-вещевого снабжения РККА (УОВС РККА) во второй половине 1930-х гг. претерпевали изменения, активно разрабатывались вопросы функционирования и штаты складов, мастерских и банно-прачечных учреждений РККА на мирное и военное время. Приказом № 95 от 14 мая 1936 г. было введено в действие Положение об окружных обозно-вещевых складах РККА, согласно которому для хранения имущества неприкосновенного запаса в соединениях и воинских частях организовывались специальные склады, подконтрольные окружным военным советам. Немалое внимание во второй половине 1930-х годов было уделено ремонту обозного и вещевого имущества. В марте 1940 г. в составе Управления вещевого снабжения был создан ремонтный отдел, а в вещевых отделах интендантских управлений военных округов — ремонтные отделения.

В 1935–1939 гг. начали функционировать механизированные дивизионные походные автомастерские для среднего ремонта обуви (ПОРАМ), обоза (ПОРЕМ) (армейские) и шорно-седельных изделий (ШОРСАМ). Однако к началу Великой Отечественной войны ими удалось обеспечить ими от 30 до 60 % мобилизационной потребности.

Приказом НКО СССР № 0156 от 11 октября 1939 г. во исполнение постановления СНК СССР от 5 октября 1939 г. было образовано Управление начальника снабжений РККА (УНС РККА), Приказом НКО № 0167 от 23 октября 1939 г. было объявлено временное положение об Управлении начальника снабжений РККА, по которому оно являлось центральным органом НКО СССР, объединяющим деятельность соответствующих управлений по руководству военно-хозяйственным снабжением, квартирным довольствием и торговлей в Красной Армии [9, л. 205].

Изменения в структуре центральных органов снабжения произошли в конце через некоторое время после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Согласно директиве Главного Управления Красной армии от 26 февраля 1940 г. в целях оптимизации обозного и вещевого снабжения армии с 1 марта Управление Обозно-вещевого снабжения РККА было разукрупнено и образовано два самостоятельных управления: Управление вещевого снабжения Красной армии (УВС), Управление обозно-хозяйственного снабжения Красной армии (УОХС). При этом Управление обозно-вещевого снабжения РККА ликвидировано [10, л. 180].

Аналогичные изменения в структуре произошли и на окружном уровне. На уровне корпусов и дивизий остались отделы обозно-вещевого снабжения. Приказом НКО СССР № 0157 от 22 июля 1940 г. Управление начальника снабжений Красной армии переименовано в Главное интендантское управление Красной Армии (ГИУ) [11, л. 31–32].

Создание ГИУ наиболее соответствовало задачам снабжения и бытового обслуживания, в отличие от изначально созданного Управления начальника снабжений, который обладал весьма ограниченными полномочиями.

Влияние на изменения в области организации снабжения в целом и обозно-вещевого снабжения в частности оказали вооруженные конфликты 1938–1939 гг. и Советско-финляндская война 1939–1940 гг. [12, с. 7]. По мнению автора, они были вызваны наращиванием темпов производства, необходимостью сделать систему снабжения в период войны более гибкой, и связанным с этим расширением круга полномочий Главного интенданта. В отличие от Начальника Управления снабжения Главному интенданту было разрешено издавать циркулярные и директивные указания, связанные с многосторонним процессом материально-технического обеспечения армии. Кроме того, сказывалась необходимость централизации управления материально-техническим обеспечением, которую, вступив в должность, начал проводить в жизнь А.В. Хрулев.

Изменения в структуре органов обозно-вещевого снабжения в 1935 — начале 1941 г. носили корректирующий характер, способствующий оптимальной реализации принятой в 1935 г. схемы снабжения армии. Схема обозно-вещевого снабжения Красной Армии не была достаточным образом проработана к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Организационные вопросы обозно-вещевого снабжения в период с 1935 по 1941 г. налаживалась путем проб и ошибок, при этом к началу 1941 г. существенных изменений система снабжения не претерпела [12, с. 292].

При имевших место трудностях обозно-вещевого снабжения в период «Зимней войны» 1939–1940 гг. необходимо отметить приобретение руководящими и снабженческими органами Красной Армии ценного опыта в снабжении армии обозным и вещевым имуществом [13, с. 167–179]. Факт извлечения этого опыта подтверждается на основании документальных материалов УНС РККА, ГИУ РККА, УВС РККА, УОХС РККА, и, в первую очередь, НКО СССР, сохранившихся в Российском государственном военном архиве.

На протяжении 1940 — начала 1941 г. решение насущных вопросов обозно-вещевого снабжения, а также проблем, продиктованных опытом «Зимней войны», осуществлялось центральным аппаратом РККА в рабочем порядке и регламентировалась приказами НКО СССР. Проблема необеспеченности действующих армий обозно-вещевым имуществом в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в документах руководящих органов, составленных после проведения военной кампании, затрагивалась в небольшой степени. Однако были выдвинуты и проведены в жизнь предложения о реорганизации структуры органов военно-хозяйственного снабжения. В течение 1940 г. предпринимались попытки совершенствования принятой секретным приказом НКО СССР № 0145 от 1935 г. схемы снабжения центр – округ – дивизия – полк – красноармеец. Отрабатывались функции дивизионного звена, показавшего свою слабость в начальный период войны с Финляндией из-за отсутствия дивизионных подвижных складов, функции армейского звена.

Продолжали изучаться штаты обзозно-вещевых отделов и складов, вопросы их перегруженности, проблемы хранения имущества, рассматривались возможности организации ремонта на военное время. Осуществлялись попытки совершенствования и приведения в порядок учета [14, л. 351–360]. Следует сказать, что в течение 1940 — начала 1941 г. указанная проблема оставалась нерешенной, как и вопрос несогласованности действий руководящих структур.

Литература

- [1] Бочков Е.А. Развитие системы тылового обеспечения РККА накануне великой отечественной войны // Военная мысль. 2005. № 9. С. 58–67.
- [2] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.4. Оп. 11. Д. 45.
- [3] РГВА. Ф.4. Оп. 12. Д. 71.
- [4] РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 496.
- [5] Бочков Е.А. Обеспечение РККА вещевым и обзозным имуществом в первой половине 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2005. № 6. С. 53–59.
- [6] РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 406.
- [7] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 47.
- [8] [8] Бочков Е.А. Реорганизация обзозно-вещевого и продовольственного снабжения РККА // Исторический архив. 2006. № 1. С. 158–167.
- [9] РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 456.
- [10] РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 406.
- [11] [РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 60.
- [12] Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940 / Под общ. ред. В.А. Золотарева. СПб., 2002.
- [13] Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и Финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). М., 1999.
- [14] РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 163.

УДК 355.94(4/9)

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА США В 2002–2017 гг.: ОТ ДЕНОНСАЦИИ ДОГОВОРА К ГЛОБАЛЬНОМУ ПРИСУТСТВИЮ

А.А. Кузнецов

Аннотация. Показана эволюция противоракетной обороны США с точки зрения ее геополитические последствия. В работе отражены концептуальные подходы различных американских администраций, учитывая единое стремление, к глобальному присутствию в ключевых регионах мира.

Ключевые слова: противоракетная оборона США; поэтапный адаптированный подход

Abstract. The article reveals the evolution of us missile defense in terms of its geopolitical consequences. The paper reflects the conceptual approaches of various American administrations, taking into account the common desire for a global presence in key regions of the world.

Keywords: missile defense; phased adaptive approach

Географическая особенность лидирующей державы начала XXI века заключается в ее отдалении от потенциальных противников океанами. С учетом этого становится ясно, основная опасность для США исходит от ракет, способных поразить ее территорию. В связи с этим противоракетная оборона (ПРО) находится в списке национальных приоритетов этой страны. Современные технологии позволили изменить отношение к перехвату баллистических ракет, и США расторгли 13 июня 2002 г. Договор об ограничении систем противоракетной обороны между США и СССР от 1972 г. (Договор по ПРО).

Практическое воплощение ПРО началось на следующий день. К строительству первых противоракетных комплексов (ПРК) GBI приступили на Аляске, запланировав развернуть там 26 объектов этого типа. Еще четыре комплекса того же типа было решено установить в Калифорнии.

Начальный этап системы ПРО планировалось завершить к сентябрю 2004 г., а затем улучшать ее каждые два года. Для ускорения процесса принятия на вооружение новых систем было решено развертывать их на стадии прототипа.

Планы о выводе системы ПРО за рамки территории США были озвучены в выступлении президента США Дж. Буша-мл. в декабре 2002 г. В нем было подчеркнуто, что она будет защищать кроме своей страны еще и территорию союзников и дружественных государств, не исключив возможности размещения на их пространстве элементов этой системы. Это заявление было оформлено президентской директивой № 23 «Национальная политика США в области противоракетной обороны», где также указывалось, что средства ПРО будут представлять собой космическую, воздушную, морскую и наземные компоненты. Предполагалось, что ее элементы будут способны поражать ракеты на различных участках траектории полета: разгонном, промежуточном и конечном [1].

Наряду с развертываемыми ПРК GBI, предназначенными для перехвата на промежуточном участке траектории, наземную компоненту было решено дополнить мобильными системами Patriot и THAAD для поражения ракет на конечном отрезке их полета. Авиационно-космическим средством перехвата должен был стать комплекс лазерного оружия на базе Boeing-747. Особое внимание было уделено морской составляющей ПРО, поскольку этот тип вооружения мог базироваться в нейтральных водах без принципиального согласия на их размещение.

Администрация Буша-младшего учитывала ПРО как важный политический фактор и проводило ее строительство ускоренными темпами. В конце 2004 г. было объявлено о постановке данного вооружения на боевое дежурство, несмотря на то, что основная часть аппаратного и программного комплекса не была до конца испытана [2].

К завершению 2005 г. на базе Форт-Грили было развернуто 10 ПРК GBI, но с ними происходили технические неполадки. Поэтому первое заявление о полной готовности этого вооружения сделано лишь в июне 2006 г., в связи с заявлением КНДР о пуске баллистической ракеты [3]. К этому времени на двух эсминцах ВМС США была модернизирована система Aegis, которая позволяла решать задачи слежения за северокорейскими ракетами.

Началом работ по созданию глобальной системы ПРО можно считать август 2006 г., когда администрация Буша-мл. заявила о планах по размещению ее элементов в Европе [4]. 20 августа 2008 г. между США и Польшей была заключена договоренность о сотрудничестве в сфере ПРО. Согласно обнародованным данным, Пентагон планировал разместить на территории Польши 10 ПРК GBI, а на территории Чехии (г. Брды) предполагалось разместить РЛС СПРН X-диапазона, демонтировав ее с американского испытательного полигона.

Так в период работы администрации Дж. Буша-мл. была положена основа создания системы ПРО: от подготовки юридической базы до развития вооружения. К моменту прихода к власти новой администрации элементы системы ПРО США достигли существенных успехов и имели достаточно обширную географию размещения.

Заступивший 20 января 2009 г. на пост президента США Б. Обама имел свою точку зрения в отношении ПРО. Уже в первый месяц работы новой администрации было решено урезать ряд оборонных программ. Министр обороны США Р. Гейтс заявил 6 апреля 2009 г. о сокращении комплекса лазерного оружия воздушного базирования. Тем не менее по запросу министерства обороны США было увеличено финансирование эсминцев, оборудованных системой Aegis с противоракетами SM-3 [5]. Несмотря на статус прототипа, они к сентябрю 2009 г. выдержали восемь успешных испытаний, что позволяло рассматривать его в качестве альтернативы противоракетам шахтного базирования [6].

Также достигли успеха разработки в сфере технологий обнаружения и слежения за ракетами противника (в том числе космического базирования), которые превзошли по характеристикам стационарную РЛС, планируемую для размещения в Чехии [7].

Указанные разработки привели к новой архитектуре глобальной системы ПРО США, имевшей выверенный подход по отношению к каждому региону получившей название поэтапный адаптированный подход (ПАП), о чем 17 сентября 2009 г. сообщил американский президент Б. Обама. Среди основных принципов данного развертывания значилась защита от баллистических ракет территории не только США, но и их союзников, а также применение «более гибких комплексов повышенной живучести». Такая концепция строительства ПРО обеспечивала глобальное присутствие сил США во всех ключевых точках земного шара [8].

Первым шагом ПАП стало размещение ПРО в Европе, которое подразумевало проведение ряда мероприятий, структурированных по времени.

На первом этапе в течение последующих двух лет планировалось развернуть ПРК со средствами перехвата SM-3 (модуль IA) на кораблях, оборудованных системой Aegis, а также информационно-разведывательные средства передового базирования сухопутных войск.

На втором этапе, до 2015 г., после испытаний должны быть развернуты противоракеты SM-3 (модуль IB) морского и наземного базирования, а также более усовершенствованные РЛС.

На третьем этапе, до 2018 г., планировалось завершить испытание противоракет SM-3 (модуль ПА) для отражения возможного применения ракет средней дальности.

На четвертом этапе, до 2020 г., предполагалось после окончания разработки развернуть противоракеты SM-3 (модуль ПВ), которые могли бы перехватить ракеты средней дальности, а в перспективе и МБР [8].

Реализация данного подхода должна была усилить существующие элементы ПРО на территории США. При этом ПАП имел гибкую архитектуру и не исключал возможность дополнения наземными средствами ПРО в Европе, изменив при этом структуру, предлагаемую администрацией Буша-младшего.

США не собирались останавливаться на защите своей страны и территории союзников и партнеров, о чем сообщалось в «Обзоре по противоракетной обороне» (Обзор по ПРО). Так, в этом докладе говорилось о намерении «возглавить и направить все международные усилия по созданию и расширению систем ПРО» [9].

Региональное размещение противоракетных средств, создавалось для возможности осуществления так называемого «раннего перехвата» на начальном участке траектории полета ракеты. При этом в случае промаха на ранней стадии, имелась возможность дополнительного перехвата баллистической ракеты на конечном участке траектории. В свою очередь, средства ПРО должны были обладать способностью к транспортированию и могли бы перемещаться в соответствии с национальными интересами США, что позволяло быстро наращивать противоракетный потенциал в любом регионе мира в случае кризисной ситуации [9, p. vi, 21, 23].

Вместе с тем Обзор по ПРО предусматривал «не допускать договорных ограничений возможностей американских средств и систем ПРО» [9, p. 35]. В подтверждение этого 3 июля 2010 г. между США и Польшей был подписан дополнительный протокол к подписанному ранее этими странами соглашению о ПРО от 20 августа 2008 г. [10]. Основным отличием от существующего договора, стал иной тип ПРК. Теперь вместо шахтных GBI, было решено разместить Aegis Ashore, контейнерного типа.

Продолжением развития ПАП в Европе стал первый корабль ВМС США, оснащенный системой Aegis и противоракетами SM-3, который заступил в марте 2011 г. на боевое дежурство в акватории Средиземного моря [11]. Для увеличения его эффективности 2 сентября 2011 г. США подписали договор об установке в Турции мобильной РЛС AN/TPY-2. Данная система должна была работать и в интересах ПРК Aegis Ashore, согласно договору между США и Румынией от 13 сентября 2011 г. [12].

5 октября 2011 г. было принято решение о размещении на территории Испании четырех американских эсминцев, оснащенных системой Aegis с противоракетами «SM-3». Признавая важность укрепления военно-морского потенциала в Средиземноморском бассейне и Атлантическом океане, американский министр обороны Л. Паннетта заявил, что достигнутое соглашение

позволит осуществлять поддержку Африканскому командованию и Объединенному Центральному командованию США [13].

Вместе с тем администрация Обамы осуществляла ПАП в Восточной Азии и на Ближнем Востоке. В данных регионах планировалось учесть уникальные факторы уже существующих национальных систем ПРО в странах союзников и партнеров США [14].

На территории Ближнего Востока американское взаимодействие в данной области осуществлялось совместно с Советом по сотрудничеству в Персидском заливе (ССАГПЗ) и двусторонних отношений с Израилем. Именно с этой страной США осуществляло активное взаимодействие в сфере разработки СПРН и ПРК Аггов-3, «Кела Давид» (Праща Давида) [15]. Израильские средства ПРО проходили интеграцию в единую систему боевого управления с подобным вооружением США. К тому же Израиль выступал полигоном для испытания противоракетных способностей в реальных условиях, например, в ходе разработки новых поколений ЗРК Patriot.

Собственно, этот тип вооружения дополнял ПРО шести стран, составляющих ССАГПЗ ближневосточного района, с которыми США улучшали архитектуру региональной системы защиты от баллистических ракет. Одной из задач создаваемой структуры была защита нефтегазовых месторождений и инфраструктуры стран Персидского залива.

Достаточно устойчивые двусторонние отношения в сфере ПРО сложились у США со странами АТР: Австралией, Республикой Кореей, Тайванем и Японией. В регионе располагались эсминцы, оборудованные американской боевой информационно-управляющей системой Aegis и противоракетами SM-3, несколько батарей ЗРК Patriot и РЛС СПРН, передающие сведения о пуске баллистических ракет в США. Эти страны выполняли для американского военно-промышленного комплекса ряд совместных проектов, например, Япония разрабатывала: программное обеспечение для американской системы ПРО, системы обнаружения ракетных пусков и элементы ракет-перехватчиков семейства SM-3.

Усиление присутствия в АТР соответствовало доктринальным установкам США. Учитывая это, после формирования второй администрации Обамы министр обороны США Ч. Хейгл объявил 15 марта 2013 г. об изменении противоракетной архитектуры. Было решено дополнительно развернуть 14 ПРК GBI на Аляске, после чего, количество противоракет данного типа увеличится с 30 до 44 единиц¹² [16], усилив их мобильной РЛС в Японии. Такие меры заставили перераспределить финансирование, отложив на некоторое время развертывание SM-3 (модуль ПВ) в Европе, но не отказавшись от проекта [17].

¹² Проверка управлением бюджетной отчетности ПРК GBI, проведенная в феврале 2016 г. выявила, что они не способны осуществить надлежащую защиту в случае нанесения ракетного удара со стороны КНДР и Ирана. Проверяющие исходили из того, что лишь половина учебных перехватов оказалась успешной (четыре из восьми).

Согласно дальнейшему плану строительства ПРО в Европе, 28 октября 2013 г. была проведена торжественная церемония закладки американского объекта в Румынии [18]. А 11 февраля 2014 г. в Испанию прибыл первый эсминец, оборудованный системой Aegis с противоракетами SM-3. Планы по развертыванию в Европе противоракетных сил морского базирования завершились 25 сентября 2015 г., когда в эту страну пришел четвертый эсминец.

Вскоре состоялось открытие противоракетной базы в Румынии, прошедшая 12 мая 2016 г. [19]. Событие было широко освещено в СМИ. При этом говорить об оперативной готовности базы было преждевременно, поскольку румынский ПРК Aegis Ashore не имел единой системы управления с другими элементами ПРО НАТО [20].

Усиливая значимость произошедшего, на следующий день 13 мая 2016 г. в Польше был заложен следующий объект американской ПРО в Европе. Специально для этой базы министерство обороны США заказало у компании Raytheon разработку противоракеты SM-3 модели ПА. Как сообщалось, данная модификация имела улучшенные характеристики перехвата и более точную систему самонаведения. Технологии, использованные в SM-3 ПА, будут применяться для ПРК ранних моделей [21].

Тем временем шли переговоры по размещению в Республике Корея американского ПРК THAAD. Это вооружение перемещалось в район Корейского полуострова как ответная мера на ядерные испытания, проведенные КНДР в начале 2016 г. Опираясь на эти события, администрация Обамы подчеркнула важность ПАП во всех регионах мира, сообщив 8 июля 2016 г. о развертывании в Южной Корее ПРК THAAD [22].

Таким образом, 45-му президенту США Д. Трампу достались достаточно хорошо развитая сеть элементов ПРО. При этом противоракетный перехват в ходе испытаний показал достаточно скудный результат. По мнению автора, развитие глобальной американской системы ПРО — это прибыль от инвестиций в рекламу угроз возможного ракетного удара. Учитывая, что нынешней глава Белого дома — опытный бизнесмен, он построит успешную модель продаж этого вооружения. На данный момент, тиражируя угрозу со стороны КНДР, администрация Трампа получает прибыль с АТР, оставляя за собой право использовать автоматизированную систему управления ПРО по своему усмотрению. Также США пользуются научно-техническим заделом государств-союзников для усовершенствования системы ПРО.

С геополитической точки зрения удалось создать противоракетную архитектуру, при которой США присутствует во всех основных регионах мира. Вместе с тем, страны, разместившие на своей территории американское вооружение, ставились в зависимость от него, так как эти объекты становятся приоритетными целями для поражения. Причем угрозы, от которых призвана защищать система ПРО, зачастую надуманы.

Такой подход, с одной стороны, способствует чувству защищенности союзников и партнеров США, а с другой — заставляет потенциальных противников наращивать ракетно-ядерный потенциал до уровня, превосходящего

существующие элементы американской системы ПРО. Так, Китай не согласится на прекращение наращивания своего ядерного потенциала, если США не перестанут усиливать средства ПРО в Тихоокеанском регионе. Исходя из этого, Индия, являясь оппонентом Китая в борьбе за лидерство в регионе, будет увеличивать количество и качество своего ядерного арсенала. Эти события создадут предпосылки для наращивания и диверсификации ядерных вооружений Пакистана, который является лидером в данной области среди мусульманских стран. К тому же в ближайшей перспективе Пакистан может передать свои ядерные технологии Саудовской Аравии. Факт развития ядерной программы в исламских государствах заставит Израиль совершенствовать свое ядерное вооружение. Налицо зависимость распространения ядерного оружия от развития глобального присутствия американских элементов ПРО.

Естественно, что при очередном наращивании ракетных вооружений, возрастет потребность в средствах противодействия им. Таким образом, процесс наращивания системы ПРО США будет продолжаться, расширяя свою географию и прирастая все большими технологиями.

Литература

- [1] National Security Presidential Directive № 23 “National Policy on Ballistic Missile Defense” 2002. December 16. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (accessed 12.02.2018).
- [2] Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., 2012. С. 109.
- [3] Updated List of Claims about GMD Effectiveness. URL: <http://mostlymissiledefense.com/2014/01/16/updated-list-of-claims-about-gmd-effectiveness-january-16-2014/>.
- [4] U.S. Plans to Propose Missile Defense Site in Europe // The Washington Post. 2006. August 16.
- [5] Ballistic Missile Defense Review Report, Washington. Department of Defense. 2010. February. P. 40–41.
- [6] *Gates R.* A Better Missile Defense for a Safer Europe // The New York Times. 2009. Sept. 19.
- [7] *Геймс Р.* Мемуары министра войны / Пер. с англ. В. Жельникова. М. 2014. С. 539
- [8] Информационный бюллетень о политике США в области противоракетной обороны «Поэтапный адаптивный подход» к противоракетной обороне в Европе // Белый дом. 2009. 17 сентября.
- [9] Ballistic Missile Defense Review Report. Washington. Department of Defense. 2010. February. P. IV.
- [10] United States European Phased Adaptive Approach (EPAA) and NATO Missile Defense // U.S. State Department. Bureau of Arms Control, Verification, and Compliance. 2011. May 3. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/162447.htm> (accessed 10.02.2018).
- [11] *Козин В.П.* «Иджис» – прямая угроза России // Национальная оборона. 2016. № 9.
- [12] Ballistic Missile Defense Agreement Between the United States of America and Romania. Fact Sheet // U.S. Department of State. Office of the Spokesperson for Immediate Release. 2011. September 13. URL: <http://photos.state.gov/libraries/romania/231771/PDFs/FactSheet-BMDA-EN.pdf> (accessed 12.02.2018).
- [13] *Rasmussen A., Zapatero L., Panetta L.* Announcement on Missile Defence Cooperation // North Atlantic Treaty Organization. 2011. October 5. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_78838.htm (accessed 12.02.2018).

- [14] *Rose F.* Strengthening International Missile Defense Cooperation // Keynote Speech at the 2011 Multinational BMD Conference. 2011. September 5. Copenhagen, Denmark. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/171693.htm> (accessed 12.02.2018).
- [15] *Клинтон Х.* Тяжелые времена / пер. с англ. К.А. Мовчан. М., 2016. С. 540
- [16] *Коротиков М.* Противоракетная оборона США оставляет желать лучшего // Коммерсантъ 2016. 18 февраля.
- [17] *Weitz R.* Global Insights: Russia's Putin Should Seize U.S. Shift on BMD // World Politics Review. 2013. March 19.
- [18] Заместитель генерального секретаря принимает участие в церемонии начала строительства комплекса ПРО в Румынии // Организация Североатлантического договора. 2013. 28 октября. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_104549.htm (дата обращения 12.02.2018).
- [19] *Kramer A.* Russia Calls New U.S. Missile Defense System a 'Direct Threat' // The New York Times. 2016. May 12.
- [20] *Ионицэ Г.* Девеселу: Восток и Запад, PR & Business // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2016. № 3. С. 14.
- [21] *Osborn K.* Get Ready, Russia and Iran: America Wants to Kill Nuclear Missiles in Space // The National Interest. 2016. May 28.
- [22] Seongju Confirmed as Site for THAAD // The Korea Times. 2016. July 13.

УДК 335.483

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (К 75-ЛЕТИЮ КУРСКОЙ БИТВЫ)

С.Я. Лавренов

Аннотация. Рассмотрены особенности оперативно-стратегической обстановки, сложившиеся на южном крыле советско-германского фронта после Сталинградской битвы, вынудившие противоборствующие стороны перейти к временной обороне с целью пополнения сил и средств для решающей схватки на Курской дуге за овладение стратегической инициативой, а также ряд проблемных аспектов этого величайшего сражения.

Ключевые слова: Курская дуга, планы противоборствующих сторон, новое оружие Гитлера, глубоко эшелонированная оборона, контрнаступление

Abstract. The article discusses the features of operational-strategic situation prevailing on the southern flank of the Soviet-German front following the battle of Stalingrad, which led warring parties to go to the defence in order to increase the force and means for the decisive bout at Kursk for mastering strategic initiative, as well as a number of problematic aspects of this great battle.

Keywords: Kurskaya Duga, plans of warring parties, Hitler's new weapon, deeply layered defence, counteroffensive

Сталинградская битва положила начало коренному перелому в войне, его завершение связано с Курской битвой (5 июля — 23 августа 1943 г.), которая по своим масштабам, участвовавшим силам и средствам, ожесточенности, результатам и военно-политическим последствиям стала одним из решающих сражений не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой вой-

ны. В ходе Курской битвы стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования.

Признанием этого неоспоримого факта стало то, что освобожденные в рамках этой операции города Белгород, Курск и Орел стали первыми, которым было присвоено почетное звание «Город воинской славы». Сражение на Курской дуге включало, помимо Курской стратегической оборонительной операции (5–23 июля), Орловскую (12 июля — 18 августа) и Белгород-Харьковскую (3–23 августа) стратегические наступательные операции. Уже в постсоветской России 23 августа в 1995 г. был объявлен Днем воинской славы России.

Впечатляющий успех Сталинградского сражения не привел, как предполагалось, к утрате немецким командованием стратегической инициативы. В Ставке ВГК не сразу оценили этот факт. Под впечатлением огромного успеха под Сталинградом советское командование было намерено развивать крупные наступательные операции.

26 января 1943 г. Ставка ВГК в директиве войскам констатировала: «Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает противника вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции кавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, кавказской и черноморской группировки противника» [1, с. 507].

В конце января 1943 г. войска Юго-Западного (командующий — генерал Н.Ф. Ватутин) и Южного (командующий — генерал А.И. Еременко) фронтов, преследуя отходившие части врага, подошли к промышленному центру Украины — Донбассу. Н.Ф. Ватутин был уверен, что ему удастся в короткие сроки разгромить донбасскую группировку противника и организовать стремительное преследование отходившего врага вплоть до Днепра.

В свою очередь, Южный фронт после освобождения Ростова и Новочеркасска, развивая наступление на запад вдоль побережья Азовского моря, готовился во взаимодействии с соединениями Юго-Западного фронта очистить от фашистских войск юго-восточные районы Донбасса. Воронежский фронт (командующий — генерал Ф.И. Голиков), успешно проведя в январе 1943 г. Острогожско-Россошанскую операцию, намеревался во взаимодействии с Брянским фронтом провести Воронежско-Касторненскую операцию и, в случае ее успеха, Харьковскую наступательную операцию. Первоначально события, как казалось, развивались согласно задуманному. Так, Воронежскому фронту 16 февраля удалось освободить крупный промышленный центр Харьков, что стало еще одной серьезной победой советского оружия.

Однако, вопреки расчетам советского командования, немецкое командование не собиралось отводить свои войска за Днепр, намереваясь любой ценой удержать Донбасс. Окончательное решение о контрнаступлении было принято на специальном совещании, проходившем под руководством Гитлера в Запорожье 19 февраля. Перед командующим группой армий «Юг» (созданной на базе групп армий «Б» и «Дон») Э. фон Манштейном ставилась задача нанести мощный удар против сил Юго-Западного и Воронежского фронтов. Разгромив правое крыло Юго-Западного фронта силами трех танковых корпусов, Манштейн после перегруппировки сил, планировал обрушиться на войска Воронежского фронта, овладеть Харьковом и Белгородом, после чего развернуть наступление на Курск с юга. С севера в направлении Курска должна была наступать 2-я танковая армия группы армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Г. Клюге). Реализация задуманного должна была привести к окружению и разгрому основных сил двух советских фронтов, Воронежского и Центрального. Таким образом немецкое командование собиралось взять реванш за только что понесенное унижительное поражение под Сталинградом.

Советской разведке не удалось своевременно вскрыть замысел немецкого командования. Соответственно, советское командование (в частности, Юго-Западного фронта) по-прежнему было уверено, что немцы намерены эвакуироваться с территории Донецкого бассейна. Как следствие, командование Юго-Западного фронта, несмотря на сильную усталость войск, растянутые коммуникации, проблемы со снабжением и отсутствие резервов рассчитывало окружить донбасскую группировку противника еще до начала весенней распутицы [1, с. 509]. В конечном счете это привело к серьезным поражениям правого крыла Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, утрате Харькова и Белгорода, ряда других городов и населенных пунктов.

Фронт удалось переломить лишь после того, как разрыв между 40-й и 69-й армиями Воронежского фронта был закрыт свежей, выделенной из стратегического резерва 21-й армии. Немецкому командованию не удалось, как это не раз происходило ранее, реализовать амбициозный план по окружению советских войск в районе Харькова, а также взять Курск. Отличительной чертой образовавшейся после ожесточенных боев в феврале-марте 1943 г. оперативно-стратегической конфигурации являлся так называемый Курский выступ, или дуга. Достигавшая в глубину до 150 км и 200 км в ширину, Курская дуга, огибая Белгород, опиралась на населенные пункты Сумы, Дмитриев-Льговский, Ольховатку и др. Обе стороны, взяв оперативную паузу, готовились к решающей схватке.

Если немецкая сторона была полна решимости сохранить за собой стратегическую инициативу, то советское командование — во что бы то ни стало планировало вырвать ее. Это предопределило трудный для обеих сторон выбор дальнейших действий. Главным для обеих сторон являлся вопрос: перейти ли временно к обороне или, проведя перегруппировку сил без длительной оперативной паузы, продолжить наступательные действия, не позволяя про-

тивнику собраться с силами. Сторонником решительного наступления был командующий группы армий «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн, считавший, что попытка удерживать неподвижную линию обороны на Восточном фронте обречена на провал [6, с. 486–487]. Однако у Манштейна нашлись серьезные оппоненты. Одним из них был командующий 9-й армией группы армий «Центр» генерал-полковник В. Модель, который в своем докладе в ставке фюрера (3 мая 1943 г.) оспорил возможность начала операции «Цитадель» в намечаемый срок, т. е. до конца мая. Главным аргументом В. Моделя были данные разведки относительно серьезных оборонительных возможностей советского Центрального фронта, против которого предстояло наступать его армии. Доклад Моделя произвел сильное впечатление на Гитлера, решившего в итоге сдвинуть срок начала операции «Цитадель» на месяц [10, с. 152].

Это решение Гитлера впоследствии станет одним из наиболее критикуемых. Переноса срок начала наступления, немецкое командование должно было понимать, что подкрепления одновременно с немецкими армиями будут получать и советские войска. И действительно, как выяснилось впоследствии, советские войска смогли нарастить свои силы в значительно больших размерах, чем немецкие, добившись к началу Курской битвы ощутимого перевеса в соотношении сил¹³.

Главную ставку в предстоящей операции немецкое командование делало на новейшую бронетехнику, которая должна была сокрушить советскую оборону. Стремление Гитлера насытить наступательные группировки новейшим оружием стало еще одной из причин переноса сроков наступления. Речь шла в первую очередь о тяжелых танках Т-VI «Тигр», среднем танке Т-V «Пантера», тяжелой самоходной артиллерийской установке «Фердинанд» и др. Впервые «Тигры» были применены в боевых условиях 29 августа 1942 г. в боях у станции Мга под Ленинградом, затем в наступательных сражениях в феврале-марте 1943 г. Мощное вооружение (88-мм пушка) и бронирование Т-VI позволяло им эффективно поражать любой из наличных образцов советской танковой техники того периода. Это сыграло значимую роль в больших потерях советских танков в ходе Курской битвы. В Курской битве приняло участие 148 танков «Тигр» (включая 14 командирских машин).

Боевым дебютом Курская битва стала для «Пантеры», вооруженной мощной 75-мм танковой пушкой, позволявшей поражать лобовую броню советских танков и САУ. В боях на Курской битве, по различным данным, приняли участие от 190 до 200 «Пантер». Боевое крещение в ходе Курской битвы приняла также тяжелая самоходная артиллерийская установка «Фердинанд»,

¹³ Если в апреле 1943 г. Центральный фронт насчитывал 538 480 человек, 920 танков, 7860 орудий и 660 самолетов, то в начале июля в распоряжении К.К. Рокоссовского уже было 711 575 человек, 1785 танков и САУ, 12 453 орудия и 1050 самолетов. В целом соотношение сил между 9-й армией Моделя и фронтом Рокоссовского перед началом Курской битвы по сравнению с маем 1943 г. не улучшилось, а даже ухудшилось.

с усиленной броневой защитой, вооруженная 88-мм пушкой. В сражениях на Курской дуге приняли участие 90 «Фердинандов».

Помимо 348 танков и самоходок новых типов в Курской битве приняли участие также модернизированные штурмовые орудия Штурмгешютц III с 80-мм лобовым бронированием и бортовыми экранами, защищавшими от кумулятивных боеприпасов и пуль противотанковых ружей, вооруженных 75-мм длинноствольным орудием и пулеметом. Однако в целом в танковом парке вермахта преобладали образцы устаревших танков (Т-III, Т-IV и др.) и даже трофейные танки. В силу немногочисленности¹⁴ новым танкам и САУ предназначалась роль так называемого вооружения качественного усиления. Это означало, что они должны были использоваться исключительно на направлениях главных ударов.

Однако фактором, с самого начала снизившим пробивную силу немецких танковых сил, стали противотанковые поля высокой плотности, установленными советскими войсками на танкоопасных направлениях. В массовом количестве противотанковые мины стали поступать в инженерные части фронтов со второй половины мая 1943 г.

Сложно решался вопрос о характере дальнейших действий и советским командованием, несмотря на то, что уже в конце апреля 1943 г. в Москве были в общих чертах осведомлены о планах немецкого командования, благодаря перехваченной радиограммы М. Вейхса, временно исполнявшего обязанности командующего группой армий «Юг» вместо Майнштейна. В датированной 25 апреля 1943 г. радиограмме в ОКХ и Отдел изучения армий «Восток» Вейхс давал оценку противостоявшим группе армий «Юг» войскам Красной Армии. Анализ этой оценки позволял в целом выявить замысел операции «Цитадель» — нанесение мощных ударов с севера и юга по Курскому выступу¹⁵. Осведомленность о замысле операции позволяла заблаговременно построить глубоко эшелонированную оборону, способную парировать наступательные усилия немцев. Эта редкая, не повторявшаяся возможность обусловила во многом уникальный характер Курской битвы [8, с. 213].

Несмотря на это И.В. Сталин не торопился с принятием решения. Г.К. Жуков свидетельствует: «Верховный сам все еще колебался — встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар. И.В. Сталин говорил, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 гг. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступа-

¹⁴ Новая танковая техника («Тигры», «Фердинанды» и «Пантеры») составляла 16,8 % общей численности немецкого танкового вооружения, принявшей участие в операции «Цитадель».

¹⁵ Радиограмма была перехвачена и расшифрована англичанами, содержание документа было передано советской разведке одним из членов разведывательной группы, работавшей в Англии («кембриджской» пятерки) — Джоном Кернкроссом.

тельными действиями. Это колебание продолжалось, как я помню, почти до середины мая» [4, с. 143].

Итоговое решение было принято на совещании в Ставке 12 апреля 1943 г. Общий замысел советского командования заключался в создании глубоко эшелонированной (из восьми рубежей) обороны на наиболее вероятных участках наступления немцев — на северном и южном фасах курского выступа. В ходе оборонительного сражения предполагалось измотать войска неприятеля, нанести им поражение, проведя в нужный момент контрудары, а затем перейти к контрнаступательным операциям. Войска Центрального фронта (командующий — генерал армии К.К. Рокоссовский) должны были оборонять северный фас Курского выступа, войска Воронежского фронта (командующий — генерал армии Н.Ф. Ватутин) — южный. Стратегическим резервом являлся Степной фронт (командующий — генерал-полковник И.С. Конев).

Основным боевым танком Красной Армии (70 % всех танков, участвовавших в Курской битве) по-прежнему являлся Т-34-76, вооруженный пушкой 76-мм пушкой и имевшей лобовую броню в 45 мм. Советский танковый парк включал также Т-70, вооруженный 45-мм пушкой с лобовой броней в 35 мм (20...25 %); тяжелый танк КВ-1 с 76-мм пушкой, скороходную модификацию КВ-1С. В сражении приняли участие также немногочисленные полученные по ленд-лизу танки «Черчилль», вооруженные 57-мм пушкой. Самоходная артиллерия включала среднюю САУ-122, вооруженную 122-мм гаубицей (84 ед.), и тяжелую САУ СУ-152 со 152-мм гаубицей (24 ед.). Грозным оружием являлась многоствольная установка залпового огня БМ-31.

Значительную роль в выбивании немецких танков могла бы сыграть новейшая 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 [5, с. 15]. Однако к началу оборонительного этапа эта противотанковая пушка только стала поступать в войска. Зато весьма кстати оказались подкалиберные снаряды¹⁶ к 76-мм пушкам, принятым на вооружение весной 1943 г. [2, с. 488].

Осведомленность Москвы, пусть в общих чертах, о замысле немецкого наступления на Курской дуге не избавило советское командование от просчетов в определении главных направлений действий немецких ударных группировок. Г.К. Жуков вспоминал: «Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовали 8 танковых, одна моторизованная дивизии, 2 отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий. В них было до 1500 танков и штурмовых орудий. Танковая группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, насчитывала лишь 1200 танков и штурмовых орудий» [4, с. 147]. Танкоопас-

¹⁶ Подкалиберный снаряд, диаметр которого меньше диаметра ствола, из-за малой массы развивает огромную скорость и, соответственно, повышенную бронепробиваемость; в канале ствола удерживается поддоном.

ные направления на Воронежском фронте (6-я и 7-я армии) отличались большей протяженностью по сравнению с Центральным фронтом. Это вынуждало Н.Ф. Ватутина распределить подчиненные ему войска на широком фронте, что привело к снижению плотности войск.

Оценивая обстановку, Н.Ф. Ватутин пришел к выводу о возможности наступления противника на трех возможных направлениях: из района западнее Белгорода на Обоянь, от Белгорода на Корочу или из района западнее Волчанска на Новый Оскол, причем первые два направления он считал наиболее вероятными для главного удара врага. Соответственно, он сосредоточил свои основные силы в центре и на левом крыле фронта. Однако главный удар немцев пришелся по наименее подготовленной к обороне 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова, расположенной на правом крыле Центрального фронта [10, с. 169].

Несмотря на то что на северном фасе, в полосе Центрального фронта, задача обороняющихся была проще из-за более узкого танкоопасного направления (31 % полосы фронта), командованию фронта также не удалось точно определить направление главного удара противника. К.К. Рокоссовский констатировал в своих мемуарах: «В первый день сражения на нашем фронте отчетливо определилось направление главного удара противника. Основные усилия он направлял не вдоль железной дороги, как это предусматривалось вторым вариантом (предположение) нашего плана обороны, а несколько западнее, на Ольховатку» [9, с. 122]. Речь шла о железной дороге, проходившей через Малоархангельск на Поньри через центр обороны 13-й армии генерала Пухова.

Неопределенность относительно конкретных наступательных планов противника обусловила то, что артиллерийская контрподготовка, проведенная силами двух фронтов, охватила фронт, значительно превышавший реальные полосы наступления немецких корпусов, что не могло не сказаться на ее эффективности [10, с. 172]. Количество боеприпасов, затраченных на контрподготовку, составило 0,25 боекомплекта. Артиллеристы, безусловно, стремились нанести ощутимый урон танкам и пехоте и подавить выявленные батареи противника, однако это удалось не в полной мере.

К началу наступления ударная группировка немцев насчитывала 50 дивизий (из них 18 танковых и моторизованных), 2 танковые бригады, 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий общей численностью, согласно советским источникам, около 900 тыс. человек. Руководство войсками осуществляли генерал-фельдмаршал Г.Х. фон Клюге (группа армий «Центр») и генерал-фельдмаршал Э. Манштейн (группа армий «Юг»). Организационно в ударные силы Центрального фронта входили 2-я танковая, 2-я и 9-я армии, сосредоточенные в районе Орла. Ударные силы группы армий «Юг» включали 4-ю танковую армию, 24-й танковый корпус и оперативную группу «Кемпф» (командующий — генерал Г. Гот), располагавшуюся в районе Белгорода.

Немецкое наступление началось в 5.30 5 июля. Главный удар 9-й немецкой армии генерала В. Моделя на северном фасе был нанесен в направлении

Ольховатки, которую обороняла 13-я армия генерала Н.П. Пухова. Не достигнув здесь ощутимого успеха, немцы оперативно перенесли удар в направлении Поньрей, но также не смогли прорвать советскую оборону, сумев продвинуться на считанные километры.

Это ни в коей мере не дает повод преуменьшать силу удара, нанесенного немцами, который, однако, был выдержан советской обороной, готовившейся на протяжении трех месяцев. Свою роль сыграли и заранее подготовленные контрудары, которые, хотя и не достигли цели по восстановлению прежней линии обороны, но существенно замедлили темп наступления немцев. В частности, 8 июля в результате контрудара противник был отброшен с северной окраины Поньрей. В целом в период с 5 по 11 июля частям 13-й армии совместно с соседней 70-й армией и резервами фронта измотали противника, тем самым сорвав немецкий план окружения советских войск в районе Курска.

Драматический характер в первые дни сражения приняли события на южном фланге, на участке Воронежского фронта. Главный удар сил Майнштейна (часть сил 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф») пришелся по наименее подготовленной к обороне 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова, расположенной на правом крыле Центральном фронте [10, с. 169]. Главный удар наносился в направлении Обоянь, вспомогательный — на Корочу.

На обояньском направлении севернее Белгорода противнику удалось вклиниться в оборону советских войск на глубину до 35 км, а на направлении Короча — 8...10 км. Однако прорвать советскую оборону на всю глубину они здесь также не сумели. Не добившись успеха на обояньском направлении (5–9 июля), немецкое командование сосредоточило свои усилия на Прохоровке, где условия местности позволяли нанести массированный удар по танковым резервам советских войск. После ее взятия Майнштейн намеревался развить наступление по обходному пути на Курск. К 10 июля немецкая ударная группировка была близка к тому, чтобы преодолеть оборонительные рубежи Воронежского фронта и вырваться на оперативный простор. В этих условиях в действие вступил Степной военный округ, преобразованный в Степной фронт (командующий — генерал И.С. Конев) с задачей предотвратить выход немцев в тыл фронта.

Сражение под Прохоровкой (10–16 июля) стало центральным моментом Курской оборонительной операции [3]. Основным ударом на Прохоровку был нанесен 11 июля, в ходе которого немецкой ударной группировке удалось немного потеснить советские войска. Своей кульминации сражение под Прохоровкой достигло 12 июля, когда войска Воронежского фронта, усиленные 5-й гвардейской танковой армией и 5-й гвардейской армией, переданными из резерва Ставки ВГК, нанесли контрудар, имевший целью разгромить наступающую немецкую группировку и лишить ее возможности дальнейшего стратегического наступления на Курск.

Однако немцы, отслеживая развертывание 5-й гвардейской танковой армии, успели заблаговременно подготовиться к ее наступлению, сосредоточив

наиболее боеспособные части 2-го танкового корпуса СС и противотанковой артиллерии на направлении ее удара. Ситуация усугублялась тем, что советские танки были вынуждены идти в лобовую атаку в узком пространственном «коридоре» шириной 4...5 километров, натолкнувшись при этом на плотный огонь немецких противотанковых батарей из засад, а также части танков, перешедших к временной обороне. 88-мм пушка «Тигра» поражала Т-34 на расстоянии до двух километров, 75-мм пушка среднего Т-IV — до 1,5 км. Советским же тридцатьчетверкам для того, чтобы поразить немецкие танки, необходимо было приблизиться на дистанцию до 500...600 м. Это ставило советские танки в заведомо невыгодное положение [7, с. 148].

5-я гвардейская танковая армия несла большие потери. По данным В. Замулина, из 642 единиц бронетехники 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова (всего в строю на указанный день в этой армии было 808 ед. бронетехники), принявших участие в боевых действиях под Прохоровкой 12 июля 1943 г., 340 попали в графу «потери». Из них 194 сгорели, 146 подбито. Потери — 53 % от принявших участие в сражении только за один день [3, с. 24].

Несмотря на столь существенные потери, советским танкистам удалось вклиниться на отдельных участках в немецкую оборону. Несмотря на то, что основная цель контрудара по разгрому немецкой ударной группировки достигнута не была, продвижение соединений 2-го танкового корпуса СС под Прохоровкой было остановлено, немцам не удалось прорваться в тыл нашим войскам и выйти на оперативный простор.

К 13 июля немецкие войска, значительно обескровленные в ходе неудавшегося стратегического наступления на Курск с южного направления, перешли к обороне, за исключением полосы 69-й армии, где силами двух танковых корпусов предприняли последнюю попытку окружить основные силы армии. 15 июля противник, исчерпав свои наступательные возможности, был вынужден перейти к обороне, а уже 18 июля по распоряжению Ставки ВГК началось общее контр наступление Степного и Воронежского фронтов сначала с целью ликвидации вклинившихся войск противника, а затем разгрома всей белгородско-харьковской группировки немцев. К исходу 23 июля советские войска в основном вышли на рубеж, который они занимали до перехода немцев в наступление. 17 августа 1943 г. армии Степного фронта подошли к Харькову, завязав сражение на его окраинах.

Важную роль в овладении стратегической инициативой в ходе Курской битвы сыграли Миусская (17 июля — 2 августа 1943 г.) и Изюм-Барвенковская (17–27 июля 1943 г.) наступательные операции, организованные, соответственно, Юго-Западным и Южным фронтами, которые не только сковали значительные силы немцев, но и вынудили немецкое командование перебрасывать войска с Курской дуги на угрожаемые направления.

В этой связи утверждение Э. Майнштейна (позже подхваченное западной историографией) о том, что прервать Курское сражение Гитлера вынудила Сицилийская операция союзников (9 июля — 17 августа 1943 г.), не соответствует действительности. Танковые дивизии СС «Дас Райх» и «Мертвая голо-

ва», как нередко утверждается в зарубежной историографии, не были переброшены в Италию для усиления немецкой группировки, поскольку в тот момент они были привлечены к отражению советского наступления на р. Миус. В Италии был передислоцирован лишь личный состав одной дивизии СС «Лейбштандарт», танки и вооружение которой были переданы дивизии «Дас Райх». Немецкая группировка в Сицилии была усилена также переброшенными из южной Франции и Италии двумя пехотными дивизиями. Таким образом, не западные союзники СССР вынудили вермахт прекратить наступательные операции на Курской дуге.

Немецкое наступление разбилось о хорошо подготовленную и развитую систему обороны советских войск. По своей глубине, инженерному оборудованию позиций и полос, плотности сил и средств на одном километре фронта она не имела себе равных за всю войну. Немецкое наступление остановила глубоко эшелонированная система обороны, помноженная на исключительное мужество и стойкость советских солдат и офицеров, их возросшее боевое мастерство.

Особо необходимо отметить умелые действия Ставки ВГК, которая, сосредоточив в районах предстоящих действий крупные силы, добилась существенного превосходства над противником, что позволяло не только успешно обороняться, но и наступать. План кампании, разработанный советским командованием, с самого начала предполагал преднамеренную оборону с одновременной подготовкой контрнаступления.

Осуществить этот замысел позволили своевременно проведенные фронтовые контрудары, а также вспомогательные контрнаступательные операции на других участках советско-германского фронта. Благодаря этому попытка врага взять реванш за Сталинград и оставить за собой стратегическую инициативу провалилась.

Победа над врагом далась дорогой ценой. В оборонительных боях на Курской дуге советские войска потеряли около 180 тыс. человек, более 1,6 тыс. танков и САУ, около 4 тыс. орудий и минометов, но и противник понес огромные потери, которые так и не смог восполнить до самого конца войны.

Второй, контрнаступательный, этап Курской битвы (12 июля — 23 августа) привел к разгрому Орловской и Белгородско-Харьковской группировок немцев. 12 июля Западный (командующий генерал-полковник В. Соколовский) и Брянский (командующий генерал-полковник М. Попов) фронты перешли в стратегическое наступление по заранее разработанному плану под кодовым наименованием «Кутузов» против 2-й танковой и 9-й армий немцев в районе города Орла. В операции принял участие также Центральный фронт (правым флангом), перешедший с 15 июля в наступление из района Поньри-Архангельское. 26 июля немцы вынуждены были оставить Орловский плацдарм, отойдя на оборонительную линию «Хаген» (восточнее Брянска). 5 августа советские войска полностью освободили Орел. По этому случаю в Москве был впервые дан салют.

В свою очередь, Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция «Полководец Румянцев» на южном фланге силами Воронежского и Степного фронтов началась 3 августа. В рамках Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции уже 5 августа был освобожден Белгород, а 7 августа — Богодухов. 23 августа советские войска овладели Харьковом.

Общая обстановка на советско-германском фронте теперь определялась победами, одержанными Красной армией под Курском, создавшими предпосылки для полного освобождения территории Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков.

Литература

- [1] Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012.
- [2] *Вернидуб И.И.* На передовой линии тыла. М., 1993.
- [3] *Замулин В.Н.* Оборонительные бои советских сухопутных войск на южном фланге Курской дуги: обоянское и прохоровское направления (5–16 июля 1943 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2009.
- [4] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 2. М., 2002.
- [5] *Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г.* Курская битва. М., 1970.
- [6] *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999.
- [7] *Лопуховский А.* Прохоровка. Без грифа секретности. М., 2007.
- [8] Огненная дуга. Курская битва глазами Лубянки. М., 2003.
- [9] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. 5-е изд. М.: Воениздат, 1988.
- [10] Страна в огне. Коренной перелом. 1942–1943. Историко-документальное издание: в 3 т. Т. 2. Кн 1. Очерки. М., 2017.

УДК 327.51

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

С.Я. Лавренов

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции ядерного сдерживания в послевоенный период, а также основные изменения в этой сфере, вызванные резким ухудшением отношений между Россией и Западом, поставивших под вопрос сложившуюся систему стратегической стабильности, ключевым компонентом которой является ядерное сдерживание.

Ключевые слова: монополия на ядерное оружие, клуб ядерных держав, взаимное ядерное сдерживание, современная ядерная политика

Abstract. The article discusses the main trends of nuclear deterrence in the postwar period, as well as the major changes in this area, caused by a sharp deterioration in relations between Russia and the West, which put under question the current system of strategic stability, a key component of which is nuclear deterrence.

Keywords: monopoly on nuclear weapons, the Club of nuclear powers, mutual nuclear deterrence, modern nuclear policy

Появление ядерного оружия, совершившего подлинную «революцию» в военном деле, было продиктовано объективным процессом развития научных технологий. В этом смысле создание ядерного оружия и начало «холодной войны» были сопряженными, но не взаимообусловленными явлениями. Соответственно, и окончание «холодной войны», как на это легковесно рассчитывал автор концепции «нового политического мышления» М.С. Горбачев, ни при каких обстоятельствах не могло привести к ликвидации ядерного оружия.

США увидели в ядерном оружии долгожданное «чудо-оружие», предоставившее им возможность диктовать волю всему миру. Вряд ли в момент эйфории они предполагали, что этот доставшийся им мощный фактор мировой политики повлечет за собой ряд проблем, по сей день далеких от решения.

Во-первых, сразу же поднялся вопрос о том, как сохранить монополию на ядерное оружие, не допустив его распространения среди других ведущих держав; во-вторых, в каком качестве его целесообразнее использовать: как средство устрашения, инструмента политико-психологического давления на оппонента или попытаться трансформировать его в операциональное средство ведения вооруженной борьбы. В-третьих, если использовать его в последнем качестве, как добиться надежного «обезоруживающего» удара по противнику, избежав возмездия.

Первые две проблемы решались «по горячим следам» путем проб и ошибок. Это привело не только к демонстративной и не оправданной с военной точки зрения бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, но и в разработке многочисленных планов ведения ядерной войны против СССР. Уже в конце 1945 г. был разработан план Totality, предусматривавший сброс 20–30 ядерных бомб на 20 советских городов. Но поскольку к 1946 г. ядерный арсенал США насчитывал всего лишь 9 бомб, этому плану суждено было стать проектом «устрашения» и сдерживания Советского Союза от инициирования каких-либо наступательных действий в Европе [6]. Схожий характер имели и последующие планы-близнецы, штампуемые практически ежегодно: «Пинчер» (1946), «Бройлер» (1947), «Бушвэкер» (1948), «Кранкшафт», «Хафмун», «Когвилл», «Оффтэк», «Чариотир», «Флитвуд» (1948), «Дропшот» и «Троян» (1949). Отличие их друг от друга заключалось только в том, что с каждым новым планом увеличивалось количество объектов на территории СССР, предназначенных для ядерной бомбардировки. Если план «Чариотир», например, предусматривал бомбардировку 70 советских городов 200 ядерными зарядами [1], то план «Дропшот» предполагал сброс уже 300 атомных бомб.

Реализовать свои планы в практическом плане США не смогли не потому, что с 1949 г. СССР располагал уже собственной атомной бомбой, имевшей в тот момент, без средств доставки, символический характер. Однако и сами американцы обладали лишь ограниченным набором носителей, к числу которых относились, прежде всего, тяжелые бомбардировщики В-52, размещенные на

американских базах в Европе. При этом война в Корее (1950–1953) показала — в этом было еще одно ее важное для СССР значение — что советский реактивный истребитель МИГ-15 обладает такими тактико-техническими характеристиками, которые ставили под большой вопрос успешность рейда американских бомбардировщиков к территории Советского Союза.

После того как в сентябре 1956 г. советские бомбардировщики с дозаправкой в воздухе, смогли достигать территории США, ядерный шантаж США в отношении СССР еще больше обесценился. Это произошло несмотря на то, что к этому времени американцы обладали значительным парком истребителей-перехватчиков, в том числе сверхзвуковых (F-101, F-106), вооруженных управляемыми ракетами «воздух-воздух», а также зональными системами ПВО, развернутых вокруг стратегических объектов, что делало возможность проникновения советских бомбардировщиков к стратегическим объектам США мало вероятной. Однако последствия прорыва даже нескольких советских машин с ядерным оружием было неприемлемо для США.

Еще более иррациональную попытку развязывания ядерной войны сделали поступившие на вооружение во второй половине 1950-х годов в США и СССР первые межконтинентальные баллистические ракеты-носители (американские «Атласы» и советские Р-5М, Р-7). Осознание невозможности достижения победы в ядерной войне стало толчком для первых договоренностей между США и СССР по ядерной проблематике.

Основы системы взаимного ядерного сдерживания были заложены советско-американскими соглашениями об ограничении стратегических наступательных вооружений, начиная с Договора ОСВ-1 1972 г., а также Договором об ограничении систем ПРО 1972 г. Путь к этим соглашениям был ускорен рядом острых военно-политических кризисов, в ходе которых возникала прямая или косвенная угроза применения ядерного оружия: два тайваньских (1954 и 1958) и берлинский (1961) кризисы.

Особое место в этом ряду занял Карибский ракетный кризис 1962 г., когда мир едва не был ввергнут в хаос ядерного апокалипсиса. Соотношение ядерных потенциалов США и Советского Союза на момент кризиса было 17:1 в пользу США. В качестве одного из возможных вариантов действий американской администрацией рассматривалось нанесение «обезоруживающего» удара по всему ядерному арсеналу. Однако Дж. Кеннеди хватило здравого смысла понять, что даже то, что осталось бы от ракетно-ядерного потенциала Советского Союза, могло нанести непоправимый ущерб американской стороне. Сдерживающим фактором явилось также наличие крупной советской группировки сухопутных войск в Восточной Европе. Ядерная дуэль не состоялась.

Побочным эффектом огромного сдерживающего фактора ядерного оружия стал рост числа стран, желающих им овладеть, компенсировав тем самым отставание своих обычных вооруженных сил и обеспечив национальную безопасность с наименьшими затратами.

Клуб ядерных держав сначала пополнился за счет ближайших союзников США и СССР. Великобритания первое ядерное испытание произвела в ок-

тябре 1952 г., Франция присоединилась к ядерному клубу в 1960 г. В 1964 г. в него влился Китай, что стало возможным только благодаря масштабной помощи Советского Союза в развитии китайской атомной промышленности. Китаю был передан огромный массив советской документации и оборудования, необходимых для создания полного производственного цикла ядерного оружия, а в последующем и ракетные технологии. Вскоре после этого СССР и КНР всерьез и надолго «рассорились».

Попытка законсервировать ядерный клуб в составе великих держав (СССР, США, Великобритания, Франция и Китай) материализовалась в ряде международных договоров, в первую очередь Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [8], вступившем в силу после одобрения Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. Договор установил, что государством, обладающим ядерным оружием, считается то, которое произвело и взорвало подобное оружие или устройство до 1 января 1967 г. Страны, подписавшие договор, а это было подавляющее большинство государств мира, добровольно отказывались от разработки ядерного оружия, а также от попыток его приобретения.

Тем не менее Договор не смог воспрепятствовать процессу распространения ядерного оружия, причем не только среди государств, отказавшихся его подписать (в частности, Индии, Пакистана или Израиля).

Иран, подписавший Договор, с 2004 г. находится под подозрением в его нарушении. КНДР ратифицировала Договор, но вышла из Договора в 2003 г., к тому времени значительно продвинувшись в своих ядерных разработках [6]. Случай с Ираном и Северной Кореей создал прецедент, когда международное сообщество оказалось не в состоянии воспрепятствовать распространению ядерного оружия. В настоящее время помимо девяти состоявшихся ядерных держав (США, РФ, Англия, Франция, Китай, Израиль, Индия, Пакистан, КНДР) около сорока стран обладают потенциальной возможностью его создания (среди них Иран, Япония, Канада, Германия, Бразилия, Египет, Саудовская Аравия и др.). Добровольный отказ ЮАР от созданного ею небольшого арсенала ядерных боезарядов стал в этом отношении единственным исключением [8].

Осложняют ситуацию с нераспространением ядерного оружия отсутствие надежных гарантий от возможного вмешательства во внутренние дела со стороны ведущих держав, чему примером стали события в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене.

Нет гарантий и относительно того, что при определенных обстоятельствах ядерные державы не прибегнут к применению ядерного оружия. В частности, США и после подписания Договора в своих периодических Обзорах ядерной политики (фактически концепциях ядерной политики) указывали, что могут применить ядерное оружие в ответ на нападение с применением неядерного «оружия массового уничтожения», поскольку обязались не применять в ответ биологическое или химическое оружие. Подобной позиции придерживаются и другие западные ядерные державы. В этом контексте не

выглядят чем-то экстраординарным и прямые нарушения Договора о нераспространении ядерного оружия, связанные с размещением на территории ряда государств — членов НАТО американского ядерного оружия и авиационных средств его доставки (так называемые совместные ядерные миссии).

Эффективность Договора о нераспространении ядерного оружия, во многом, подорвана также тем, что тесно связанный с ним Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, принятый в сентябре 1996 г., так и не вступил силу. В частности, не ратифицировали договор США, Китай, Израиль, а Индия, Пакистан и КНДР вообще его не подписали (Россия ратифицировала Договор в 2000 г.). Тем самым, подтверждаются слова маршала Советского Союза Н.В. Огаркова, начальника советского Генштаба (1977–1984), о том, что политическое и военное руководство ядерных держав будет стремиться приспособить ядерное оружие к существующим формам и способам ведения военных действий [5, с. 51].

В концептуальном отношении стремление трансформировать ядерное оружие в реальное средство ведения вооруженной борьбы выразилось в разработке концепций «ограниченной ядерной войны». Впервые идея «ограниченной ядерной войны» была открыто выдвинута еще в середине 1950-х. В брошюре «Об ограничении атомной войны» (On Limiting Atomic War), изданной британским Королевским институтом международных отношений в 1956 г., содержалась идея о так называемом дифференцированном сдерживании, допускавшем возможность применения ядерного оружия «малой разрушительной силы» в локальных и региональных конфликтах. Эта концепция получила дальнейшее развитие в трудах Р. Осгуда «Ограниченная война: вызов американской стратегии» (Limited War: The Challenge to American Strategy, 1957), Г. Кана «Об эскалации» (On Escalation, 1965) и др.

Окончание «холодной войны» временно положило конец ядерному планированию подобного рода, но, как оказалось, ненадолго. Опубликованный в США 2 февраля 2018 г. документ под названием «Обзор ядерной политики» (Nuclear Posture Review) фактически реанимирует ряд из положений концепции «ограниченной ядерной войны» в рамках так называемого индивидуального или адаптивного подхода к реализации задачи стратегического сдерживания [2]. В отличие от предыдущих обзоров, новая редакция ядерной политики декларирует возможность дифференцированного подхода к вопросу об использовании ядерного оружия, в том числе в случае «чрезвычайных обстоятельств», которые не ограничиваются исключительно военными сценариями, а предполагают возможность использования ядерного оружия в любых ситуациях, угрожающих жизненно важным национальным интересам Америки, что можно трактовать предельно широко. В частности, во вступительной части к «Обзору ядерной политики» появилась формулировка, которая позволяет американскому президенту использовать ядерное оружие в случае «скоротечного изменения геополитической обстановки» и даже технологических «неожиданностей». В списке оснований для применения ядерных ударов значится также нападение с использованием обычных вооружений против ядер-

ных сил, объектов управления ими и средств предупреждения о ракетном нападении США и их союзников.

Помимо традиционных стран, размещенных американцами на «оси зла» (Иран, КНДР и др.), в обосновании потенциальных угроз значительное место отведено России, которой приписывается некая доктрина «эскалации» применения ядерного оружия или его применение в первом ударе с целью «деэскалации» вооруженных конфликтов (в ныне действующей российской военной доктрине такое положение отсутствует).

Непосредственным следствием обновленной стратегии ядерного сдерживания является запланированная масштабная модернизация ядерного арсенала США, в том числе оперативно-тактического и тактического назначения. Что касается модернизируемой стратегической ядерной триады, то ее основу должны составить 400 моноблочных МБР наземного базирования (предположительно под названием «Минитмен-4»), первая из которых поступит на вооружение в 2029 г.

В такую триаду также войдут до 240 БРПЛ «Трайидент-2» (D-5), установленных на 12 ПЛАРБ класса «Колумбия», которые впоследствии будут заменены новыми типами. Особую озабоченность вызывают объявленная программа создания боеприпаса «малой мощности» для крылатой ракеты морского базирования в ядерном оснащении и «облегченной» боеголовки для баллистической ракеты подводных лодок «Трайидент-II». Эти «маломощные» ядерные боезаряды рассматриваются как «оружие поля боя».

Третьим элементом обновленной триады станут 60 тяжелых бомбардировщиков типа В-21 «Рейдер» с ядерными крылатыми ракетами воздушного базирования и корректируемыми ядерными авиабомбами В-61-12. Такой самолет, по предварительным оценкам, будет в состоянии в пределах 30 мин достичь цель в любой точке земного шара [4]. Первый из таких бомбардировщиков должен поступить на вооружение в 2025 г.

Кроме того, новую стратегическую ядерную триаду усилят неназванное количество бомбардировщиков средней дальности двойного назначения, способных нести авиабомбы в ядерном или неядерном снаряжении. Основу последних составят уже поступающие в ВВС США новые многофункциональные истребители-бомбардировщики F-35 передового наземного и авианосного базирования, которые будут вооружаться перспективной ядерной авиабомбой «В-61-12» с боезарядами в 50, 10, 1,5 и 0,3 кт, что придает качественно новый характер боевым возможностям нестратегических ядерных сил НАТО. Новое семейство авиабомб В-61-12 благодаря хвостовому оперению и системе наведения, аналогичной управляемым бомбам JDAM¹⁷, станет управляемой и высокоточной [9]. Фактически В-61-12 будет представлять собой бомбу двойного назначения: она может являться элементом как

¹⁷ JDAM (Joint Direct Attack Munition) — оборудование на основе технологии GPS, преобразующий существующие свободнопадающие бомбы («тупые» бомбы, англ. *dumb bombs*) во всепогодные корректируемые («умные»).

стратегических наступательных вооружений при доставке тяжелыми бомбардировщиками, так и нестратегическим ядерным боезарядом при использовании самолетами тактической авиации. С аэродромов стран Балтии подлетное время самолетов F-35 к Москве и Санкт-Петербургу составит считанные минуты. Американские F-35 с новыми атомными авиабомбами могут появиться у границ РФ уже в 2020 г.

Модернизация ядерного оружия сопровождается усилиями по созданию материально-технических предпосылок для нанесения обезоруживающего удара. Выход США в декабре 2001 г. из Договора по ПРО 1972 г. был обусловлен очередной попыткой создания такой системы противоракетной обороны, которая сделала бы Америку неуязвимой для ответного и даже ответно-встречного ядерного удара. Развертывание системы ПРО (в том числе в Польше и Румынии) нацелено на то, чтобы нейтрализовать потенциал сдерживания России и Китая. При этом в Польше и Румынии под прикрытием системы противоракетной обороны могут быть подготовлены пусковые установки для запуска ракет средней дальности (в том числе крылатых ракет), снаряженных ядерными боеприпасами. Под ударом американских крылатых ракет может оказаться практически вся европейская часть России.

Однако особую опасность с точки зрения снижения порога для возможной ядерной войны представляет возвращение к практике создания тактического ядерного оружия, разработка которого была заморожена неформальными американскими «президентскими» инициативами 1991–1992 гг.

Семейство тактического ядерного оружия включает различные виды ядерных боеприпасов: от ракет класса «воздух-воздух» до артиллерийских ядерных боеприпасов и инженерных боеприпасов (ядерных фугасов и мин), которые могут быть гипотетически использованы в ходе конвенциональных военных действий. В частности, США имеют богатый опыт в разработке атомных артиллерийских боеприпасов. Уже в 1950-е годы США создали 280-мм артиллерийский атомный снаряд W-9 мощностью 15 кт к пушке M65, затем на вооружение был принят снаряд W33 калибром в 203 мм. В 1960-е гг. был разработан артиллерийский снаряд W48 стандартного калибра 155 мм, основным поражающим фактором которого был мощный поток нейтронного излучения. Последней разновидностью атомного снаряда армии США стал 203-мм снаряд W79. В 1961 г. американцами было создано по-своему уникальное ядерное вооружение батальонного уровня — атомный гранатомет «Дэйви Крокетт», стрелявший субкилотонной боеголовкой W54. Этот переносной комплекс придавал пехотному батальону огневую мощь, эквивалентную совокупному потенциалу дивизионной артиллерии.

В области миниатюризации ядерного оружия, требовавшей мощного научно-технического потенциала, СССР и США значительно опередили другие ядерные державы, однако это не означает, что к Соединенным Штатам и России не смогут присоединиться и другие ядерные державы [3, с. 894].

Новое качество нынешнему витку гонки ядерных вооружений придают информационные технологии. Кибератаки гипотетически способны нарушить

работу каналов связи или полностью вывести их из строя, тем самым осложнив управление ядерными силами. Одновременно они могут создать неверное представление о намерениях сторон либо спровоцировать нештатное срабатывание систем раннего оповещения, создав иллюзию внезапного удара.

Не исключено также внедрение вредоносных программных средств в системы управления ядерными силами, в том числе и третьей стороной. В случае кризисной ситуации это повысит вероятность необоснованного использования ядерного оружия.

Таким образом, обновленная ядерная доктрина США законодательно закрепляет курс на создание принципиально новой стратегической ядерной триады, предполагающей, в том числе, создание образцов ядерных боезарядов оперативно-тактического и тактического назначения. Одновременно американское военно-политическое руководство значительно понизило порог применения ядерного оружия, продекларировав возможность инициативного применения ядерного оружия в первом ударе практически против любого государства мира, в том числе против тех, которые применяют против США силы общего назначения, задействованные в любом, даже в небольшом масштабе. Это закладывает возможность возникновения ракетно-ядерной войны даже в ходе локальных вооруженных конфликтов.

Можно констатировать, что мир вступил в качественно новый этап гонки вооружений, в которую в той или иной степени будут вовлечены все ведущие ядерные державы (США, Россия, КНР, Англия, Франция и др.). По своим непредсказуемым последствиям она не имеет прецедента в предшествующей истории, и при наложении ряда факторов (прежде всего, ошибочных решений) может приобрести апокалиптический характер.

Литература

- [1] *Варшавчик С.* Почему не были реализованы планы по ядерной бомбардировке СССР. URL: <https://ria.ru/analytics/20151203/1335028353.html> (дата обращения 12.02.2018).
- [2] *Козин В.П.* «Ядерная доктрина Трампа»: перезагрузка на подрыв стратегической стабильности. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yadernaya-doktrina-trampa/> (дата обращения 12.02.2018).
- [3] *Косошин А.А.* Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 893–899.
- [4] *Мухин В.* НАТО готовит России ядерный «подарок» // Независимая газета. 11.10.2016/http://www.ng.ru/politics/2016-10-11/1_nato.html (дата обращения 12.02.2018).
- [5] *Огарков Н.В.* История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985.
- [6] План «Тоталити». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 12.02.2018).
- [7] *Тузмухамедов Б.* Карт-бланш. Ядерное оружие: запретить нельзя разрешить // Независимая газета. 20.10. 2016. URL: http://www.ng.ru/armies/2016-10-20/3_6838_kartblansh.html (дата обращения 10.02.2018).
- [8] *Тузмухамедов Б.* Атомная бомба для широкого круга // Независимое военное обозрение. 28.10. 2016. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2016-10-28/1_924_atom.html (дата обращения 12.02.2018).
- [9] Nuclear Weapons Modernization: A Threat to the NPT? Hans M. Kristensen. The Arms Control Association. URL: <http://www.armscontrol.org/> (дата обращения 10.02.2018).